

ЛИНА МУР

О С Т А Н Ь С Я

ТОЛЬКО

Н А В Р Е М Я

Annotation

Голливуд. Яркий, сверкающий славой и всегда успешный. Город богатых и знаменитых. Город, где порхают неповторимые «бабочки» и угасают «мотыльки». Они никогда не пересекутся, ведь пьедестал уготован лишь одному из них. Но только на время они встретятся, чтобы узнать: какой вкус у сумасшествия. Лёд и пламя. Горячая кровь вступит в схватку с холодным разумом. Два человека. Женщина и Мужчина. Страсть и боль. Опасность и притяжение. Любовь? Расчёт? Слава? Власть? Предательство? А что выберут они?

Останься только на время

Лина Мур

Шайди

Голливуд. Перед моими глазами именно эти буквы. Горячий, крепкий кофе и начинается новый день. Бросаю взгляд на знаменитый холм и усмехаюсь. Сколько людей погибло на нём и из-за него. Не счесть. Слава. Софиты. Популярность. Миллион фанатов и папарацци. Знаменитые дома моды дарят одежду, украшения и машины. На вершине. Именно эта иллюзия становится бедой тех, кто приезжает в звёздный город.

«Город Ангелов». И да, их здесь довольно много. Потерянные души, загубившие себя ради славы. Вижу это каждый день, и сама обрекаю их на такую жизнь. Бизнес. Ничего личного. Новое лицо, считающее, что именно его нам не хватает для взлёта. А нам некуда подниматься. Мы и так на самом верху. Одна из самых популярных американских компаний, занимающаяся созданием и распространением фильмов. Одна из самых знаменитых корпораций, владеющая издательствами и модельными агентствами. Наши работы всегда занимают топ. Наши модели и актёры лучшие. Наши книги становятся бестселлерами. Всегда востребованы и приносят деньги. Большие деньги, которые жаждут получить, летящие на обжигающий огонь серые мотыльки. Но избранными становятся именно те, кто выживет. Сгорают... слишком часто и быстро. Не жаль, никто не виноват в их исходе, они сами решились на шаг в бездну. А я лишь наблюдаю. Полыхать в агонии не так больно, как кажется, но может быть смертельно. И если выберешься, то откроются двери в мир богатства и роскоши, в мир хрустящих бумажек и личных самолётов. В мой мир.

Честность? Забудьте. Страх? Обещаю. Муки? И это могу подарить. Жалость? Не имею такой особенности. Всё чётко. Стабильно. По расписанию. Ни секунды лишней. Кто не успел – сгорел. Кто не зацепился – умер.

Мне не нужны часы, чтобы знать точное время. Я им живу. Кофе заканчивается с последним терпким глотком, как и лимитированные минуты для завтрака. Закрываю дверь террасы и возвращаюсь в пентхаус. На ходу подхватывая сумочку, передаю пустую чашку домработнице, ожидающую меня у двери. Услужливо протягивает наушник, который вкладываю в ухо. Мобильный. Органайзер. Ключи от машины. Энергетический коктейль.

– Хорошего дня.

Кивком благодарю и выхожу из квартиры.

Начало недели и приближающиеся светские события, списки, бал в честь пятидесятилетия корпорации, планы и мои амбиции. Ничего нового. По старой схеме. Стекланный лифт нового элитного комплекса, выстроенного пару лет назад, везёт меня на этаж парковки. Приветствие фар спортивной «Ауди» и никакой музыки. Аромат дорогой кожи и тёмные очки на глазах. Меня не волнует, что происходит за пределами моего автомобиля. Это мир, который не требует моего участия. Не останавливаюсь, когда проезжаю столпившихся людей, разглядывающих, скорее всего, новую автокатастрофу или же обсуждающих последствия. Нет, у меня есть цель. Работа. Деньги. Стабильность. Идти на поводу у минутных желаний – глупость, за которую заплатишься собственной жизнью. «Аллея Славы» – иллюзия, которую стараются достигнуть «мотыльки». Они гуляют по ней и мечтают. Мертвы. Из-за этих фантазий. Только те, кто знают свои силы и имеют острые зубы, выживут. Для других здесь места нет.

– Мисс Лоу, доброе утро.

Кивая, прохожу по коридору, направляясь в свой офис в эпицентре этого рассадника заболеваний, именуемого «слава». Обожаю это ощущение. Падения и взлёты. Каждую минуту кто-то из «мотыльков» превращается в «бабочку» и наоборот. Солнце для некоторых означает новую возможность, для меня же – день, в котором будет холодно. Очень холодно, потому что в этом месте запрещено чувствовать. Именно отсутствие этого минуса позволило мне подняться так высоко, насколько было возможным.

Половина девятого.

Документы на подпись уже лежат на столе. Кофе ждёт своего часа на подносе, как и два круассана с сыром, и сигара. Шторы открыть и принять свежие гвоздики, чтобы украсить ими низкий столик в сердце корпорации. Проверить чистоту и отсутствие мусора. Повернуться к двери и краем глаза отметить, что время пришло. Напиток остыл до нужной температуры. Приподнять подбородок и слабо натянуть вверх уголок губ.

– Доброе утро, Шай. Прекрасный день.

Ровно девять часов, и мой босс, глава и наставник, входит в офис, бросая портфель на диванчик в серых тонах.

– Доброе утро, мистер Роксборро. Ваш завтрак на столе, документы рассортированы по степени важности. В десять у нас совещание. Вот ваше расписание на сегодня.

Кладу папку перед мужчиной приятной наружности. Его тело помнит ещё усилия в спортивном зале, как и запомнило аромат дорогого парфюма. Гладковыбритое лицо сияет добротой, а голубые глаза пятидесятирёхлетнего мужчины наигранно устало закатываются, когда раскрываю и указываю на план дня.

– Боже, Шай, дай передохнуть. Простоял в пробке сегодня час. Но ни за что не променяю особняк на квартиру.

Снисходительно улыбаясь, направляюсь к дивану и подхватываю портфель босса.

– Как тебе субботняя премьера?

– Сюжет довольно хорош. Тем более автора, которого переманили к себе конкуренты, советовала когда-то я, а мы не успели. Но вот актёрский состав недотянул. Я бы поставила фильму кассу в шесть миллионов. Хотя на пиар они выложили около трёх. Максимальная ставка для них месяц и не более трёх процентов, – монотонно произношу, выпрямляясь и довольно отмечая, что подставка для портфеля идеально вписалась в интерьер.

– Будем ставить?

Голубые глаза прищуриваются, приподнимаю уголок губ.

– Нет. Играть будем на премьере в июле. «Парамаунт» обещает драму, которая взорвёт сердца. Жаль, они не знают, что у многих их нет.

Останавливаюсь напротив стола и выдерживаю оценивающий взгляд Мертона Роксборро.

– Скоро бал...

– Да. Всё уже готово. Зал заказан, развлекательная компания, приглашения разосланы, оставили ещё двадцать штук на всякий случай. Все удачливые «мотыльки» и «бабочки» слетятся по расписанию. Оркестр, как вы и просили, разбавим современной музыкой и певцами, работающими на нас. Мы получили сто из ста. Так что рядом с этим приёмом стоит галочка.

Уверенно перебиваю и передаю полный отчёт о проделанной работе. Мужчина откидывается на спинку стула, даже не глянув в папку, и берёт в руки кружку.

– Но ты ещё здесь, милая, значит, у тебя что-то есть для меня.

Угадывает. Чувствую, как кровь бежит по венам от экстаза.

– Верно.

– Слушаю, Шай. Что ты принесла мне в своих когтистых лапках?

Хмыкаю от этого сравнения, но привычно, приятно и даже возбуждающе сказывается на мне.

– По последним данным из отдела продвижения и отчётности, у нас стабильность.

Делаю паузу, ожидая, когда мои слова произведут эффект и чашка с кофе будет отставлена.

– И это должно быть хорошо, не так ли?

– Должно быть, – подхожу к столу и, открывая приготовленную папку, разворачиваю к боссу.

– Итак, вот здесь наши активные «мотыльки», – указываю на график и список.

– Последнее закрытое пополнение у нас было тринадцать месяцев назад. Штат под завязку. Даже слишком, я бы сказала, – переворачиваю страницу и подтверждаю свои слова цифрами.

– Тридцать процентов из них имеют минимальную ставку, и держатся на ней последние пять месяцев. То есть это лишний груз, который мы тянем на себе. Лишние траты и поддержание их статуса. Лишние рабочие силы и ресурсы. Два месяца назад я дала им заказы на ранг выше, чем они имели. Но никакого скачка. Ни движения. Вот именно это мне и не позволяет сказать, что у нас всё хорошо.

Выпрямляюсь и ловлю взгляд Роксборро. Пару минут, чтобы до него дошла моя мысль. Терпеливо ожидая, спокойно сношу его задумчивое выражение лица.

– Ты предлагаешь их уволить.

Бинго!

– Не уволить, а перевести в дочернюю компанию, которой владеет ваш брат. Они не для нас, а вот для каталогов сойдут, – немного киваю.

– То есть уволить, потому что брат работает с мусором. Так, а дальше что?

Мой час настал. Растягиваю губы в улыбке, которая означает жажду крови. Чистой. Новой. Утончённой. Без примесей.

– У нас будет бал, на который мы пригласили всех наших «мотыльков», как и чужих. В них мы заинтересованы. Я прослежу за ними и выберу самых интересных, если такие будут. При этом после грандиозного события, с которым не может тягаться ни одна компания в Америке, даже больше в мире, мы объявим набор. Открытый. Мы возьмём худших из худших. Слепим из них то, чего так мало в нашем бизнесе. Минусов. Со страниц журналов и экранов на нас смотрят идеальные лица. Таких не бывает, люди понимают, что пластика, деньги, идеальная красота, – это откровенный фотошоп жизни. Насмешка над ними. Мы же будем продавать ледяную страсть вкупе с естественной красотой. По последним данным, люди принимают рекламу, где есть что-то настоящее, приближенное к истине обычных будней. Я не говорю об откровенных сценах. Нет. Быт. Простота. Лоск. Нам нужны взрослые мужчины вроде нашей звезды Крейка Адамсона.

– Ему тридцать шесть.

– Верно. Мы будем рассматривать мужчин от двадцати семи до тридцати пяти лет. Стабильность. Серьёзный вид. Конечно, мы поработаем над телом, расскажем о правильном питании, поставим голос, напишем роль, как и всегда. Но у них будет отличие – их простота. А женщины хотят именно таких мужчин. Он близко, таких как он полно в Голливуде,

и в то же время их нет рядом. Поиск идеала и жажда дотянуться до него. Охота, которую обожают вести женщины, чтобы заполучить того самого. Один взгляд, и она сражена наповал. Мужчины будут желать быть похожими на них. Сдержанная улыбка и элегантность во взгляде. Потаённые мысли. Молчание бывает лучше длинных и сладких речей. Потерянная жемчужина. Молодёжь тянется за такими. Ставит их себе в кумиры и пытается разгадать тайну этой персоны. Мы сотворим мечту, с которой люди будут засыпать и пробуждаться, видеть его во снах и фантазиях. Искать среди прохожих.

– Вижу, ты всё продумала, Шай, – тихо смеясь, подхватывает круассан и впивается в него зубами.

– Да. Я слежу за всеми тенденциями во многих отраслях. Тем более мы ничего не теряем. Та же минимальная ставка, испытательный срок, и останутся лучшие из худших. К тому же последний фильм с Аароном Гриром принёс нам более чем вкусный прирост. А ему тридцать один и начинал он с модельной карьеры у нас.

– Твой протеже.

– Нет, он не мой «мотылёк». Он моя «бабочка». Я лишь дала ему свободный кокон, а вот именно он сделал его комфортным и выгодным для себя и нас. И не выказываю предпочтений никому, мистер Роксборро, то было время, когда я только начинала. Сейчас же чую успех без слов и это подтвердилось не один раз, – хмыкаю от его комментария.

– Знаю, моя радость. Ты у меня бесценна. Моя красавица, и я не представляю, что без тебя делал бы. Как я понял, ты всё подготовила для сегодняшнего совещания. Мой ответ ты знаешь. Моя компания – это ты. И я готов поддержать любое твоё начинание. Даже если прогорим, но уверен, что ты не допустишь этого, это никак не скажется на моих миллионах.

– Благодарю за доверие, – не скрывая улыбки, склоняю голову. Вот он адреналин. Моя жизнь. Мой кокон и моя сладость.

– Шай, а что у меня за личный обед сегодня? Не помню, чтобы мы с тобой собирались куда-то.

Мои мысли обрываются, скручиваясь в тугую струну, и прячутся в разуме.

– У вас и миссис Роксборро годовщина свадьбы в это воскресенье. Я заказала столик для вас сегодня, чтобы вы начали праздновать. Папарацци тоже запечатлеют вас вместе с женой. Необходимо дать им этот материал, потому что успешный глава корпорации «Роксборро Интерпрайзис» должен быть идеальным во всём. Тем более тридцать пять лет серьёзная дата, чтобы вы про неё забыли и оставили без внимания. Посему цветы будут ожидать вас в «Майбахе», речь на это свидание под документами, которые вы должны подписать до полудня. Ваша жена оповещена, и это не обычный обед, мистер Роксборро. Это ваше свидание с женой, о которой вы совершенно забыли. К тому же в воскресенье, после субботнего бала, в вашем доме пройдёт семейный ужин, на который прилетят ваши сыновья с семьями. Они тоже уже в курсе и подтвердили своё присутствие.

– Есть одна проблема, Шай, – хмурится, разбирая листы в поиске речи.

– Какая же, мистер Роксборро?

– Я не давал согласие на этот обед...

– Босс, – мягко перебиваю его и, улыбаясь, подхожу к его столу. – Вы должны это сделать. Ваша жена так скучает и не видит вас, порой, слишком долго. Это нечестно по отношению к ней. Один обед и журналисты удовлетворены. Ещё я заказала статью в день вашего праздника о вас и вашей семье. Необходимо будет устроить фотосессию для обложки. Это пройдёт в воскресенье в три часа дня, и я за всем прослежу. Идеальная семья, мир

и любовь до гроба. Не разрушайте американскую мечту, ведь она успешно у нас продаётся. А мы должны сами опробовать товар, который предлагаем.

– Шай, – тянет он, потирая глаза. – Ты же знаешь...

– Знаю, мистер Роксборро, конечно, знаю, – ловлю его удручённый взгляд и облакачиваюсь ягодицами о столешницу. – Я всё про вас знаю, как и вы про меня. Мы команда, мистер Роксборро. И я делаю свою работу – защищаю вас и ваш бизнес, разрабатываю концепции и слежу за финансовой стороной ваших счетов. Иногда приходится делать то, что не хочется. Но если выдумать иллюзию, что этот обед – самое лучшее, ожидающее вас сегодня, то всё будет хорошо. Разум шлука интересная. Обмануть его легко, и вы сможете. Но если вы сорвёте этот обед, и я не увижу на фотографиях улыбки, то больше не буду...

– Злая ты, Шай, – перебивая, смеётся, и я улыбаюсь ему в ответ.

– Не злая, мистер Роксборро, я волнуюсь о вас и учусь у вас многому, хочу продолжать это делать. И мне доставляет удовольствие смотреть, как мы идём только вверх.

– Потому что ты у меня золотая, Шай. Ты моя девочка и я люблю тебя, а больше мне любить некого, – босс грустно улыбается. Выпрямляюсь и беру в руки сигару.

– Есть кого вам любить, мистер Роксборро, вы просто не хотите найти на них время, – предлагаю ему её.

– Хитрая ты у меня, но права. Может быть, мне взять отпуск? – Его вопрос застаёт врасплох. Паника на секунду проносится по телу, а затем снова тишина.

– Если вы считаете, что вам это необходимо, то отправляйтесь на острова. Ваша вилла и яхта будут ожидать вас тогда, когда пожелаете, – улыбаясь, подхватываю свою папку и направляюсь к двери.

– Я подумаю, Шай.

– В десять совещание, мистер Роксборро. Через шесть минут принесу вам свежий кофе, и вы позавтракаете, – не оборачиваясь, выхожу из кабинета и закрываю за собой дверь. Дыхание не сбито, сердцебиение в норме, как и нет никакого волнения.

Такие как я, ничего не бояться. У нас есть два состояния: безразличие и ненависть. Другое мы давно забыли, потому что когда-то сами были «мотыльками». Обожглись, но не сгорели. Выжили. Если выжила я, значит, может выжить любой человек. Хотя не у каждого есть причины, а у меня они на первом месте.

Вот так. Шаг за шагом и всё будет в моих руках. Я добьюсь того, о чём мечтала.

Шайди

Не люблю ждать. Никого и никогда. Тем более задерживать из-за этого свой обед тоже не собираюсь. У меня осталась сорок одна минута, чтобы съесть сто двадцать пять грамм тёплого салата с тунцом и сто семьдесят грамм «Дорадо».

– Привет. Прости, забежала в супермаркет за тестом на беременность.

Дочитывая статью-сплетню про популярную певицу, медленно поднимаю голову.

– Брось, Шай, не нуди. Я, правда, торопилась, тем более Аарон прилетает через два дня, и я должна знать наверняка, – серо-голубые глаза блондинки с модным окрашиванием смотрят на меня так просяще, что кажется вырвет сейчас.

– Я сделала заказ, – откладывая журнал на стул и пальцами обнимаю прохладную ножку бокала.

– Шай...

– Тина, меня не волнует, где ты была и на что потратила своё личное время. Это касается только тебя и никак иначе. Но ты знаешь, насколько меня раздражает, когда люди позволяют себе опаздывать на встречу со мной, а тем более врать мне, – сухо произношу, удерживая взгляд подруги.

– Чёрт, как ты об этом постоянно догадываешься? – Мартина Грир кривит нос, а я усмехаюсь, делая маленький глоток свежесжатого яблочного сока с сельдереем.

– Ты бегаешь глазами по мне, по пространству. Ты слишком возбуждена для похода за тестом на беременность. В твоём взгляде читается жажда поделиться чем-то очень важным для тебя. Твои руки немного дрожат. Над губой выступил пот. Могу предположить от переизбытка эмоций, которые ты сдерживаешь внутри. Сейчас ты так сильно улыбаешься, что боюсь тонкая ткань твоих губ разорвётся, и мы узнаем, как часто ты обкальываешь себя гиалуроновой кислотой. И в итоге... спасибо, – обрывая свою речь, киваю официанту, с улыбкой ставящему салат передо мной.

– Я вынесу свой вердикт. Ты раньше купила тест, – спокойно раскладываю салфетку на коленях.

– Ты его сделала за сегодня не один раз, – беру приборы и разрешаю взглядом официанту добавить специй в моё блюдо.

– И чтобы поскорее приняться за обед, так как у меня осталось всего тридцать шесть минут, вынесу вердикт. Ты беременна и болтала об этом с Аароном, оторвав его от съёмок, – кладу в рот порцию салата, пока глаза подруги удивлённо распахиваются.

– Ты заказывать будешь?

Указываю на меню вилкой, пока подруга то ли в ступоре, то ли сейчас завизжит. Ох, же чёрт.

– Не смей этого делать, – угрожая ножом, предупреждаю подругу, с каждой минутой краснеющую от сдерживаемого крика всё больше.

– Я...

– Нет.

– Но, Шай...

– Нет, не здесь.

– Но ты права...

– Знаю, поэтому дай поесть.

– Но...

– Нет, Тина, не привлекай внимания. Если ты это сделаешь, то новость о том, что ты проглотила арбузную семечку дойдёт до журналистов. Тебя начнут преследовать, как и Аарона. Его и так щёлкают на каждом шагу, и нам приходится каждый раз оберегать его от сплетен. Это принесёт с собой только негативные эмоции и отрицательное влияние на плод. Поэтому лучше закажи нам ягодный десерт, и мы это отметим. Тихо. Спокойно.

Подруга упрямо смотрит на меня, поджав губы. Откладывая приборы, склоняю голову набок совсем немного, чтобы показать оппоненту, что это смешит меня. Мы, не мигая, смотрим, друг на друга, и через несколько мгновений нижняя губы Тины выпячивается, и она издаёт непонятное ржание.

– Вот и умница. Я вас поздравляю, – вновь принимаюсь за свой остывший салат.

– Интересно, хоть кто-то в этой жизни сможет тебя изменить? – Недовольно бубнит Тина, раскрывая меню.

– Кто-то – нет. Да и, вообще, ответу на твой вопрос отрицательно.

– Мы станем... боже, Шай, я так рада. Две недели. Мне уже двадцать девять и нам пора. Надеюсь, в этот раз всё получится, – подруга понижает голос до шёпота.

– И ещё раз поздравляю. К сожалению, не разделяю твоего энтузиазма, но всегда готова помочь, – подмигиваю ей, наслаждаясь вкусом своего обеда.

– Аарон прилетит, и мы отметим это. Ты же придёшь?

Вилка с салатом на долю секунды замирает в воздухе, а затем возвращается обратно в тарелку.

– Я постараюсь.

– Значит, нет. Шай, не понимаю почему? Тебе двадцать шесть, никаких отношений за два года, что тебя знаю. Никаких эмоций и влюблённости. Тебе следует познакомиться с другими ребятами из нашей компании. Может быть, найдёшь себе кого-нибудь и «Круэлла Де Виль» исчезнет.

– Влюблённость мешает жить и работать. У меня есть прекрасный пример. Ты. К тому же я знакома со всеми. Если ты забыла, то они все работают у нас, – складываю приборы крестом и промокиваю губы салфеткой.

– Одно из моих правил – не смешивать секс и работу, – добавляю, пока подруга, прищурившись, ищет новый аргумент, чтобы вытянуть меня на попойку, где никто ни за что не в ответе. Где царят хаос и безобразия. Ведь модели, актёры и певцы, которых собирает вокруг себя Аарон – один из фаворитов режиссёров и сценаристов, очень любят халяву. В принципе, как и множество людей. Но чем легче достались деньги, а они сорока одному проценту из нашего нынешнего штата были подарены именно так, тем сильнее хочется нажиться на чужих. Закон жизни, который очень часто люди забывают, и принимают этого человека, как «душа компании». И таких не люблю, я от них избавляюсь. Потихоньку, но вытурю всех.

– Ты бы для начала смешала секс и постель, – хмыкает Тина и, поворачиваясь к официанту, делает заказ.

– Завтра у меня свидание с Френком из «Парамаунт», – сообщаю, когда нас оставляют одних.

– Оу. С конкурентами пойдёшь ужинать?

– Не ужинать, а обедать. И да, он давно пытается хоть что-то сделать со мной. Разрешу

посмотреть, как я ем. Хотя он попытается выведать секреты или же узнать, какие планы у нас на будущее и расписание посещений светских мероприятий.

– Но он довольно симпатичный, харизматичный и глава их отдела пиара. Небольшое любовное приключение вам обоим не помешает, – вижу озорные искорки в глазах подруги.

– Ему уж точно поздно задумываться о репутации, потому что слишком повяз в этом. Я же грязь не собираю, – отрезаю и готовлюсь к другому блюду, которое уже несут.

– Тогда зачем с ним встречаться? Может быть, снова попытаться с Джоем?

– У меня свои планы на него. А второй кандидат – модель, и его место работы – Европа и Китай. Вспомни моё правило.

– Шай, тебе определённо нужен мужчина. Ты уже одичала, – в её голосе столько сочувствия, что думаю, она сама сейчас расплечется, когда меня это даже не трогает.

– Лучшего забрала ты, – меняю тему.

– Насколько я помню, ты назвала его слащавой гусеницей, – смеясь, произносит она.

– Но из гусеницы родилась бабочка, а не мотылёк.

– Кстати, слышала, что мы увольняем людей.

Изгибаю бровь, предлагая ей продолжать, пока обедаю.

– Я сегодня пропустила собрание...

– Я это заметила, и больше так не делай.

– Не нуди. Рокси у нас – плюшевый пингвинёнок, и я предупредила, что отлучусь, – цокает она.

– Мистер Роксборро, и никак иначе. Он наш босс и он нам подарил эту роскошь, – сухо напоминаю ей, отчего девушка поджимает недовольно губы.

– В общем, пошла волна слухов и она двинется дальше через пару часов. Нас начнут атаковать модельные агентства. Ты подкинула неприятно пахнущую работёнку всем.

– Работа не может иметь плохого аромата, есть только запах денег. Если кому-то что-то не нравится, то всегда есть дверь и выход. На этом я заканчиваю обед и желаю тебе приятного аппетита, – откладывая салфетку и допиваю фрэш.

– Посиди ещё, Шай, – обиженно тянет Тина.

– Ты знаешь мои правила...

– Всё по расписанию. Боже, надо все твои часы сломать, – подруга недовольно складывает руки на груди.

– У меня всё записано здесь, – вставая, указываю на висок. – Заказывай, что хочешь и сиди сколько хочешь. Но отчёт, чтобы завтра был у меня на столе.

– Будет, как обычно.

– Не забудь собрать чеки, – останавливаюсь рядом с ней и наклоняюсь.

– Ещё раз поздравляю вас, дорогая. Береги себя, – целую её в макушку и дарю заученную улыбку, а она мягкую и нежную.

– До встречи.

Надеваю солнечные очки и прохожу по едва заполненному залу закрытого ресторана для звёзд Голливуда. Мне открывают двери, вкладываю в руку мужчины хрустящую стодолларовую купюру и выхожу из здания.

Сажусь в «Ауди» и завожу мотор. Моментально встаю в пробку, надеваю наушник и проверяю почту, затем отчёты за полдня. Так, это уже не нравится. Нажимаю на номер моей помощницы – Мавис.

– Мисс Лоу, – моментально отвечает она.

– Заказ для модного дома в отчёте номер три нуля единица восемь три. Что за «мотылёк»?

– Секунду.

Стучу по рулю в ожидании ответа.

– Мисс Лоу, «мотылёк» номер тридцать четыре. Второй уровень.

– Собери все отзывы о её работе и пришли мне. А также где она сейчас. Пять минут на задание.

Отключаю вызов, наконец-то, двигаясь вперёд по дороге.

Я всегда слежу за всем, за каждым работником по возможности. Недочёты всплывают у подчинённых в течение семи-десяти дней, а вот у моделей всё сложнее. У нас есть три негласных уровня. Первый – те, кто знаменит и приносят нам основную кассу. Второй – модели подиумные и рекламных плакатов, второстепенных ролей в сериалах и фильмах. Третий – здесь находятся «мотыльки», которые или не пробились, или снизили планку, или же пушечное мясо, которое мы спокойно продаём менее популярным агентствам и выручаем за их аренду деньги. Но чаще всего мы их оставляем им и забываем. Но, когда второй уровень «мотылёк» выдаёт некачественную работу, то наши аналитики сообщают об этом. В этот раз такого не произошло, это сделал сам заказчик, высказав нам претензию. А это плохо. Это гниль, которая не должна быть в корпорации. С ней обычно мы прощаемся мгновенно.

– Да. Слушаю.

– Мисс Лоу, всё отправлено.

– Прекрасно. Жди дальнейших указаний. Мистер Роксборро вернулся?

– Нет ещё, но его младший, самый младший, брат здесь.

– Проведи его в конференц-зал и предложи кофе.

– Выполнено. Он ожидает вас.

Закрываю на секунду глаза и делаю глубокий вдох. Откровенные заигрывания от тридцативосьмилетнего, женатого Двэйна Роксборро порядком поднадоели, как и его просьбы поговорить с боссом, чтобы он взял его в качестве заместителя. Обычно они оканчиваются прямым отказом, но из-за природной наглости или тупости, пока не решила, что ему подходит больше, Роксборро-младший продолжает свои наступления.

– Скажи, что его нет в моём расписании. До скорого.

Обрываю звонок и съезжаю на обочину. Открываю почту и быстро просматриваю отчёты. Вбиваю в навигаторе место, где сейчас проходят съёмки, и направляюсь туда. Нет, мне несложно съездить и убедиться в своих догадках. Ничего не сложно, если от этого зависит моя карьера и денежный приход, как и престиж корпорации. Поэтому спокойно доезжаю до студии и выхожу из машины. При упоминании моего положения и имени меня сразу же пропускают и услужливо подсказывают, где именно сейчас наш «мотылёк».

Ко вспышкам, рабочим процессам и крикам привыкла, потому что начинала именно в таких условиях. Следила и делала анализы, просчитывала всё наперёд и вырвалась.

Тёмная комната, где проходят съёмки, ничем не отличается от других. Кроме как более дорогим оборудованием и именитыми фотографами.

– Добрый день.

– Круэлла собственной персоной, – мужчина отрывается от камеры и оборачивается ко мне.

– Покажи материалы, – пропускаю мимо ушей кличку, которую слышу слишком часто

за последнее время. Отмечаю, что блондинка, которую сейчас пытаются подретушировать, выглядит совершенно неважно.

Меня проводят к мониторам, где парень, отодвигается и демонстрирует мне кадры. Поджимаю губы, испытывая крайне неприятное чувство. Горит.

– Остановите работу, – бросаю работникам и подхожу к «мотыльку». Девушка бледнеет при виде меня, а затем немного отодвигается.

– Мисс Лоу... я...

– За мной, – командуя, разворачиваюсь и направляюсь в отдельную комнату. Завалы одежды, косметики и запах дезодорантов неприятно щекочут нос. «Мотылёк» входит и закрывает за собой дверь.

– Мисс Лоу, я могу всё объяснить. В последний раз мне было плохо. Месячные так проходят, – мямлит она. Рассматриваю девушку и улыбаюсь ей.

– Всё понимаю, милая. Сейчас тоже больно? – Ласково спрашивая, подхожу к ней.

– Да. Даже таблетки не помогают, – её губы дрожат. А тело в нижнем белье, рекламу которого сейчас снимают, покрыто мурашками. От страха. Зрачки слишком расширены для этого чувства. Уверена, что спина её покрывается липким потом.

– Ты очень похудела, – замечаю, дотрагиваясь до её плоского живота с выпирающими рёбрами. Вздрагивает, удерживаю зрительный контакт.

– Модель всегда должна иметь такой размер... ох, чёрт. – Дёргается снова, но рукой сильнее удерживаю её за плечо, пока другой резко проскальзываю в трусики и легко проверяю слова.

– Мисс Лоу...

– На чём сидишь? – Кривлюсь от отвращения, отпуская девушку.

– Нет... я... не наркотики...

– Готова сдать анализы? – спрашивая, подхожу к столику и достаю влажные салфетки, отмывая пальцы от слизи из её влагалища, в котором нет тампона и никаких признаков женской особенности, то есть месячных.

– Я...

– Не готова. У тебя сухая кожа, она немного покрасневшая и трескается. Тебя трясёт от ломки, из-за этого кадры не получаются. У тебя нарушена психика по понятным причинам, поэтому в последний раз ты закатила истерику. Ты не можешь сконцентрироваться на работе, мечтая о новой «снежной» дорожке или же о чём-то покрепче. Помимо этого, злоупотребляешь алкоголем, но количество не ощущается под дозой. Мешки под глазами, синяки и неприятный запах. Шмыгаешь носом, но не простужена. Я не люблю, когда мне врут. Ещё больше не люблю, когда меня подставляют, мотылёк, – прохожу мимо девушки.

– Пожалуйста... я брошу... обещаю...

Ещё один вздох и выхожу из комнаты, сообщая, что съёмка завершена, и мы завтра пришлём иных моделей первого уровня. Здание остаётся позади, нажимаю на вызов в телефоне.

– «Мотылёк» тридцать четыре сгорел.

Приговор, который ничто не изменит. Никогда. Вот так заканчивается карьера, и это очень часто. Чтобы жить в этом мире, нужно иметь немного больше, чем внешность. Необходимо быть сильным внутри и не сломаться, не соблазниться дешёвым огнём, который спалит до основания. Больно ли гореть? Нет. Падать больно и разбиваться насмерть. Таковы

правила мира, которым правлю я.

Рейден

– Чёрт, смотри, куда прёшь, – шиплю, когда серебристая «Ауди», вылетая с парковки, подрезает меня и даже не обращает внимания на то, что едва не столкнулись.

Ненавижу самовлюблённых девок, которым купили машины их покровители. Очередная зазнавшаяся модель, которую пропихнул «папик».

Ладно, мне необходимо успокоиться. Сегодня важный день, чтобы тратить энергию на внутреннее раздражение. Более пяти месяцев ни одной хорошей съёмки, с каждым днём всё хуже и хуже, а порой, вообще, нет работы. Но этот день определён мой. Должно всё получиться, и чёрная полоса пройдёт.

Модель. Многие считают, что мы тупые и необразованные. Умеем только задом вертеть, и абсолютно все – геи. Ложь. Большинство имеет высшее образование, но это не наша стезя. Мы просто делаем то, что любим и для чего рождены. Голливуд – прекрасное место для нас, а если ты был рождён среди звёзд и славы, то другого пути нет. Каждодневные тренировки по два раза, правильное питание, салоны красоты, чтобы поддерживать свой товарный вид. Кто-то прибегает к пластической хирургии, а кто-то теряется, так и не добившись своей мечты. «Город Ангелов» может дать надежду и забрать её, похоронив заживо. Здесь живут падающие звёзды. Я же должен гореть вечно. Уже поздно что-то менять, тем более наконец-то, улыбнулась удача.

Показываю свой пропуск, и мне открывают проезд. Бросаю машину и хватаю сумку с вещами. У моделей моего уровня нет личных стилистов и визажистов, поэтому необходимо уметь делать всё самому. Это привычка, которая должна появиться с молоком матери. Мне передалась с генами.

– Ден, – не успеваю дойти до фотостудии, как вижу своего агента, работающего со мной на протяжении десяти лет. Берт Бенни – сорокалетний холостой мачо, который пытается помочь мне найти моё место в этом мире.

– Привет. Ещё нет и половины второго, – кивая, протягиваю руку, которую он пожимает.

– Съёмки отменены.

От его слов бросает в холодный пот и настроение опускается до отметки «ноль».

– Почему? Они же... это было срочно, – запуская руку в волосы, устало смотрю на Берта.

– У «Рокси» какая-то накладка. Приехал их представитель, пока были пробные кадры, и закрыл всё.

– Дерьмо. Я надеялся на этот шанс, – подхожу к окну в коридоре и бессмысленно смотрю в него.

– Прости, Ден.

– А завтра? Они перенесли её? – Бросаю на уже стоящего рядом мужчину взгляд, но всё понимаю без ответа.

– Прости. Они пришлют своих. Лучших.

– Дерьмо, – жмурясь, надавливаю на глаза пальцами, чтобы справиться с разочарованием.

– Тебе тридцать...

– Ещё не исполнилось. Будет пятнадцатого мая, поэтому не надо говорить мне

о возрасте, – обрываю его, продолжая массировать глаза, точнее, причинять себе намеренно боль.

– И всё же. Сейчас хотят молодые лица для таких съёмок. А твоих лет... они или уже зашибают бабки, или как ты бултыхаются в болоте.

– Дерьмо. Другой работы нет? – Отрываю руку и распахиваю глаза, по которым бьёт резкий свет.

– Боюсь что...

– Тебе насрать на меня, так и скажи. Ты занят другими, – зло поворачиваюсь к нему и смотрю в тёмные глаза. Ублюдох. Когда мог, он меня отправлял на низкопробные съёмки.

– Если бы я был занят другими, то ты здесь не стоял бы, Ден. Поэтому не моя вина, что твоё время прошло. Будет что-то, позвоню.

Ни черта он не найдёт для меня. Эту песню слышу последние месяцы, а потом со страниц журналов на меня смотрят модели, которых он протаскивает. Да, сам виноват. Не следовало идти к нему в девятнадцать, но другие не хотели брать, хотя я из кожи вон лез. Я должен добиться... должен, иначе проиграл. Всё проиграл. Не могу себе позволить этого.

– Сука, – шипение раздаётся за моей спиной, и я оборачиваюсь на него.

Из фотостудии вылетает блондинка, трясущимися пальцами роясь в сумочке «Диор». Наблюдаю, как она что-то ищет, и всё содержимое падает на пол. Тоже разочарована, как и я. С ней мне пришлось бы работать. Красивая и идеальная для нашего бизнеса.

– Не переживай, будут другие заказы, – бросая свою ношу на пол, подхожу к ней и присаживаюсь на корточки.

– Ни хрена не будет. Эта тварь уволила меня. Сука, – зло произносит девушка, собирая свои вещи. Замечаю прозрачный пакетик с травкой и грустно усмехаюсь.

– Из-за этого? – Подхватываю наркотик раньше, чем она прячет его. Блондинка поднимает на меня взгляд светлых глаз, и я вижу в них ненависть.

– Не твоего ума дела, придурок, – выхватывает из моих рук пакет и бросает в сумку.

Поднимаюсь и качаю головой. Вот, скорее всего, причина срыва съёмки. Моей надежды и взлёта. Из-за дерьмовых наркотиков. И, думаю, это самое безобидное, что она употребляет. Многие, чтобы не сойти с ума от выматывающей работы, попадают в эти лапы, которые обещают им энергию. И они же убивают их. Дерьмо. Действительно, дерьмо.

Подхватывая сумку, направляюсь к выходу и сдаю пропуск. Вряд ли сюда ещё когда-нибудь приеду. Фотостудия находится недалеко от съёмочных площадок, где я мечтаю быть. Где она мечтала, чтобы я был. И я сделаю всё, чтобы выполнить обещание.

К матери ехать нет желания, хотя собирался ей всё рассказать. Но она будет утешать, а мне это необходимо сейчас в последнюю очередь. Домой. К Лорейн. Она поймёт меня, всю жизнь понимала и поддерживала, подогривала мою жажду идти дальше. И сейчас поймёт.

Паркуюсь у комплекса, где мы живём и снимаем квартиру последние пять лет. Дорогая рента, здесь всё дорого, но другого она не хочет. А я люблю её, поэтому пытаюсь работать, где придётся, только бы она была счастлива.

– Ден? Ты уже вернулся? – Девушка выскакивает в коридор, протирая белокурые влажные волосы полотенцем.

– Привет, детка, да. Отменили всё, – бросаю ключи на тумбу, а сумку на пол.

– Как жалко. Значит, не полетим отдыхать, – она вздыхает, и от этого паршиво. Я обещал ей, что справимся.

– Может быть...

– Нет, Лорейн, никаких звонков твоему отцу, – опережая её предложение, прохожу на кухню и наливаю себе бокал воды.

– Но, Ден, он поможет. Его знают многие, и он богат. Он всего лишь...

– Нет, – зло поднимаю взгляд, встречаясь с обиженным взглядом серых глаз. – Найду что-то. Не первый раз.

– Что ты найдёшь? – Она бросает полотенце на стул, а я стискиваю зубы.

– Ты ищешь уже год...

– Пять месяцев, – поправляю её.

– Плевать. Это довольно длительный срок для такой жизни. Мы не ходим никуда, перебиваемся самыми дешёвыми продуктами! Ты сказал, что сможешь содержать меня!

– Я содержу тебя, Лорейн! Я делаю всё, чтобы у тебя была лучшая одежда, еда и место проживания. За эту дерьмовую квартиру плачу я, как и за всё. Чёрт, Лоло, мне хреново сейчас, – устало смотрю на неё в поиске хоть каких-то слов поддержки.

– А мне нет? Я позвоню отцу, и пусть денег пришлёт! Хватит! Ты обещал нам софиты, обещал, что всё будет. Твоя страничка в «Инстаграм» тухнет, от тебя отписываются, потому что теряешь форму и стареешь...

– Всё! Закончили! – Поднимая руку, останавливаю её упрёки.

– Не смей уходить от меня, когда я с тобой говорю! – Летит в спину, пока направляюсь в спальню.

– Ты не говоришь, ты орёшь. А мне сейчас нужно искать работу, чтобы в следующем месяце было на что жить, – подхватываю ноутбук и направляюсь к столу.

– Ден...

– Лоло, хватит. Правда, хватит. Я помню всё, что обещал. И буду стараться, – не поворачиваясь, произношу я.

– Милый, прости... я так переживаю за тебя... за нас, – она обнимает меня за шею, и я улыбаюсь ей в отражение тёмного экрана.

– Знаю, детка, всё у нас получится. Ещё немного потерпеть, и вырвемся. Ты же веришь в меня? – Поворачиваясь в её руках и вглядываясь в глаза, ищу подтверждение своим словам.

– Ден, – отпуская, тяжело вздыхает. – Не знаю. Ты очень красивый, у тебя идеальное тело, но ты не продаёшься. Может быть, бросить это занятие и начать что-то иное, пока не поздно?

– Бросить? Ты предлагаешь мне бросить карьеру из-за чёрной полосы? Нет. Не собираюсь. Я рождён в этой стезе, мне завещано большое состояние, если прорвусь. И я должен это сделать, ты ведь знаешь. Тогда мы откроем наш ресторан.

– Снова ты о ресторане. Помещение давно сгнило, Ден. Это не твоё, пора признать. Я могу поискать для тебя место у нас.

– Я не дизайнер, как ты, Лоло. Окончил финансовый, только чтобы вести дела ресторана. Но пока нет возможности, поэтому найду что-то на этот вечер. Скорее всего, официантом или на каком-нибудь приёме...

– На побегушках, как обычно. Ден, это унижительно. Мне не хочется рассказывать девочкам, где ты работаешь. Я вру им, что вот-вот они увидят тебя на плакатах и в рекламе духов первой линии...

– Стыдишься меня? – Горько усмехаясь, ощущаю внутри давление. Самому стыдно за такую жизнь, но это я. Неудачник. А она должна меня поддержать, должна уверить – смогу.

– Поэтому не хочешь, чтобы я ходил с тобой на ваши посиделки. Поэтому последнее время ты пропадаешь где-то. Может быть, проще тебе уйти? Закончить всё и расстаться? Зачем мучить друг друга? – От своих же слов гадко, но правду не скрыть. Всё идёт под откос.

– Ден, ты хочешь бросить меня? После всего, что мы прошли? Хочешь... хочешь... – громкие всхлипы наполняют слух.

– Дерьмо. Лоло, прости, я не в себе. Милая моя, – подскакивая к ней, опускаюсь на колени и сжимаю в своих руках её пальцы. – Прости, я тоже устал от такой жизни. Ещё год назад всё было хорошо, и это обещало намного лучшее существование. Не знаю, что сделал не так. Не знаю. Но я должен продолжать, слышишь? Хорошо, ври кому хочешь и что хочешь. Но лучше говорить так, как есть. Прости, я не хочу с тобой расставаться. У нас же планы. Свадьба. Дети. Всё будет, Лоло.

– Я тоже не хочу. Мы готовимся к свадьбе уже три года, а ты так и не сделал мне предложения. Даже кольца нет. Нет денег на бриллиант, который я хочу. Нет денег на торжество, чтобы пригласить моих родителей и их друзей. Нет денег ни на что, даже на свидания. Эти дешёвые букеты, которые ты таскаешь, меня раздражают. Возможно, ты и прав. Может быть, нам следует взять передышку? Мы столько лет вместе и между нами нет уже той близости. У нас даже секса нет, ты выдумываешь отговорки, что устаёшь. Когда прихожу, тебя нет или ты уже спишь...

– Лорейн, потому что я работаю! Я пашу физически, где удаётся найти место! И да, я устаю! А секс... чёрт, прости, но не хочу сейчас его. У меня мысли заняты иным, – зло обрывая её, срываюсь на крик. Внутри неприятно от её выводов.

– Вот, я же говорю. Полечу к родителям в Нью-Йорк. Отдохну немного, и ты пока определишься. А дальше посмотрим.

Наблюдаю, как девушка подскакивает и направляется к шкафу. Она не теряет ни минуты, пока складывает, словно уже подготовленные вещи в чемодан.

– Ты это спланировала заранее? – Догадываюсь. Её руки на секунду замирают, а затем она продолжает укладывать одежду.

– Нет, Ден. Говорила с отцом вчера. Он предложил мне прилететь, чтобы побыть дома. Они скучают по мне, я их не видела уже три месяца. Сначала отказалась, но сегодня... сейчас, думаю, это верное решение для нас. Да и студию проверить надо, я её забросила, совсем не слежу, потому что здесь с тобой. Мы живём в маленьком мирке, ограниченном этими квадратными метрами, который с каждым днём трескается. Не могу так больше, прости. Мне нужно снова стать собой, а я забыла уже, каково это когда ты ходишь в СПА и не заботишься о каждом потраченном долларе.

– Но ты обещала быть со мной, Лоло. Ты обещала...

– Ден, нам двадцать девять. И не называй меня Лоло, я давно выросла. Да, обещала, но не могу. Мне нужно время. Я люблю тебя, Ден, хотя сейчас слишком расстроена, могу расплакаться. Прости меня, я лишь отдохну, поговорю с отцом. Он подскажет, что нам делать, и всё же, попрошу об услуге. Я не бросаю тебя, а пытаюсь помочь. А ты, пока меня не будет, сможешь тоже подумать. Может быть, из-за меня тебе не удаётся решиться на окончание твоей карьеры и признать провал. Ты не упадёшь в моих глазах, поверь. Но ты не модель, Ден. Ты просто красивый мужчина, каких полно в Голливуде, – она застёгивает чемодан, и наспех натягивает на себя шорты и блузку.

Не знаю, как чувствую себя в этот момент. Потому что ни одной эмоции понять не могу, кроме тяжести, которая надавливает на плечи. От неё же опускаюсь на постель и жду, когда

Лорейн соберётся и оставит меня. Всегда думал, что мы будем вместе до старости. Мы мечтали об этом. О большом доме, красивой жизни и наших детях. Она из обеспеченной семьи, королева выпускного и я, парень, который старался подарить ей всё это.

– Ден, милый.

Моргаю, когда она останавливается напротив.

– Посмотри на меня. Я не бросаю тебя, потому что люблю. Но нам обоим нужны время и силы, чтобы двигаться дальше. Я вернусь, обещаю, через пару недель. Буду каждый день писать тебе и звонить. Всё будет хорошо, Денни.

– Да, конечно, Лорейн, – натягиваю улыбку, поднимая голову. – Тебя отвезти в аэропорт?

– Нет. Я уже вызвала службу такси, и меня ждёт самолёт до шести вечера. Папа прислал. Если хочешь, можем отдохнуть вместе? Только представь, Хэмптон, светские приёмы и званые вечера. Лучшие рестораны. Будем жить у моих...

Качаю головой, и она замолкает, не понимая, что делает внутри ещё хуже, чем раньше. Это доказывает, что как мужчина я не состоялся. Не смог ей ничего дать, раз она с такой радостью и быстротой бежит от меня. Я расцениваю её отъезд, как побег.

– Поезжай одна. Передавай родителям привет, а мне нужно найти работу на сегодня, – обхожу девушку и сажусь на стул.

– Ден...

– Ты опоздаешь. Порадуй их, сама отвлекись от забот и возвращайся, – щёлкаю на кнопку, включая ноутбук.

– Я привезу тебе что-нибудь дорогое, ладно? Может быть, часы или же новый гардероб. Папа с радостью позволит мне это сделать для тебя. Для нас.

Не хочу отвечать. Унизительно слышать такое. Дерьмово думать о том, что она так представляет меня. Альфонсом. Я зарабатываю сам, сколько себя помню. Хоть моё обучение и было подарком бабушки, но всё остальное нет. Я пахал, как проклятый. Съёмка за съёмкой, шаг за шагом пробивался среди миллиона похожих на меня парней. И получилось. Ненадолго, но получилось.

– Ладно, люблю тебя, – поцелуй в щёку, а я делаю вид, что просматриваю объявления.

Не двигаюсь, пока раздаются шаги, и щёлкает замок. Кружу стрелкой по экрану и не вижу ничего. Хлопает дверь и наступает идеальная тишина.

Слишком быстро она уехала. И первый раз не верю ей. Не верю в то, что она не планировала этого. Она собиралась, думая, что буду на работе. Она хотела сделать всё тихо. И это неприятно. Я не заслужил такого отношения. Давал ей всё. Любой бренд, любой ресторан.

Думал, что раньше была чёрная полоса. Нет, она началась сегодня. И отчего-то вспоминается «Ауди». Именно с того момента моя жизнь пошла к черту. Знаю, что глупо винить других людей в своих проблемах. Но сейчас мне плохо, одиноко, и вновь переживу. Над отношениями надо работать, но у меня нет времени сейчас. Я тону, и должен найти то, что поможет спасти меня и мою любовь. Должен.

Рейден

Голова раскалывается от усталости, пока бреду ранним утром домой. Работу в Голливуде найти сложно, когда у тебя нет существенного опыта, только портфолио и низкопробное прошлое. Поэтому приходится пахать, быть официантом, посудомойщиком, уборщиком, водителем, разбирать грузы. Каждое утро и вечер тренироваться в спортзале, чтобы потом и его убирать, за возможность поддерживать тело в тонусе бесплатно. У любого человека это понижает самооценку. И у меня, в том числе, так происходит. Но признать поражение не могу. Не должен позволять этому миру разрушать себя, потому что тогда действительно стану падалью. Но когда ты устал, чертовски устал от вечной беготни, страха, что завтра не на что будет купить цветы, – хочешь сдать. А сейчас даже цветы купить некому. За четыре дня я получил только два сообщения от Лорейн и один звонок. Слушал, как ей хорошо там, как она развлекается и какие обновки ей купил отец, но ни слова о том, что скучает. Да и по чему здесь можно скучать? По дорогой квартире? По любому капризу, который выполняю? По мне? Это больно понимать, что ты теряешь любимую из-за мечты. Я жил ей слишком долго, чтобы расстаться. Она моя привычка. Человек, которого вижу рядом с собой. Но где-то ошибся...

Телефон звонит в рюкзаке, а я смотрю на него и не могу пошевелиться. Тело болит, физически болит, а внутри всё изношено. Даже душ не помог. Тяжело вздохнув, кривясь на неприятные тянущие мышцы, достаю мобильный и устало изучаю неизвестный номер.

– Да.

– Доброе утро. Мне нужен Рейден Броуд. Это агентство по найму «Голд Хоуп».

– Доброе. Это я, – медленно отвечая, вспоминаю, что был там пару месяцев назад, и мне сказали, что мест нет. То есть, работы нет для меня.

– Прекрасно. Вы могли бы подъехать в наш офис к полудню? – Спрашивает женский голос.

– Да-да, конечно, – быстро кивая, поднимаюсь с кровати.

– Отлично. Мы вас ждём. При себе иметь документы и ваше портфолио.

– Спасибо, буду, – уже произношу гудкам.

Нельзя сомневаться в себе. Нельзя. Сколько раз говорил это и вот-вот был готов сдать. Вот новая возможность, значит, я не забыт.

Плевать на боль в теле, собираюсь, тщательно выбирая одежду, накладывая крем на лицо. Я должен выглядеть, как успешная модель, делающая им одолжение. Только так меня будут воспринимать всерьёз. Эта линия поведения – правило для нашего бизнеса. Если ты боишься, то они почувствуют это и откажут. Если наглый, то прорвёшься. Но порой наглость принимают за недостаток воспитания, и на этом я попался раз десять.

Надо машину заправить, но до офиса и обратно доехать хватит. Когда ты видишь свет, то летишь на него, другого вокруг не существует. В груди живёт надежда на успех, она подогревает тебя изнутри и даёт силы, чтобы продолжать бороться. Если вырвусь, то и Лорейн вернётся.

Делаю глубокий вдох перед одноэтажным зданием, где сверкает надпись: «Голд Хоуп». Такого рода фирмы практикуют работу для моделей. Они выбирают по внешности и хотят самых лучших. Но сюда приходят именно такие, как я, кого обошла стороной слава

и возможность вспыхнуть. Иногда именно в этих местах, получается зацепиться за кого-то, познакомиться с новыми людьми и схватиться зубами. Так шаг за шагом ты поднимаешься. Обычно меня игнорируют, не имею понятия почему, но именно игнорируют. Даже не рассматривают, как возможного сотрудника.

– Добрый день. Меня зовут Рейден Броуд, и вы мне звонили, – сообщаю секретарше у стойки.

– Да, присядьте, я узнаю, освободелся ли босс, – бросает мне и берёт трубку.

Нет, отходить нельзя. Иначе можешь упустить что-то важное, какое-то слово или суть разговора. Причину, по которой меня сюда пригласили.

– Проходите, он ждёт вас, – закончив сухую переключку, указывает мне головой на дверь.

А теперь должен работать, проанализировать то, что они хотят получить и сыграть это.

– Добрый день, – вхожу в кабинет и нахожу глазами тучного мужчину, восседающего за столом. Ничем не отличается от тысячи владельцев такого рода компаний. Используют моделей, чтобы набить карманы. Ничего нового. Очередной развод или же криминальное будущее.

– Мистер Броуд, портфолио, – протягивает руку, чтобы взять у меня папку.

Внутри меня что-то сдувается, отчего плюхаюсь на стул, свободно располагаясь на нём. Плевать мне на то, что он подумает. Я уже знаю окончание этой встречи.

– Отлично. Итак, у нас есть для вас работа, – захлопнув папку и бросив её в меня, что едва успел подхватить, поднимает голову и берёт пачку сигарет.

– Какая? – Равнодушно спрашиваю его, кривясь от едкого дыма табака.

– У моей жены агентство, предоставляющее услуги на больших приёмах. Один из тех, кто должен был работать завтра, подцепил простуду. За такой короткий срок найти никого не удалось, и она обратилась ко мне. Вы подходите под параметры и форму.

– То есть официант? – Усмехаюсь, хотя горечь заполняет грудь. Отвратительно понимать, что это конец. Для тебя полный крах, который ты боялся признать. Больно.

– Больше чем официант, мистер Броуд. Мероприятие, которое состоится сегодня – пятидесятилетие корпорации «Роксборро Интерпрайзис». Закрытая вечеринка за городом в одном из особняков. Охрана и пропуск только по приглашениям.

Поднимаю голову, когда до меня доходят его слова.

– «Роксборро Интерпрайзис»? – Медленно переспрашиваю.

– Да, именно они. Там будут все, в том числе и глава. Избранные, до которых вам, мистер Броуд, не удалось дотянуться. Но также это возможность познакомиться с кем-то. Конечно, после проведения банкета. Он начнётся в семь, необходимо приехать туда за полтора часа, чтобы вас обучили и показали вашу работу. Ставка – сто пятьдесят долларов в час.

– Сто пятьдесят? Это, так понимаю примерно тридцать процентов от той суммы, которую выставила ваша жена, – удерживаю его взгляд, говорящий, что попал в точку. А по-другому не может быть. Люди вроде этого, обируют таких как я.

– Это вас не должно касаться. Сам факт, что вы попадёте на это событие – выигрыш. А купюры – небольшой бонус, который скрасит вам очередное поражение, – едкие слова должны попасть в меня и уколоть. Но привык слышать такое. Редко кто не использует возможность унижить моделей, которые не достигли вершины и даже стабильного достатка. Это, можно сказать, правило.

– Приятно, что вы такого высокого мнения о тех, кто приносит вам деньги и позволяет

покупать парики. Но к счастью, я отказываюсь.

Знаю, это глупо. Очень глупо с моей стороны потерять шанс встретиться лично с Роксборро и попытаться передать ему карточку или же кому-то из его окружения. Но не позволю себя унижать, потому что я человек, такой же, как и все. А на том свете плевать был ты богат или беден. И я не собираюсь продавать душу ради минутной славы. Если подниматься, то гореть вечно.

– Мистер Броуд, вы же понимаете, что это прекрасная возможность для вас.

– Конечно, но сто пятьдесят долларов в час очень мало. Минимум семьдесят процентов от настоящей ставки и тогда я готов продолжить диалог.

Ему нужен я, потому что нет в его километровых списках подходящей кандидатуры. Если бы именно меня он не хотел, то не пытался бы уговорить и проглотить оскорбление.

– Пятьдесят, – прищуривается, а я, улыбаясь, поднимаюсь со стула.

– Мы не на рынке, чтобы торговаться. Семьдесят и вы согласитесь, потому что времени в обрез. А я последний шанс для вас, чтобы тоже вырваться из этой ямы и, возможно, наладить отношения с женщиной, которую вы называете женой. Поэтому семьдесят и ни цента меньше, – уверенно заявляю и понимаю, что выигрываю.

– Хорошо. Семьдесят, и она моя бывшая жена, которой я должен платить алименты на сына. И мне бы помогли...

– Меня не интересует это, простите. Вы согласны, и я согласен. Какие следуют действия дальше? – Перебиваю его, ощущая власть. Именно она позволяет поставить ниже этого человека, который живёт намного лучше, чем я. Давление и поведение, которое заставляет именно так произносить слова. С нажимом. Без страха. Это играет очень важную роль в каждой встрече с нанимателем.

– На стойке всё дадут. И не оплошай, понял? Не подставляй меня.

Без слов выхожу из кабинета и подхожу к девушке, объясняя ситуацию. Через полчаса, нескольких договоров, которые тщательно прочитал, сажусь в машину с заветным адресом.

Я ходил на пробы в «Рокси» столько раз, сколько они их устраивали. И меня даже не смотрели. Собирали у группы портфолио, а потом возвращали с отказом. Я не прошёл ни разу за дверь, чтобы пообщаться и показать себя. Но фотографии у меня хорошие, действительно хорошие и дорогие. Я потратил на них приличные суммы, как и на биографию, на свой сайт. Но меня для них не существовало, и я не понимал почему. Чёрт, может быть, это самоуверенно, но я красивый, умею улыбаться глазами, принимать любую роль, которую дадут. Развивался каждый доступный час и не понимал, отчего именно так сложилась моя жизнь. Когда казалось, что вот-вот будет взлёт, мне звонили и сообщали, что я не нужен. Они нашли нового или вернулась их старая звезда. Всегда не доходил полшага до отметки, которая означала бы мой звёздный час. Да и не хотел я многого, только стабильную работу и доход. Кусочек, небольшой кусочек, счастья, чтобы осуществить мечту.

И сегодня у меня появилась призрачная надежда, которую обязан использовать по максимуму. Сделать всё возможное, чтобы заметили. Сам Роксборро. Если ты нравишься ему, то тебя любит весь мир. Он джекпот, который светит лишь избранным. И мне, наконец-то, повезло. Встретиться именно с ним и посмотреть в его глаза, чтобы он запомнил меня навсегда.

Подъезжая к особняку, вокруг которого уже дежурит охрана, улыбаюсь. Да, именно здесь будет праздник. Миллиардеры вроде Роксборро всегда оберегают себя от лишних глаз, а тем более от нападения. Его же ненавидят многие именно из-за этих денег и власти, которую

имеет в Голливуде. И я жажду, чтобы и меня ненавидели, потому что прорвался из этого дерьма. Отмылся и заблестел.

Показываю контракт у ворот, меня тщательно обыскивают, как и машину. Разрешают проехать и указывают, где нужно припарковать автомобиль для обслуживающего персонала. Коробит, как меня называют. Но сейчас плевать, я уже здесь. Нахожусь на радуге, которая позволит мне пройти дальше.

Встречаюсь со знакомыми лицами, которые когда-то смотрели на меня с обложек и разворотов, а сегодня в этом месте прислуживают. Упали. А я же только поднимаюсь. Как я понимаю, именно «жена» того, кто меня нанял, рассказывает о задачах и называет два стола, за которыми буду следить, когда начнётся вечер. Номер три и пять. А мне нужен другой.

Поправляя бабочку и именной бейджик, на котором написано «Пит», выхожу в зал, оформленный в холодных оттенках голубого и стального. Такого же цвета цветы и всё сдержанно, элегантно и дорого. Если присмотреться, то всё здесь дизайнерское, первой линии, и оно стоит порой выше, чем антиквариат. Сюда вложены сотни тысяч долларов, если не миллионы. Хотя для этой корпорации это капля в море.

– Слушай, – подхожу к одному из парней, проверяющему свой столик на идеальную сервировку. Оборачивается, удивлённо приподнимая брови.

– Где сидит Роксборро? – Спрашиваю его.

– Парень, тебе не светит, – смеётся, а я прищуриваюсь, преграждая ему путь.

– Где он будет сидеть? – Повторяю вопрос.

– За тринадцатым, – закатывает глаза. Наконец-то, получаю информацию.

– Несложно было, правда же? – Усмехаясь, отхожу в сторону.

– Серьёзно, чувак, не стоит даже пытаться, – он не двигается.

– Да ладно? Пытаться всегда стоит.

– Для начала пройди Круэллу де Виль, – складывает руки на груди, насмешливо смотря в мои глаза.

– Его жену?

– Его жена никто, а вот Круэлла для него всё. Она его богиня, он ей поклоняется, а точнее, её вагине, – язвительно тянет он.

– Любовница. Таких было много и будет. Но не она стоит во главе...

– Эй, парень, ты, где был последние полтора года? – Смеясь, перебивает меня.

– Работал, – сухо отвечаю.

– Так вот, Круэлла де Виль или же Шайди Лоу его личная помощница, любовница и она руководит Роксборро. Что она захочет, то он и делает. Она уволила меня, а я зарабатывал прилично. Рассказать причину? Мотылёк, – кривится на последнем слове.

– Ты хочешь сказать, что какая-то шлюха управляет одной из самых могущественных корпораций? – Издаю смешок от такого заявления.

– О, да ты не веришь. Сегодня сам увидишь. Тебе не пройти мимо неё, если приблизишься к Роксборро. Она цербер, не человек даже. Она редкостная сука, поэтому её прозвали Круэллой. У неё нет друзей, она ни с кем не встречается. Никто не знает, откуда она появилась, и кто она такая, вообще. Человек-тайна. От одного её вида страшно. У неё взгляд такой... – его передёргивает, отчего я пытаюсь сдержать смех.

– Сам увидишь. Лучше не подходи, совет, как брату по несчастью. Она разрывает глотки, и такие, как ты, потом заканчивают жизнь самоубийством. Если тебя уволили из «Рокси», то ты нигде больше не найдёшь работу. Поверь, уж я-то знаю. Поэтому не рыпайся туда, она

спалит тебя. Если недотянешь, то потеряешь всё. Если ты надумал передать свою карточку, то сожги. Ничего у тебя не получится. И я предупредил. А там, пришли приглашение на похороны.

Обходит меня, пока прокручиваю в голове его слова. Выходит, за это время, пока там не было набора, изменилась политика, сменился глава. И это какая-то девка, которая сумела правильно раздвинуть ноги. Смешно. Действительно, смешно и грустно, что моя карьера зависит от женщины. Но Роксборро не имел бы своей корпорации без характера, и вряд ли эти страшилки для начинающих могут напугать такого, как я. Не боюсь, потому что терять нечего. Я на дне, ниже некуда. Если не вырву зубами сегодня шанс, то попытаюсь смириться. Дерьмо. Сам себе вру. Я добыюсь всего, чего хочу. И никакая Круэлла меня не остановит.

Рейден

Зал уже заполняется гостями. Отмечаю, разнося шампанское на подносе, что здесь присутствуют все звёзды кино и рекламы. Те, кто когда-то начинал рядом со мной в одном агентстве. И это вызывает внутри неприятное чувство. Да, это дерьмовая зависть, потому что не я смеюсь и не обращаю внимания на подобного себе, который прислуживает им. Не я пришёл в дорогом костюме и завтра не у меня съёмки в Австралии для разворота «Men's Health». А они ничем не отличаются от меня, такие же, просто повезло.

Разворачиваюсь и чуть не сталкиваюсь с кем-то. Поднимая глаза, ловлю взгляд удивлённый и слегка напуганный.

– Ден? – Прочищая горло, мой агент, которому подарил столько лет жизни, стоит напротив меня, а рядом с ним модель, которую он привёл сюда. Моложе. Хуже. Не я.

– Ну, здравствуй, друг, – с отвращением отвечаю, быстро оглядывая парня рядом с ним.

– Эм... какая встреча. Не думал, что ты будешь здесь. Это Найджел, я... в общем мне прислали...

– Я разрываю с тобой контракт, Берт. Хватит с меня такого отношения. Твои вечные обещания, а ты урод, – перебивая его, пытаюсь не сорваться. Разочарован в себе, что не углядел, когда он списал меня со счетов. Или же просто никогда серьёзно ко мне не относился.

– Ден, не смейся. Ты не сможешь. Тебя никто не возьмёт, – смеётся и тянется за бокалом на моём подносе.

– Ты не заслужил шампанское, Берт, только дерьмо, которое тебя ожидает. Я могу разорвать контракт и завтра это сделаю. Даже если никто не возьмёт, я не буду больше унижаться и пахать на тебя. И тебе, Найджел, советую бежать от этого ублюдка, потому что ничего тебе не светит, кроме жалких грошей. А он будет жить за твой счёт. Учись на моём примере, – развернувшись, направляюсь в заднюю комнату, предназначенную для переодевания.

Не могу сейчас сконцентрироваться и не нагрубить кому-то. Не могу сдержаться. Мне обидно, что лучшие годы просрал. Обидно, что человек, с которым проработал бок о бок десять лет, предал. Конечно, у него есть другие модели, но он знает мою мать, проводил с нами День Благодарения, Рождество и я считал его другом. Я верил ему. Надеялся... дерьмо. Горло непроизвольно сдавливают, и вся жизнь, каждая минута проходит перед глазами. Это больно. Больно за себя, а не из-за потери агента. Когда веришь в человека, а он подкладывает тебе свинью, то понимаешь, каким придурком ты был. И в этот момент становится больно, потому что годы не вернёшь и ничего не исправишь.

Открываю глаза и теперь ясно осознаю, насколько жизнь всё же, странная штука. В один миг я увидел, что будущего у меня нет и в то же время нахожусь в месте, где можно поймать фортуна. Доказать всем и самому себе, что не кусок дерьма, а люблю работать. Умею и буду это делать.

Подхватывая полупустой поднос, выхожу из подсобки и иду по коридору, пока в голове сумбур и разум принимает действительность.

– А вот и ты. Чёрт, там сейчас всё начнётся, – меня хватают за рукав, и я поднимаю глаза на девушку.

– В туалете был, – фыркая, вырываю из её хватки свой локоть и выхожу в зал.

Здесь не протолкнуться. Ещё бы, семьдесят пять столиков по двенадцать человек, помимо этого, официанты, охрана и певцы. В таком улье будет сложно найти Роксборро, но столик я знаю. Дежурю рядом с ним, хотя довольно далеко. Нумерация идёт не по порядку. Мои два стола расположены прямо у выхода. Его же стол в первом ряду и центральный.

– Пит... ну или как там тебя, – меня толкают в плечо и меняют поднос на наполненный. Перевожу взгляд на того парня, который пытался напугать меня.

– Не тормози. Они приехали. Сейчас войдут, и у всех должно быть шампанское, – шипит он, толкая меня от двери.

Мне необходимо выработать план. Карточка лежит в кармане, и я должен её передать лично Роксборро, чтобы он меня увидел и запомнил, и моя анкета прошла отбор. Когда-нибудь. Наивно полагать, что он будет искать меня, как принц Золушку, но мне будет достаточно минутной встречи. Затем ещё и ещё...

– Шампанского? – Улыбаясь, предлагаю гостям.

Передаю бокалы, пока одна мысль заскакивает на другую и стирает её. Чёрт, кажется, начинаю паниковать. Потому что всё, что я себе надумал дерьмово и глупо. Так бизнес не строят. Останавливаюсь, понимая, что наступает идеальная тишина. Только медленные шаги слышатся, отдаваясь эхом от стен. Ни шёпота, ни свиста, ничего. Цокот каблучков и мужские шаги.

Медленно оборачиваюсь и сам не замечаю, как двигаюсь сквозь толпу, чтобы остановиться и замереть. Мужчина, которому никак не дашь пятидесяти трёх лет, в идеальном чёрном костюме, не скрывающим его ещё хорошую форму, с алой бабочкой. На левой руке сверкает перстень с бриллиантом, так же блестят его начищенные туфли. Он останавливается, и мой взгляд взмывает вверх к лицу. Улыбается, действительно радостно и гордо, кивая толпе. Классный костюм. Рассматриваю его с улыбкой, потому что ни разу не видел лично. На фото и видео, а так близко – нет. Глаза цепляются за женскую руку с острыми ногтями алого цвета, покоящуюся на сгибе локтя мужчины. Круэлла. Тёмно-бордовое платье в пол тесно облегает её фигуру. Довольно неплохую фигуру, но не модельную. Много изгибов. Слишком много. Скольжу взглядом по платью и достигаю квадратное декольте, поднявшее грудь. Переливающиеся рубины на её шее и тёмные волосы, спускающиеся крупными локонами позади и отливающие золотыми прядями.

Кажется, что проходит намного больше времени, чем минута, пока пара стоит. Отчего-то не хочется смотреть на неё, именно на лицо. Потому что заранее могу предположить, что как минимум, симпатична. Другую себе в любовницы этот мужчина бы не выбрал. Но всё же поднимаю голову и попадаю прямо во взгляд тёмных глаз. Она словно смотрит сквозь меня со скучающим выражением лица. Тонкий нос и выразительные скулы, островатый подбородок, алые губы, едва заметно приподнятые в улыбке. Нет, ухмылка. В ней нет ничего страшного, но даже отсюда ощущаю её власть. В ней нет ничего запоминающегося, она обычная, просто симпатичная, не более. Но что-то заставляет продолжать изучать её черты лица, искать хоть какую-то изюминку, зацепившую Роксборро. Ничего. Холод, которым веет от неё.

Поворачиваю голову, замечая, что все словно трепещут перед этой парой. И я не должен терять время. Увереннее удерживая поднос, огибаю людей, пока Роксборро со своей Круэллой медленно проходит по импровизированному коридору, кивая знакомым. Мне бы

пробраться между ними. Слишком тесно.

– Шампанского? – Предлагая, немного толкаю людей, стоящих впереди. Кивают, пропуская меня, и берут бокалы. Прекрасно. Ещё немного. Сердце начинает набирать обороты, когда остаётся пару шагов.

– Мистер Роксборро, поздравляю, – произношу, и мужчина останавливается. На его лице написано удивление, а я улыбаюсь ему. Вот мой час. Надо бы сделать что-то, начать говорить или...

– Меня зовут...

– Официант, – перебивает спокойный женский голос. В нём нет ничего, даже отвращения. Совсем ни одной эмоции. Круэлла.

– И он, видимо, немного заблудился. Шампанское необходимо гостям.

Пока говорит, перевожу на неё злой взгляд и ловлю её, который не карий, как обычно, бывает у людей, а со стальным свечением. Словно у робота. Не выражающий ничего.

– Мистер Роксборро, – она тянет его за собой, и он тут же забывает обо мне, скрываясь в толпе.

Так и стою, словно дерьмом облитый, пока со всех сторон раздаются смешки. Унизительно, что ещё более злит. Ладно, но я ещё здесь и так просто не сдамся.

– Ты совсем рехнулся? – Меня оттаскивают за локоть.

– Отвали, – рычу, поворачиваясь к этому парню, который уже достал меня своими ЦУ.

– Слушай, Пит или как там тебя...

– Рейден, моё имя Рейден, – шиплю.

– Мне плевать. Короче, тебя уволят, если ты ещё раз к ним подойдёшь. Ты видел, как она смотрела на тебя?

– Обычная баба. Успокойся, я лишь хотел пожелать хорошего вечера.

– Идиот, – хмыкнув, скрывается в толпе.

Неспешно продолжаю предлагать шампанское, готов даже сам хлебнуть, чтобы мысли выстроились нормально. А они продолжают разбегаться в голове.

– Добрый вечер, – в микрофон произносятся слова, и затем их перебивает шумное одобрение. Люди настолько ликуют, приветствуя шлюху их босса, что коробит. Это же отвратительно, он женат, чёрт возьми, а им насрать. Видимо, правда, у этой Круэллы довольно много власти. Она удерживает Роксборро за член, иначе не может быть.

Продвигаюсь сквозь толпу, чтобы достичь сцены, на которой она должна стоять, поднос пустеет, и я могу его опустить. Плечевой сустав даёт о себе знать. Не стоило вчера тягать так много коробок.

Девушка, стоящая на пьедестале над всеми «смертными», приподнимает руку ладонью к зрителям, и они замолкают. Хмыкаю от этого. Один взмах, и толпа ещё немного и упадёт на колени перед ней. Почему? Что в неё такого особенного?

– Мы рады приветствовать вас на празднике, который означает, что пятьдесят лет – не предел нашей корпорации. Это только начало пути к «Олимпу». В этот восхитительный вечер мы восхваляем только одного человека, без которого нас бы не было. Этот день по праву носит имя нашего господина. Того, кто одарил нас яркой судьбой, и для меня честь быть рядом с ним. Мертон Роксборро, – Круэлла поворачивается, и только на секунду её лицо меняется, когда мужчина поднимается на сцену под громкие аплодисменты. Он целует её в щёку и что-то шепчет на ухо. Наблюдаю за её мимикой и поражаюсь, насколько она скучна. Секундное обожание и снова холод. Да здесь нет никаких сомнений, они любовники.

Она отходит в сторону, но не покидает сцену, медленным и спокойным взглядом осматривая присутствующих, пока Роксборро говорит заготовленную речь. Она словно статуя, перед прыжком на любого, кто попытается подойти к её любовнику ближе без одобрения. И это вызывает неприятное чувство, что придётся иметь дело с женщиной. Но ничего страшного, они любят ушами, а у меня язык подвязан. Надеюсь на это.

Даже не слушая слов Роксборро, постоянно слежу за Круэллой. На самом деле такая выдержка поражает. У неё должно уже всё затечь, хоть бы какое-то движение рук, лежащих по бокам. Но нет. Она, кажется, даже не моргает.

– Достал, – меня тянут назад, и я мотаю головой, возвращаясь в шумный зал.

– Это ты меня достал, – вырываюсь из хватки уже поднадоевшего парня.

– Работать. Сейчас все сядут за столы, и мы должны дежурить у них. Вот сдался ты мне? – Бубнит он, проходя рядом со мной во второй зал, где расставлены столы.

– Так отвали, – предлагая, нахожу взглядом свои номера и сворачиваю к ним.

Официантом я работаю очень часто, но сегодня всё через силу, потому что противно обсуживать тех, кому улыбнулась удача. Да, это отвратительная черта характера, но я всего лишь человек, который хочет быть на их месте. Кто-то из них занимает моё. И я жажду быть здесь в другом амплуа. Это обычная человеческая черта, особенно личности, которая терпит крах. Ещё немного и я сломаюсь, ведь так устал внутри бороться за себя и доказывать. Хочу немного стабильности и спокойствия.

Ноги гудят от постоянной беготни, у меня не хватает времени, чтобы подойти к столу номер тринадцать. Даже его не вижу, потому что в самом начале, а я в дерьме. Отличие обычного ресторана от приёмов – если в первом заведении большинство вежливо отвечают тебе, то здесь больше фыркают и кривятся. Хоть ты выполняешь свою работу, и никто не виноват, что ты решил положить руку на бедро модели, которую трахнешь сегодня. Но оскорбления здесь – это норма. Тихо. Сквозь зубы. И хочется треснуть каждого, кто это делает.

Наконец-то, представление и ужин подходят к концу, и большинство гостей перебирается в первый зал, чтобы потанцевать, ещё выпить и обсудить последние сплетни. Краем глаза замечаю бордовое платье и смокинг, выходящие из этого помещения. Понимаю, что у меня в запасе совсем немного времени. Роксборро вряд ли здесь задержится, он не любитель тусовок, и поедет отмечать уже в интимном кругу со своей Круэллой. Поэтому бросая эту работу, вылетаю в другой зал и подхватываю поднос с бокалами. Она постоянно с ним, и это бесит. Не отлипает от него ни на секунду. А он держится за неё, и я вижу, что говорит только она, а он улыбается и кивает. Что за бесхребетный мужик? Напитки заканчиваются, и я разочарованно иду обратно к бару. Кладу руки на стойку и замечаю, как они дрожат. От волнения, от паники, что упускаю возможность, а второй не будет. Никогда не будет. Поднимаю голову и делаю глубокий вдох, словно перед смертью. Но или всё, или ничего. Такие здесь правила. И я их назубок знаю. Выхожу обратно в зал, и в груди подъём. Он один. Ищу глазами Круэллу, она стоит недалеко от него в окружении знаменитых моделей и актёра – Аарона Грира. Не увидит и не заметит, как я подойду. Но придётся пройти мимо неё. Ладно. Поехали. Уверенным шагом иду, даже не предлагая никому больше шампанского. Иду мимо всех, даже тех, кто хотел взять бокал. Шаг и ещё один и она останется по правую сторону, а я достигну цели.

В тот момент, когда прохожу мимо Круэллы, ноги поскользываются и я, чтобы найти равновесие, бросаю поднос на пол, а сам лечу спиной. Крики, шум, звон стекла и падаю

на людей. Всё настолько громко, а я чувствую себя полным кретином. Стыдно, до безумия стыдно.

– Всё хорошо. Ничего страшного не случилось, – слышу спокойный низкий голос и понимаю, что налетел как раз на компанию, что окружала Круэллу. А она рукой показывает, чтобы убрали.

– Парень, ты как? – Меня ставят на ноги, и я натянуто улыбаюсь Аарону, смеющемуся над моей неуклюжестью. Господи, такого стыда я не испытывал за всю свою жизнь. Никогда вот не был оконфужен и разочарован из-за себя.

– Простите... я...

– Всё хорошо. За мной, – командует Круэлла.

– Я правда...

– Знаю. За мной, – сухо повторяет и, разворачиваясь, направляется к выходу из зала.

А мне хочется убежать, как маленькому мальчику, потому что краснею от случившегося. Смех повсюду и указывают на меня пальцем, ничего не остаётся, как последовать за девушкой. Быстрым шагом долетаю до неё.

– Слушай, я, правда, не специально. Не знал, что там разлито, – торопливо пытаюсь поправить ситуацию, пока она грациозно спускается по широкой лестнице.

– Твоя форма непригодна, – отзывается. Но снова без эмоций и злости.

– Ах... да, – смотрю на свой костюм, сверкающий каплями шампанского, как и брюки.

– Я хотел подойти к Роксборро, поздравить его, ведь ты мне не дала это сделать...

– Верно.

– Почему? Неужели, запрещено подходить к тем, кем ты восхищаешься? – Удивляюсь небрежному тону, двигаясь рядом с девушкой. Молчит, не отвечает и подходит к дверям. Кивает охране, чтобы они распахнули их перед нами.

– За мной, – выходит на улицу, а я следом. Не понимаю, что она хочет от меня. Зачем привела сюда и, скорее всего, получу выговор или же опасается, чтобы нас услышали.

– У меня есть много правил, которым я следую, – медленно оборачивается ко мне. Она высокая, на каблуках практически моего роста и смотрит прямо в глаза своим ледяным карим взглядом.

– Одно из главных – оберегать покой и настроение мистера Роксборро. Всегда. В любой ситуации. А ты пытался его испортить, мотылёк, – смотрю, как двигаются её губы, чётко проговаривая слова.

– Это ты? Ты держала в руках бокал, ты... – до меня доходят сейчас эти мелочи, которые тогда не заметил. А она всё видит, предугадывает каждое действие, и из-за неё я попал в такое дурацкое положение, опозорив себя.

– Ты сторел, мотылёк. Лети, если крылья найдёшь, – усмехаясь, обходит меня, но злость и даже ненависть появляются к ней. За что, чёрт, она так со мной?

– У меня есть имя. Рейден Броуд, – громко произношу. Останавливается, а я сжимаю кулаки от ярости.

– Сколько тебе, мотылёк? Тридцать? – Оборачивается и приподнимает идеально накрашенную бровь.

– Пятнадцатого мая тридцать. Мне двадцать девять, – отвечаю, но не понимаю, зачем спрашивает это.

– Это скачок. Столько времени, чтобы запомнить своё имя. Ты молодец. Продолжай в том же духе, и к шестидесяти выучишь, что свет не всегда означает лучшее. Иногда он

сжигает заживо. Пока можешь дышать – лети и не попадайся мне на глаза.

Не успеваю даже ответить на явное издевательство, как за ней закрываются двери. Сука. Унизила. Оскорбила. Публично опозорила. И думает, что прислушаюсь? Мотылёк? Что за дерьмо она несла?

– Пропусти, там мои вещи, – требовательно подхожу к охране.

– Запрещено. Вот рация, пусть тебе вынесут.

В этот момент хочется драться. Вернуться туда и устроить что-то глобальное. Потому что только сейчас понимаю, насколько Круэлла оправдала своё звание. Она заметила меня, поняла причину, почему я там и что хочу. Бояться женщин глупо, а вот умных женщин бояться стоит. Но теперь мне действительно нечего терять. У меня нет агента, нет работы, коллеги, которые должны хотя бы проявить сочувствие, высмеяли. И виной всему женщина, которая вовремя легла под Роксборро. Она думает, что поняла всё обо мне. Ни черта. Я этого так не оставлю.

Шайди

Предотвращать любое приближение к боссу. Предотвращать любые эксцессы, которые помешают мне. Предотвращать, чтобы не поплатиться в будущем за невнимательность. Предотвращать.

Возвращаюсь в зал, где продолжает гудеть толпа и музыка. Виски неприятно давит. Не люблю шум. Ненавижу, когда повышают голос, а тем более такого рода вещи, как колонки. Поэтому пришлось научиться жить и с этим.

– Шай, – меня окликают, и я, останавливаясь, оборачиваюсь на голос.

– Он хотя бы жив? – Смеясь, ко мне подходит Тина в блестящем серебристом платье с бокалом сока.

– Живы мы, а другое не интересует. Вам с Аароном пора домой.

– Ещё рано, тем более у нас завтра выходной, – закатывая глаза, делает глоток сока.

– А вот и ты. Как чувствуешь себя? – Девушку обнимает муж, и она одаривает его улыбкой.

Ещё семнадцать минут и Роксборро следует отвести в машину.

– Всё отлично. Пытаюсь выгадать Шай куда-нибудь завтра, – отвечает Аарону она.

В одиннадцать буду дома, плюс минус десять минут. Следует оценить баннеры для просмотра, также зайти на сайт и проверить, всё ли готово для приёма заявок.

– Тухлое дело, детка. Пойди посиди, мне нужна Шай по работе, – он шлёпает жену по ягодице.

Вычислить сколько мы можем дать свободных мест в этот раз. Не более десяти. Даже меньше. Три или четыре. Гореть нет желания...

– Шай, ау, – перед носом щёлкает пальцами Аарон, концентрирую на нём взгляд.

– Я тебя слушаю, но пока ты молчишь. И это сорок три секунды. Я не знаю вопросов, которые ты мне можешь задать по поводу работы, поэтому это касается твоей жены или же воскресного ужина в компании твоих друзей. Посему не вижу смысла продолжать диалог, – монотонно отвечаю, смотря в каре-зелёные глаза.

– Боже, дорогая, ты загонишь себя в гроб, – цокая, отпивает шампанское.

– Это твой третий бокал и тебе достаточно. Отёки бабочке ни к чему, как и головная боль. Поэтому заканчивай. Забирай Тину домой и проведи с женой выходные. Со вторника у тебя съёмки, в четверг – встреча с журналистами. А в среду жду тебя в офисе, чтобы прогнать вопросы. Что-то ещё? – Краем глаза не замечаю Роксборро в зале.

– Да, чтобы в воскресенье была у нас, Шай, – требует.

Медленно перевожу на него взгляд, и мужчина сдувается, уже ступавшийся смотрит на меня.

– Это приказ, Аарон? – Ехидно интересуюсь.

– Прости, Шай. Но чёрт. Парень-то в чём виноват? Ещё немного и ты отстреливать их начнёшь. Тебе нужен отдых хотя бы немного. Ты только работаешь, а как же веселье? Тебе его не хватает. Немного расслабления...

– Четырнадцать секунд потери моего времени, Аарон. Не трать его, оно бесценно. Я тебя терплю, потому что ты вызываешь во мне немного больше расположения, чем отметка ноль. Поэтому не заставляй меня игнорировать тебя. Разговор окончен. На следующей неделе

мы планируем в твою честь провести вечеринку в клубе, посему займись подготовкой своего образа. До скорого.

Прохожу спокойным шагом мимо гостей, некоторые кивают. Все, расступаясь передо мной, пропускают. В другом зале останавливаюсь и осматриваю толпу. Закрываю на секунду глаза, перед которыми моментально предстаёт план здания. Два балкона и одна терраса. Чётко представляю, где сейчас находится босс. Нет, я не читаю мыслей. Жаль. Тогда бы могла предвидеть многое. Но не изменить, как и думать о глупостях бессмысленно. Поэтому научилась угадывать всё по мимике, движениям, и выучила привычки.

Мягко открываю раздвижные двери и выхожу на воздух, неприятно облегающий обнажённые плечи влажностью. Медленно подхожу к мужчине, стоящему у перекладины и втягивающий в себя дым сигары.

– Машина будет готова через девять минут.

Стараясь не нарушать единение босса и прекрасной тишины, произношу всё пониженным голосом.

– Хорошо. Я уже стар для таких вечеров. И эта погода... надоела, – чувствую, как бросает на меня взгляд, а я смотрю на лужайку внизу.

– Я, значит, тоже стара, мистер Роксборро, потому что предпочитаю тишину.

– Может быть, махнём в Аспен? Там сейчас мало кто будет из наших, и это обещает спокойное время, – откладывает сигару на столик.

– Я подготовлю...

– Нет, милая, ты и я, – поворачиваюсь к нему и приподнимаю уголок губ.

– Мистер Роксборро, впереди серьёзный проект, который должен быть под моим полным контролем. А вы, конечно, слетайте.

– Шай...

– Завтра у нас тяжёлый день. Фотосессия, ужин и новая неделя, – перебивая, отхожу к дверям.

– Но ланч у нас в силе? – Уточняя, подходит ко мне, когда я открываю двери.

– Конечно. В полдень, ресторан «GG's». Столик забронирован у воды, как вы любите, – чётко отвечая, мы выходим в тёмный зал, который не использовался сегодня.

– Домой? – Он кладёт руку на мою спину. Секунда, чтобы прийти в себя от этого прикосновения, и киваю ему.

– Пройдём через другой вход. Уйдём тихо и без шума. Тем более они даже не заметят, – хмыкая, веду босса к лестнице.

В молчании доходим до «Майбаха» и опускаемся в салон. Тишина и прохлада. Прекрасное завершение этого дня. У меня не бывает осечек, всегда всё проходит так, как запланировано. Даже смутный инцидент, который уже стирается из памяти, не желая задерживаться, не помешает мне гордо улыбнуться. Очень часто «мотыльки», завидя свет, спешат к нему, и у меня отработана на автомате защита мира. В нём есть место только тем, кого одобряю я. Да, власть появилась в моих руках, и я не собираюсь упускать поводья. Не имею права на ошибку.

– До завтра, милая.

– Доброй ночи, мистер Роксборро, – немного киваю и выхожу из машины, дверь которой уже мне придерживает охрана.

Не оборачиваясь, прохожу пункт охраны и направляюсь к комплексу. Вот и закончился день. Ровно одиннадцать часов и две минуты.

– Шайди, ты рано для такого великого события.

Открыв дверь, слышу голос домработницы и поворачиваюсь к ней.

– Достаточно, и в полночь я уже должна быть в кровати. Всё хорошо дома? – Спрашивая, направляюсь в спальню.

– Конечно, иначе не может быть. Как всё прошло? – Интересуюсь, опускается на колени и помогает разуться.

– Как всегда. Всё на высшем уровне.

– Молодец, девочка. Ты можешь править миром без какой-либо помощи, – смеясь, берёт из моих рук украшения и раскладывает их по бархатным коробочкам.

– К сожалению, без твоей помощи я не расстегну платье, Элеонор, – поворачиваюсь к ней спиной.

– Завтра в шесть утра твой тренер подтвердил занятия.

– Прекрасно. Верни украшения обратно в бутик, а платье выставь на торги. Деньги ты знаешь, куда перечислить, – перешагиваю наряд, который отжил своё и направляюсь в ванную.

– Конечно. Хорошей ночи и до завтра.

Захлопываю дверь и подхожу к зеркалу, чтобы смыть макияж. Холодный душ и увлажняющие крема. Подготовленный Элеонор пеньюар и халат. Выйдя из комнаты, подхожу к третьей справа картине, висящей на стене, и отодвигаю её. Ввожу код, и сейф пикает. Достая мобильный и улыбаюсь, а сердце начинает стучать. Хотя бы сейчас. Одно сообщение и внутри меняется всё. Только раз в день. Без пятнадцати минут двенадцать. Каждую ночь оживаю на две минуты, чтобы ответить и вновь спрятать то, что делает меня слабой. И я знаю эту ошибку. Но разве разуму подчиняются чувства, которые были рождены очень давно и не забыты? Нет. Об этом меня никто не просил. Это просто случилось. И две минуты для меня смысл целого дня. Смысл моей жизни. Ради них я готова быть Круэллой, только бы всё получилось.

– Мисс Лоу, мистер Роксборро подъехал.

Отрываюсь от сверкающей воды в ярких лучах полуденного солнца. Кивая, встаю с кресла, ожидая мужчину. Сначала проходит охрана, затем он тоже в окружении ещё двух человек. Столики вокруг нас пустуют, как обычно. Воскресная встреча всегда проходит в тишине, и никто не нарушает нашего спокойствия. Никогда.

– Милая моя, – босс расплывается в улыбке и дотрагивается губами до щеки. Привыкла к моментально обжигающему поцелую, который оставляет отметины на мне изнутри. Сейчас уже ничего не чувствую. Слишком долго он это практикует, и это не пронзает болью, как раньше.

– Прекрасно выглядите и в хорошем расположении духа, – опускаюсь в кресло.

– Это были мои слова, – смеётся он.

– Констатация факта. Заказала вам, как обычно. Морской коктейль и лобстера. Воду без газа.

– Ты могла бы надеть что-то более удобное. Сегодня выходной, – указывает взглядом на мою блузку.

– Она розовая.

– Ну да, розовая. Не белая и не чёрная. Не серая и не тёмно-синяя. Но всё же, скучная.

– Как обстоят дела дома? – Перевожу тему, замечая, что нам уже несут заказ. Чаевые заработали.

– Никого не видел утром. Все спали, когда я встал и позавтракал. Поработал и всё же обдумываю уехать в Аспен. А когда у тебя закончится проект, ты присоединишься.

Приказ. Мягкий и твёрдый. Молчу, пока официанты расставляют перед нами тарелки и наливают в бокалы воду.

– Мистер Роксборро, с удовольствием, как только разберусь со всем, что предстоит. Планируем со среды открыть заявки на нашем сайте. Без агентов. От обычных «мотыльков», которые так жаждут быть среди нас. Баннеры этой ночью будут висеть по всему Лос-Анджелесу. Также обдумывала идею онлайн-трансляции, чтобы каждый «мотылёк» смог видеть, кто останется и выиграет. Что-то вроде шоу на «Ютуб», которое тоже принесёт нам результат.

– Аарон доволен? Вчера он пытался мне что-то рассказать, но не успел, – хмурится, а я приподнимаю уголок губ.

– Он счастлив. Глупо не быть таковым. Скорее всего, он хотел поделиться прибавлением.

– Мартина беременна? – Удивляется. Киваю ему.

– Не волнуйтесь, она будет работать до последнего. На её место я уже присмотрела человека. Временно. После полугода вернётся. Мы с ней это обговорили, и никаких проблем данное обстоятельство нам не доставит, – заверяя, пробую креветки.

– Я знаю, что ты уже всё предусмотрела. Вчера не спалось...

Не слушаю босса, потому что всё внутри становится твёрдым. Это означает опасность. Серьёзную опасность для меня. Интуиция на это развита слишком сильно, чтобы обмануться. Краем глаза замечаю, как кто-то входит на террасу. Охрана моментально реагирует, не подпуская к нам незваного гостя. Сладковатый аромат его одеколона доносится до носа, благодаря сухому и влажному ветру становясь приторным.

– Да пусти меня! – Голос кажется знакомым.

– Ребята, сегодня воскресенье. Отдохните. Вряд ли этот парень сделает что-то противозаконное, – смеясь, Роксборро откладывает приборы. Знак для меня – молчать и пока не предпринимать ничего. И это коробит внутри. Не по плану. Не по графику.

«Мотылёк», которого обязательно осмотрят и проверят на отсутствие оружия.

– Добрый день. Простите, что отрываю, но вчера я хотел представиться. Моё имя Рейден Брод, и я хочу быть в вашей корпорации. Мне двадцать девять, работаю уже десять лет. Многого могу и люблю то, чем занимаюсь.

Быстро. На одном дыхании. Даже с испугом проносится его голос. Резко выпускает воздух из лёгких, и на стол ложится его карточка.

– Какой упрямый молодой человек. Не так ли, дорогая?

– К сожалению, не соглашусь с вами, – спокойно откладываю приборы.

– Отчего же? – Удивляется Роксборро. Играет. Как обычно. Вот, что он хочет, показать вновь, насколько ничтожны эти люди под нами. Унизить. Радует.

– Упрямый характер помог бы «мотыльку» уже встать на свою ступень пьедестала и поймать тот свет, который предназначен ему. Упрямый характер и цель, поставленная «мотыльком», порой помогают достигнуть вершины. А здесь же глупость, которую ошибочно принимают за упрямую черту. Несуразно считать, что, нарушив нашу встречу,

и представившись, подвернётся возможность моментально взлететь. Глупость. Ничего иного. Лишь глупость. И это скучно, – вздыхая, поднимаю взгляд на босса, откинувшегося в кресло и с интересом слушающего меня.

– Я могу...

– Конечно, можешь, «мотылёк». Ты всё можешь, как и запомнить, где выход. В данный момент мы находимся в ресторане, и по правилам этикета неприемлемо нарушать наше личное пространство без письменного разрешения. Всего доброго.

Быстрый взгляд на мужчину, одетого, словно собрался на вечеринку в самом бедном районе. Разодранные джинсы, фирменная футболка «Кельвин Кляйн» и злость в глазах. Не так должна выглядеть модель, чтобы представить себя своему спасителю. Поэтому один слабый кивок, и его, хватая под руки, тащат из ресторана.

– Парень неплох. Хотя сколько мы таких видели, – усмехаясь, произносит босс.

– Он бесполезен. Нет стиля. Нет собственного «я». Одно веяние моды и никакой изюминки, – отвечая, отпиваю воду.

– Но красив, такие лица сейчас любят.

– Они будут любить то, что скажем мы. И красота – это самое последнее, что может привлечь нас. Она, к сожалению, не имеет никакой ценности. Да и, вообще, этому «мотыльку» вряд ли что-то светит. Его шанс давно упущен.

– А ты ведь ищешь именно таких. Может быть, он придёт на просмотр?

Перевожу взгляд на Роксборро и обдумываю его слова.

– Если глуп, то придёт. Но это уже не наша забота. Меня интересуют только финалисты, а он вряд ли окажется среди них. Как вам салат? Здесь очень отличная кухня и вид тоже бесподобен.

Удаётся перевести внимание мужчины на обычную тему, о которой он может говорить часами, вспоминая иные места, где ничуть не хуже.

«Мотыльки» слишком часто пытаются именно таким способом привлечь внимание, и это проигрышно. Я дала эту возможность ему, пусть потешит самолюбие, что смог достичь того, чего так жаждал. И это мило, но данный эпитет неприемлем в моём мире. Это веселит, и я развлекаюсь, наблюдая, как рушатся надежды. Конечно, если бы было что-то в нём интересное, то обдумала бы. Ни капли. Скучный. Серый. «Мотылёк».

Обед заканчивается ровно в два часа, и я провожаю босса к машине, прощаясь и обещая, что скоро подъеду к его особняку и прослежу за фотосессией.

Сев в свой автомобиль, настраиваю кондиционер и кладу сумочку на соседнее сиденье. Обычно в такие дни на «Северном Ошен Драйв» несильно загружены дороги, но достаточно гуляющих людей по прибрежной зоне. Нажимая мягко на педаль, мысленно планирую свой путь через один из магазинов, который должна посетить на двадцать минут.

Тень показывается сбоку. Глухой удар и нажимаю на тормоз. Тишина окутывает меня внешне и внутренне. Никого нет, галлюцинациями не страдаю. Но определённо, что-то случилось. Несколько прохожих останавливаются и перебегают улицу. Они подходят к моей машине. Распахиваю дверь и выхожу.

– Боже, надо вызвать скорую! – Кричит женщина.

– С ним всё хорошо? Он вылетел на дорогу, – вторит ей мужчина.

Меня мало волнует это, только скука, когда обхожу «Ауди» и вижу «мотылька», валяющегося на дороге.

– Мисс...

– Вы можете идти, с ним всё хорошо, – бросаю на них быстрый взгляд.

– Но...

– Поверьте, свет порой создаёт иллюзионный эффект, и «мотыльки» считают, что это неплохой способ обнаружить себя. Так и здесь. Всё это плохая техника и природная глупость, свойственная человечеству.

Подхожу к раскинутым ногам «мотылька» и встаю между ними. За мной наблюдают, не желая понять, что всё это фантазия. Вспышка в голове «мотылька», и неприятная ситуация, которая привлекает нежелательное внимание ко мне.

– Итак, будет больно, но ведь ты именно за этим пришёл, – ставлю туфлю прямо на его ширинку и упираюсь тонким каблуком в дорогу.

– Даю возможность самому показать этим милым людям, что ты чертовски дрянной актёр, – надавливаю. Несильно. Практически незаметно. Не двигается, пока рассматриваю его лицо. Яйцеголовый. Слишком приторный. Обросший и мёртвый.

– Ладно, уговорил, – вздыхая, наступаю так, что грудь «мотылька» резко вздувается, а через секунду его рот распахивается в беззвучном крике. Усмехаясь и наблюдая за реальностью, с невероятным наслаждением давлю ещё. Пару мгновений и «мотылёк», подскакивая с дороги, кладёт ладони на ширинку, пытаюсь унять то самое чувство, которое вызывает во мне. Неприятно. Заслужил.

– Теперь вы можете идти, – обращаюсь к свидетелям, а они, желая увидеть более эпичное шоу, разочарованно перешёптываются и расходятся.

– И ты ещё раз подтвердил, насколько плох. Чтобы быть актёром, нужно немного больше, чем смазливое лицо. Оно никому не интересно. Встретимся через двадцать девять лет, возможно, тогда ты это запомнишь, – произношу чётко, смотря в его глаза, отдающие мутной синевой, с примесью серого налёта.

– Дерьмо, за что ты так ненавидишь меня? – Шипит, пока обхожу его.

– Мотылёк, слишком ты скучен, чтобы тебя ненавидеть. И если я испытываю это чувство, то оно не сулит добра. Не следует тебе более преследовать меня или же мистера Роксборро. Тебе вряд ли нужны проблемы в участке, – распахиваю дверь машины, но широкая ладонь моментально её закрывает.

– Ты думаешь, что раз трахаешься со стариком, можешь унижать людей? – Горячие пальцы обхватывают мой локоть.

– Ты ни черта не имеешь на это права. Мы так же, как и ты, хотим работать. И я могу это сделать. Мне нужна возможность.

Взгляд мутнеет. Сердце просыпается, а голова наполняется его шёпотом.

– Круэлла, ты убиваешь людей.

Скрежет металла по сердцу.

– Я видел много. А то, что делаешь ты – отвратительно.

По позвоночнику проносится стальная нить, не позволяющая двинуться.

– Ты никто, обычная игрушка, которую он заменит. И я доберусь до тебя. Поняла?

Надрывистое дыхание, которое сложно расслышать мне из-за громкого крика в разуме.

– Мы ещё встретимся, а боятся тебя глупо. Я найду то, что ты скрываешь ото всех. Слышала меня?

Дёргает за руку. Так и стою, смотря в одну точку, которая в одну секунду становится резче, чем раньше. Стук сердца потухает. Тело расслабляется от каменной жизни. Поворачивая голову, встречаюсь с горящими глазами.

– Прекрасно слышала, – одними губами произношу. Самодовольный вид и через секунду поворачиваюсь к нему спиной. Один удар локтем в солнечное сплетение. Ногу согнуть и попасть прямо между расставленных ног. «Мотылёк» ломается, отпуская мою руку и избавляя сознание от острых шипов.

– Дерьмо... чёрт, – жмурится, пытаюсь отдышаться.

– И ты слышал меня. Подойдёшь ещё раз, и я покажу тебе, почему меня зовут Круэллой, – смотрю на него, стоящего на коленях посреди дороги. А другим людям всё равно, они проезжают мимо.

Забираюсь в машину и прокручиваю кондиционер до самой минимальной отметки. До сих пор его пальцы ощущаются на коже, и это сжимает всё внутри. Не терплю. Не могу. Больно. Не имею права чувствовать снова. Надавливаю на газ, но, останавливаясь, переключаю передачу. С визгом сдаю назад и раскрываю окно. «Мотылёк» уже поднялся и хмуро, даже с ненавистью, смотрит на меня. Подзываю пальцем, наклоняется, обдавая приторным ароматом.

– Выучи одно из правил. Никогда. Не смей. Прикасаюсь. Ко мне, – щёлкаю его ногтем по носу. Издаёт стон и отскакивает от машины.

– Я тебя запомнила, Рейден Броуд. И, поверь, это плохо.

Терять самообладание запрещено. Поддаваться эмоциям запрещено. Думать о прошлом запрещено. Гореть запрещено. Сохранять в памяти имена запрещено. Видеть образы запрещено. Ощущать до сих пор запах «мотылька» запрещено. Ненавидеть их запрещено. Не трогать. Не позволять себе большего. Затаиться. Подождать и увидеть падение. Остальное запрещено.

Рейден

– Дерьмо! – Ударяю ладонями по рулю.

Нос до сих пор ощущает щелчок, член, вообще, с ума сошёл от издевательства. Меня унизили. Опозорили. Да ещё прилюдно чуть не раздавили мой любимый орган, как и удачно избили. И это всё женщина. Чертова Круэлла. Холодная. Мерзкая. Противная. Сука. Думает, так просто сдамся? Ни черта.

– Поняла? Ты ещё встретишь меня. Я не твой дерьмовый мотылёк. Докажу тебе это. И ты заплатишь за то, что выставила меня полным идиотом. Поняла? – Шиплю от злости и бессилия.

Потерять агента. Работу. Испытывать в груди отчаяние, которое заставляет теряться от страха. Такого я никогда не чувствовал. Слово внутри всё трясётся, то сжимается, то разжимается, то вспыхивает и затухает. Отвратительное состояние. И я не знаю, что мне делать дальше. Не представляю даже. Снова искать работу на ночь и волочить жалкое существование. Не могу. Я должен добиться места. Оно спасёт меня. Да, чёрт возьми, готов даже унижаться, только бы взяли. Лорейн вернётся. Я не могу без неё, не могу без этой работы. Это я и есть. Когда вижу вспышки, мне хочется жить, видеть результат. И у меня осталась последняя возможность вырваться на свет.

Достаю мобильный из джинсов и ищу в контактах необходимый номер. А вариантов больше нет, я должен достать хоть что-то на Круэллу. Должен. Именно она может всё, теперь убедился. Окончательно понял, насколько жалок сейчас Рокси.

– Да, – после третьего гудка отвечает трубка.

– Маршал, привет, – делаю глубокий вдох.

– Ден, рад тебя слышать. Как ты? Лорейн очень переживает, – тепло отзывается отец моей девушки.

– Я по ней соскучился. Очень.

– Так прилетай, мы ждём тебя в любое время.

– Нет, пока не могу. Мне нужна твоя помощь, – неприятно от этих слов, но нет больше возможности бороться одному.

– Конечно, Ден. Сколько тебе нужно?

– Нет, не деньги. Мне требуется информация. Любая, желательно полная и грязная на одного человека.

– Без проблем, найду. Надеюсь, ты не собираешься совершить что-то плохое?

– Именно это и собираюсь сделать, – мрачно произношу.

– Наконец-то, ты понял, что модельный мир – это грязь, и начал привыкать к смраду, – смеётся абонент на той стороне. А мне гадко, я не поступаю так, не бью в спину, не роюсь в изгаженном белье. И сейчас ломаю себя.

– На кого тебе нужны данные?

– Шайди Лоу. Она работает на Мертон Роксборро. Его личный помощник и его любовница, как говорят, – на одном дыхании, чтобы не передумать.

– Крупная рыбка. Хорошо, как только у меня будет что-то, пришлю тебе. Чтобы найти на неё информацию, придётся заняться незаконным вторжением. Ты же понимаешь это?

– Да. Я всё понимаю и верну тебе деньги, как только заработаю их.

– Деньги мне не нужны, Ден. Сделай мою дочь счастливой. Вот и всё, я лишь предупреждаю тебя о последствиях.

– Хорошо, я тебя чётко услышал. Это срочно, Маршал. Меня не волнует расплата, я хочу пробиться. И спасибо за помощь, передай Лорейн, что я... скучаю по ней и жду возвращения домой.

– Конечно. Мне ничего не жалко для зятя.

– До связи.

Завершаю звонок и сжимаю в руках телефон. Смотрю перед собой на дорогу невидящим взглядом и ненавижу её. Она заставила меня сделать это. Если бы дала хоть возможность... небольшую, я бы показал себя. И пусть последовал бы отказ, тогда бы смирился со всем. Принял то, что негоден. А так, нет, не позволю. Я стараюсь, очень стараюсь быть одним из них. Тренируюсь в спортзале, даже бесплатно снимаюсь, чтобы было портфолио серьёзней. Но в этом мире нельзя быть добрым, а мама хочет меня видеть именно таким.

Именно к ней направляюсь, чтобы немного побыть в ауре тепла и заботы. Привык быть с кем-то, с Лорейн. Не представляю жизни без неё. Ведь столько лет вместе. А разрыв не потяну.

Небольшой дом, который достался маме по наследству от бабушки, уже виднеется впереди. Она всегда ухаживает за ним и, можно сказать, что у нас всё хорошо. Но она работает в больнице медсестрой, сколько себя помню. Два через два. И сегодня дома. Я рос в этом месте, бабушка забрала нас к себе после смерти отца. Он погиб, сорвался с горы, когда поехал заниматься любимым делом. Тоже был моделью. И умер. Тогда я ещё не родился, и бабушка распахнула перед нами двери. Когда мне было шесть, у неё начались проблемы со зрением, впоследствии полностью ослепла. Оставила нас, когда я был на последнем курсе университета. Она всегда говорила мне, что я прирождённая модель. Звезда, которая должна взойти. Она подталкивала меня и буквально заставляла ходить на пробы. Я обещал ей, что исполню её мечту. И удивила своим завещанием. Ни я, ни мама не знали, что она была богата. Очень богата. Но все деньги до сих пор у адвоката, ведь я так и не стал тем, кого она хотела видеть. Я должен это сделать хотя бы ненадолго, тогда заберу деньги, и подарю матери ресторан, о котором она говорила в детстве. Там она познакомилась с отцом, а потом его закрыли. Именно это место я выкупил пять лет назад, и оно пустует, обсыпается и тухнет. У меня огромные планы на будущее, а для этого придётся быть подонком. Что ж, хорошо, когда-нибудь верну себя, но пока буду драться. Драться до крови, до смерти. Но сам никогда не подохну, как жалкое пресмыкающееся. Никогда!

– Мальчик мой, ты очень грустный, – мне на плечи ложатся руки мамы. Моргая, откладываю ложку и поднимаю на неё голову.

– Задумался. Всё хорошо, – с улыбкой заверяю её.

– Может быть, останешься у меня? Лорейн вернётся, и будете жить здесь. У нас есть комната, мы там сделаем ремонт...

– Мам, всё хорошо. Мы живём отдельно, и это правильно. Спасибо за суп, было очень вкусно, – вставая, бросаю взгляд на блюдо, к которому так и не притронулся.

– Сынок, я же чувствую, что нет. Брось, чёрт с этими деньгами. Всё равно всех не заработать, а гробить себя не стоит, – ловлю печальный взгляд голубых глаз и продолжаю улыбаться.

– Всё хорошо. И мы заберём эти деньги, я обещаю. Мы продадим этот дом, потому что он ещё немного и развалится. Заберу тебя к нам. Я поехал, – не даю ей пожалеть меня,

потому что сейчас это лишнее.

Я люблю её, очень. И ради неё буду стараться тоже. Знаю, что очень много таких как я. Нереализованных и потерянных, с кучей проблем, на грани нищеты. Но у меня есть цель, значит, всё получится.

В кармане вибрирует телефон, а на шоссе запрещено останавливаться. Поэтому нащупываю рукой айфон и бросаю взгляд на входящий.

– Да, Маршал, есть что-то? – Отвечая, включаю громкую связь и удерживаю в руке телефон, успевая маневрировать на дороге.

– Как сказать. Ничего. Двадцать шесть лет. Сирота, родилась в Вашингтоне, переехала в Лос-Анджелес после окончания университета «Джорджа Вашингтона», в который получила грант. Работала в маленьких компаниях, потом попала в «Роксборро Интерпрайзис». Аналитик, финансист. Ведёт спокойную жизнь, появляется на всех значимых мероприятиях Голливуда. Одна из первых, кого приглашают на открытия. Называют...

– Круэлкой, – заканчиваю за него.

– Да. Ничего странного или к чему можно подкопаться. Всё понятно. Богата. Имеет несколько счетов в банках. И один из них в Вашингтоне. Переводит деньги часто на благотворительность, как и выручку с продажи своих нарядов. Неплохая девчонка, умная и сильная.

– А что-то про связи? Её бывшие парни или сожители?

– Ничего. Ни с кем не встречается и не была замечена, вообще, с мужчинами. Скорее всего, всё же, любовница Роксборро. Выходит только с ним или одна.

– А фотографии? Может быть, работала где-то обнажённой или порно? Должно быть что-то, – хмурюсь и разочарованно сбавляю скорость.

– Если и было, то давно уже Роксборро удалил всё. Но ты прав, что-то должно быть, потому что слишком чисто. Отбелено, и это бросается в глаза. Я дал задание ребятам, чтобы они прогнали её по делам несовершеннолетних, как и, возможно, что-то осталось из её прошлой жизни. Но, Ден, с Роксборро лучше не связываться, а он за неё может хорошо тебе задницу надрать. Есть видео, где они вместе и его интервью. Он по уши в ней, поэтому слабая вероятность, что нечто такое найдём.

– Понятно. Я не собираюсь с ним тягаться, хочу попасть к ним. Это мой последний шанс, Маршал. Сам хочу попасть, своими силами.

– Понимаю, вот здесь я могу тебе помочь точно. У меня есть... хм, одна знакомая, работающая у них. В финансовом отделе, она там уже около пяти лет. Если хочешь, могу назначить вам встречу.

– Да, хочу. Меня не нужно толкать, но как вариант она знает что-то о ней. Спасибо, Маршал.

– Не за что. Всю информацию я тебе переслал на почту. И подумай о том, чтобы прилететь. Я познакомлю тебя здесь с нужными людьми.

– Нет, я сам. Но за предложение спасибо. Скажи, а Лорейн не собирается возвращаться? – Сдавленно спрашиваю его.

– Она отдыхает, тем более у неё здесь есть заказы. Они с матерью каждый день ходят на вечеринки, тебе бы тоже не мешало...

– Мне надо ехать, я на шоссе. Позвони, как договоришься с той девушкой о встрече. Спасибо, – обрываю звонок, чтобы не слышать, как моей будущей жене хорошо без меня. Да,

она привыкла к роскоши, но я же готов ей подарить всё. Я это делаю, и всё же, неприятно знать, насколько она восхитительно отдыхает без меня.

Доезжаю до дома и устало плетусь к квартире. Тишина и грязь. Я не убирал её всё это время, потому что устаю. Лорейн всегда занималась обустройством и заказывала уборщицу. А я нет. Только деньги приносил. Хотя сейчас могу без крика достать баночку пива и упасть на кровать. Притягивая ноутбук на колени, открываю напиток и делаю два больших глотка. Раскрываю почту и скачиваю файл от Маршала. Всё, как он и говорил, ничего необычного. Адреса, где жила. Места, где побывала за последние два года с Роксборро. Фотографии с мероприятий. Вглядываюсь в них и не понимаю, что же нашёл в ней глава такой корпорации. Даже кадры ледяные. Всегда тёмный свет в глазах и насмешливо приподнятый уголок губ. Ничего.

Если она родилась в Вашингтоне, проживала там, окончила университет, то должны сохраниться у них на сайте все фотографии выпускников. Это нормально, они показывают, сколько успешных людей, благодаря им, сделали себе имена. Может быть, там что-то и будет. Вхожу на сайт, ищу историю и копаюсь в данных многолетней давности. Ещё раз и ещё, все выпускники представлены, но нет ни её фотографии, ни имени Шайди Лоу. Хмурюсь и ещё раз смотрю на списки. Вот и ложь. Хотя, возможно, обучалась отдалённо, но в школу-то ходила. Перехожу на файл и нахожу номер школы. Открываю другой сайт и фотографии, которые должны были запечатлеть её. Просматривая каждую, ищу Круэллу. Нет её. Даже приблизительно никого нет в периоде трёх лет, когда она должна была закончить.

Ничего, у меня нет работы на сегодня. Поэтому впереди меня ждёт увлекательное путешествие по старшим школам Вашингтона.

Глаза уже болят, а пиво заканчивается. Взгляд цепляется за фамилию Лоусон-Кей в элитном заведении. Щёлкаю на это фото, приближаю, и миниатюрная девочка с помпонами в окружении футбольной команды улыбается. Уменьшаю кард и щёлкаю на год выпускников. Список. Нахожу фамилию Лоусон-Кей и имя. Миранда Лоусон-Кей.

– Дерьмо, – шепчу и ближе притягиваю ноутбук, разглядывая снова фотографию. Это она. Другая, но она, определённо. Вот причина, почему нельзя найти информацию. Она изменила имя. Значит, ей есть что скрывать.

Пока смотрю на фото, рукой ищу телефон, который должен лежать рядом. Нащупываю его и выставляю перед экраном, набирая номер. Сохраняю фото и страницу. Делаю скриншот экрана.

– Да, Ден, только завершил разговор...

– Маршал, найди человека по имени Миранда Лоусон-Кей, – перебивая, выпаливаю.

– Знакомая фамилия, посмотрю. Ты встречаешься в семь с Джиной в баре «The Roxу», она будет ждать у стойки. Блондинка, невысокая. У неё есть твой номер. И я это делаю для своей дочери, Ден. Помогаю тебе.

– Знаю, я тоже хочу лучшей жизни для Лорейн, Маршал. Спасибо, – бросаю трубку, искривляя лицо от такой интонации отца моей девушки. Не нужно мне напоминать, что я должник. Понимаю, что теперь влез туда, чего опасался всю жизнь. Ненавижу долги. Никогда не даю в долг и не беру. А сейчас всё пошло к чёрту из-за этой Круэллы. Но я отыщу на неё информацию, время поджидает, потому что теперь оно на счету.

Бросаю взгляд на часы и подрываюсь с кровати. У меня полчаса, чтобы доехать до бара. А он на приличном расстоянии от нашего комплекса. Но плевать, натягиваю свежую футболку и вылетаю из квартиры. Мне следует остановиться и понять, что я творю, куда

скатываюсь. Но, то чувство, внутри, означающее и сулящую победу, не даёт остановиться. Если бы мог всё бросить, то давно бы занялся чем-то иным. Не могу. Столько лет впустую? Нет. Никогда.

Бар в вечернее время полон под завязку. Посетителей слишком много, и я протискиваюсь сквозь толпу, разглядывая её, чтобы отыскать необходимую мне девушку. Понимаю, почему именно здесь она готова встретиться со мной. Затеряться просто и никто не поймёт. Это запланировано или же случайно.

Здесь слишком много блондинок, и я теряюсь в выборе. Добираюсь до барной стойки, и меня со всех сторон пихают. У меня нет её контактов, ничего нет...

– Привет. Ты Ден?

Резко поворачиваю голову и встречаюсь с довольно симпатичной женщиной под тридцать. Пластика налицо, но меня это волнует в последнюю очередь.

– Да. Привет, Джина, – улыбаясь, киваю ей.

– Маршал сказал, что у тебя срочное дело ко мне, – карие глаза издеваются, потому что она точно знает для чего мы здесь.

– Ты работаешь в «Рокси». И я хочу знать всё про Круэллу, – чётко произношу. – Выпьешь?

– Уже, – она приподнимает бокал с коктейлем. – Что именно тебя интересует?

– Всё. Какие у неё отношения с Роксборро, тайны, скелеты.

– Мало что могу рассказать. Появилась в компании около двух лет назад. Начинала с аналитического отдела. То есть с низа. Как появилась, и кто её привёл – неизвестно. Она просто пришла. Хотя у нас даже вакансий не было. Ни с кем не общалась, не заводила знакомства. Работала. Далее, её заметил Рокси и сделал личным помощником. Через пару месяцев уволил того, чьё место она заняла. Это около полугода. И с этого момента они вместе. Как она ещё могла так быстро подняться, думаю, ты понимаешь. У Рокси не было любовниц до этого. Благопристойный семьянин, по крайней мере, именно таким его сделали. Суровый. Серьёзный. Но с Круэллой стал незаметен. Редко куда-то выходит, больше прячется от папарацци, а если и посещает мероприятия, то с Круэллой. Она никого к нему не подпускает, и твоё эпичное выступление на празднике, было очень смешным.

Кривлюсь от неприятных воспоминаний.

– Она кого-то протаскивает в компанию? – Интересуюсь я.

– Нет. Но, если зацепишь, и она увидит в тебе доллары, то будет развивать. Это было с Аароном Гриром. Он был низкопробной моделью, сейчас же актёр и довольно высокооплачиваемый. Он ходил с ней везде, если не было рядом Рокси. Она его выводила на мероприятия, даже поговаривали, что между ними что-то есть. Но это быстро оборвалось. Рокси не любит, когда его любимицу поливают сплетнями. Он из-за этого уволил десять человек. Откуда-то узнал, что именно они начали распространять слухи. Поэтому, Ден, ничего на неё нет. Круэлла. Говорит только по делу и лишь с главами отделов.

– А что-то про её семью?

– Она сирота. Да и это мало кого волнует. Больше хотят как-то её впечатлить, потому что знают, только она может дать место у нас. В день присылается довольно много подарков и цветов, которые до неё не доходят. Она запретила, это всё раздаётся или сотрудникам, или же выставляется на аукционы. Она живёт словно в куполе каком-то, не позволяя никому подступить ближе, – хмыкает Джина и отпивает коктейль.

– Понятно, – разочарованно отворачиваясь, рассматриваю разные бутылки, стоящие

за баром.

– Но о ней много знает Мартина, – возвращаю своё внимание на женщину.

– Кто такая?

– Финансовый отдел. Работает со мной. То есть мой босс и жена Аарона Грира.

– Да помню что-то о быстрой и тайной свадьбе.

– Всё произошло очень быстро. Он был с Круэллой, а через месяц женился на Тине. Она её подруга, единственная с кем общается Шайди. Они обедают вместе, ходят по магазинам и на вечеринки. Думаю, тебе нужна она. В отличие от подруги, Тина болтлива, и располагает к себе. Добрая, отзывчивая, мягкая и умная. Не знаю, почему они сблизились, но факт. Тем более они живут рядом, в одном комплексе, только на разных этажах. Слишком близко друг к другу. Возможно, шведская семья.

Она хихикает, а вот мне не до смеха. Выходит, что мне нужна другая девушка, и как к ней подобраться, я не имею понятия. Тем более Аарон прекрасно обезопасил себя. С одной стороны, Круэлла, с другой жена. Удачно устроился.

– Ты будешь участвовать в отборе? – Концентрирую на Джине взгляд.

– В каком?

– Со среды планируют открыть вакансии. Сегодня Круэлла подтвердила макеты и разрешила запуск баннеров. Завтра утром уже будут по всему Лос-Анджелесу. Сначала онлайн-заявки на нашем официальном сайте, а затем уже просмотр. Количество мест держится втайне. И мы уволили в пятницу восемьдесят три человека.

– Ни черта себе, – присвистываю.

– Да, всё это решила она. Они приносят мало денег, по её словам, и в них нет потенциала. Поэтому Круэлла на собрании сообщила, что мы запускаем новый проект и будем рассматривать всех. Даже тех, кто без агентов и опыта. Мужчины от двадцати семи до тридцати четырёх. А девушки от восемнадцати до двадцати пяти.

– Но это противоречит, вообще, политике нашего бизнеса, – удивляюсь я.

– Да. Именно. Что она будет делать со стариками... ой, прости, но всё же, этот возраст уже закат карьеры. А она дарит только восход. И Рокси согласен, ему даже не особо и важно, кто будет у нас работать. Он ей доверяет полностью.

– То есть набор, – медленно повторяю и улыбаюсь новой возможности. Хотя вряд ли пройду. Когда она увидит моё имя, то тут же вычеркнет из списка. Но я заставлю её, оставить меня там.

– Ага. Что ещё ты хочешь знать?

– Кто такие мотыльки? Она постоянно... хм, слышал, как она называет так моделей.

– Мотыльки и бабочки пришли вместе с ней. Мотыльки для нас – своего рода пустые модели и сырой материал. С ними никто не работает, компания только даёт возможность сделать старт, а дальше Круэлла смотрит, какой кокон они выберут. Её ход мыслей сложно объяснить. Вот Грир для неё бабочка, и она оберегает бабочек. Они на слуху, они богаты, знамениты и никогда не потухнут.

– Бред какой-то, – кривлюсь я.

– Да, мне, вообще, кажется, что у неё с головой проблемы. Иногда говорит что-то...

– Спасибо за помощь, Джина. Скажи мне ещё вот что, куда она ходит? У вас же есть распорядок посещений мероприятий, каких-то приёмов и вечеринок? Вам присылают приглашения? – Перебивая, не желаю слушать очередные сплетни, которые только забьют голову лишней информацией.

– Да, есть такое. Всем крупным рыбкам достаются приглашения, и мы посещаем такие тусовки.

– Ты можешь достать список тех мест, куда ходит именно она?

– Могу. И ещё могу помочь тебе пройти на них. В приглашениях всегда стоит плюс один.

– Прекрасно, это бы мне помогло. Если не Рокси, то другое агентство. Мне нужна работа.

И это действительно поможет мне, не придётся следить за «Майбахом», потом не спать и ждать, когда появится ненавистная мне «Ауди», о которой узнал от уборщика. И он получил за эту помощь несколько купюр практически последних, но не суть. Лёгкое прохождение на любое мероприятие, где будет Круэлла, предоставит мне хотя бы сон, чтобы восполнить силы для борьбы за себя и место в этом мире.

– Конечно, помогу. А вот ты мне расскажи, Маршал собирается разводиться?

Приподнимаю брови от такого вопроса и, если честно, даже не задумывался о том, кто Джина будущему тестю. Теперь же ясно. Любовница.

– Пока нет, но Лорейн говорила, что у него с женой плохие отношения. Так что всё возможно, – вру, конечно, вру. Ничего она не говорила, и я ни черта не знаю о чувствах этой четы. Но Джина хочет надежду, а мне несложно её подарить. Пусть и фальшивую, но пока я буду скармливать это ей, она вытащит меня из дерьма. А потом... извинюсь.

– Прекрасно. Он обещал.

– Скинь мне свой номер в сообщении, и будем на связи. Спасибо, что помогаешь мне.

– Если ты накопишь что-то на Круэллу, я хочу узнать это первой. Пусть упадёт и почувствует, как мы себя ощущаем, когда она увольняет нас. Сука ещё та, и я буду надеяться, что ты покажешь ей, она – не пуп земли. И мы не должны носиться...

– Конечно, до связи.

Быстро отскакиваю от барной стойки и теряюсь в толпе. Женская зависть и жажда крови была, есть и будет. Всегда. В эти разборки у меня нет желания лезть, у меня свои. И должен думать только о себе, забыв о честности и чести. Круэлла играет грязно, как и история её прошлого не отличается идеальностью. Я доберусь до неё, тем более знаю уже достаточно, чтобы утверждать – она иллюзия, созданная убивать мечты.

Рейден

От кого: *Маршал Дэйсмал*

Кому: *Рейден Броуд*

Тема: *Прикреплено 10 файлов*

«Ден, пересылаю то, что нашли мои парни. Информация была засекречена и скрыта. Но удалось вытащить её по своим каналам. Лорейн ждёт, когда ты ей позвонишь и сообщишь о своём приезде».

Кривлюсь от неприятного подтекста и оставляю эту просьбу-приказ без внимания. Устал. Новый будний день завершился очередным ничем. Никакой работы, мало того, мой бывший агент и друг сделал так, чтобы ни одно агентство, владельцев которых он знает, не рассматривало меня. Об этом мне сообщили прямо в лицо сегодня утром, а точнее, что меня нет в их мире. Я пустое место, и такое портфолио, как у меня их не интересует. Неприятно. Но сейчас в моих руках та самая нить, которая приведёт меня к новой дороге. Моей. Заслужил я, и меня не волнует, что весь понедельник пахал на складе товаров одного из супермаркетов.

Подхватывая ноутбук, ложусь в постель и возвращаюсь к письму.

«Миранда Лоусон-Кей (данные изменены 12.04.2010)

Дата рождения: 3.01.1990

Место: Округ Колумбия. Вашингтон.

Родители:

Отец. Вестер Лоусон-Кин (54 года). Член Конгресса. Палата представителей. Баллотировался в сенаторы в 2009 и 2010 годах. Снял свою кандидатуру.

Мать. Моника Лоусон-Кин (47 лет). Домохозяйка. Член помощи матерям-одиночкам. В браке 27 лет.

Сестра. Скайлер Лоусон-Кин (16 лет). Обучается в закрытой школе Вашингтона.

Обучение: Окончила старшую школу «Святого Габриеля».

Брак: —

Дата смерти: 14.07.2012

Из документов окружной полиции округа Колумбия. Вашингтон.

«Четырнадцатого июля две тысячи восьмого года не вернулась домой. Ушла на вечеринку и больше не появлялась. Никто из друзей и знакомых её не видел. До места назначения не добралась. Родители подали заявление на розыск.

Первого декабря две тысячи восьмого года мисс Миранда Лоусон-Кей признана пропавшей без вести.

Четырнадцатого июля две тысячи двенадцатого года дело закрыто. Выдано свидетельство о смерти».

Перечитываю сухие компьютерные слова бесчисленное количество раз. Это же всё

ложь. Открываю прикрепленные фотографии и рассматриваю кадры. Вырезка из газеты, где родители предлагают денежное вознаграждение за возвращение дочери. Дерьмо. Но она жива. Мало того, жива, её знает весь Лос-Анджелес. Как такое возможно? Мы не на разных полюсах живём, чтобы никто не смог узнать её и донести родителям, похоронившим своего первенца.

Откладывая ноутбук, встаю с постели и направляюсь в сумерках на кухню. Выходит, она убежала из дома, когда ей было восемнадцать. Где-то пряталась и только два года назад появилась. Зачем ей это? Почему? Наверное, её родители себе места не находят до сих пор, раз никаких данных больше не поступало, и дата смерти до сих пор хранится в регистре.

Знаю, что это не моё дело. Но не могу так оставить информацию, которую получил.

Подхватывая бутылку с водой, возвращаюсь обратно в спальню и ищу мобильный. Здесь указан их домашний телефон в объявлении о розыске. У неё отец конгрессмен, он же может всё. Так что ей не нравилось? Для чего она провернула это всё? Сколько жестокости в ней, раз заставила родителей пройти через ад?

Набираю номер и прикладываю телефон к уху. Раздаются гудки, а моё сердце отчего-то начинает быстрее биться. Словно предаю кого-то. Но нельзя так.

– Доброй ночи. Резиденция Лоусон-Кей, – отвечает явно сонный женский голос.

– Здравствуйте. Простите, что так поздно. Но это очень срочно. Мне нужен мистер Лоусон-Кей или миссис Лоусон-Кей. Я по поводу их дочери. Миранды.

– Минуту.

Видимо, откладывает трубку, чтобы сообщить о моём звонке. А я ещё раз перечитываю данные, рассматриваю фото, потому что боюсь ошибиться. Это же не игрушка сообщать родителям о том, что их без вести пропавшая дочь превратилась в отъявленную суку и купается в роскоши, любовница одного из богатейших людей мира, и жива.

– Это миссис Лоусон-Кей. Наша домработница сказала, что вы упомянули Миранду? – Дрожащий женский голос появляется в трубке.

– Да... да, здравствуйте. Меня зовут Рейден Бруд и ваша дочь жива. Сейчас она Шайди Лоу и живёт в Лос-Анджелесе. Я видел её и это точно она. Уверяю вас, – на одном дыхании произношу.

– Боже... господи...

Раздаются гудки, а я удивлённо опускаю мобильный и снова набираю номер. Он занят. Как и ещё два раза. Ладно. Теперь это уже не моё дело, как они будут разбираться с этой ужасной шуткой, которую подкинула их дочь. Но такая реакция говорит сама за себя. Шайди Лоу не существует. И теперь у меня приличный шанс, чтобы выиграть у Круэллы.

Наверное, это плохо, что я злорадствую. Но это именно так. Улыбаясь, закрываю ноутбук и набираю номер Лорейн. Сейчас готов с ней говорить, даже посмеяться. Но ей этого не нужно, потому что она игнорирует меня. Тогда просто оставляю голосовое сообщение, тушу свет и забираюсь в постель. Если бы Лорейн была рядом, я даже сексом готов заняться. Потому что предвкушаю победу. Предвкушаю, какие проблемы ожидают Круэллу, и даже Роксборро не поможет. Это преступление. Тюремное заключение и долгое разбирательство. Огромное дерьмо, которое я вытащил для холодной стервы.

Засыпаю мгновенно и подрываюсь от требовательного звонка в дверь. Моргая, понимаю, что уже утро, и я провёл в кровати слишком много времени. Могу позволить себе. Деньги на оплату следующего месяца уже внесены, работы нет, агента нет. Звонок в дверь повторяется и я, бросая взгляд на часы, и отмечая, что сейчас только начало восьмого,

натягиваю штаны, валяющиеся на полу, и плетусь к двери.

– Кто? – Зевая, щёлкаю замками и распахиваю дверь.

– Доброе утро. Простите, мистер Броуд, что так рано, но ваш звонок... мне пришлось вылететь сразу же.

Женщина в брючном костюме с бледным лицом и тёмными волосами, собранными в тугую причёску, стоит на пороге. Её тёмные глаза блестят от слёз, а я обескуражен. Это мать Круэллы. Сходство трудно угадать из-за пластических операций и подтяжек, но глаза очень похожи.

– Эм... проходите, – медленно произношу и отступаю, пытаюсь проснуться полностью. Но пока плохо выходит.

Миссис Лоусон-Кей проходит в квартиру, и я закрываю дверь. Она очень элегантна, какой должна быть жена конгрессмена. Осматривается и прижимает дизайнерскую сумочку ближе к себе.

– Простите, у меня не убрано, – становится стыдно за бардак. Но по её лицу вижу, когда равняюсь с ней, что ей всё равно.

– Пройдите. Присаживайтесь. Хотите что-то? Чай или воду? Другого нет, – натянуто улыбаясь, подхватываю футболку и быстро натягиваю на себя.

– Ничего не нужно. Мне необходимо только поговорить с вами, мистер...

– Можно просто Ден, – приглашаю её рукой расположиться на диване, а сам сажусь в кресло. Женщина брезгливо оглядывается, и я отмечаю схожесть с Круэллой. Гены пальцем не заткнёшь. Такая же манерная и высокомерная.

– У меня есть доказательства, что ваша дочь жива и сейчас...

– У неё другое имя. Да, я знаю, – спокойно подтверждает она. Приподнимаю удивлённо брови от такой реакции.

– И вы... простите, я ещё не проснулся и не понимаю причины вашего визита, – облизывая пересохшие губы, произношу, во все глаза рассматривая посетительницу.

– Ничего, я вам всё объясню, – мягко улыбается мне. – Мы в курсе о новой жизни Шайди.

– Миранды, – поправляя, прищуриваюсь.

– Её второе имя Шайди. Она всегда ненавидела первое и не отзывалась на него. Мы его удалили из регистра и удивились, когда вы позвонили нам.

Поэтому были изменения. Они тоже участвовали в этом. Но зачем?

– Тогда я совершенно сбит с толку, почему вы здесь. В Лос-Анджелесе, – делаю взмах рукой.

– Дело в том, что мы не хотим, чтобы информация пошла дальше. Моему мужу пришлось снять кандидатуру с поста сенатора именно по этой причине. Нам не нужны проблемы.

– И вам неинтересно как живёт Шайди? Не хотите встретиться с ней? – Удивляюсь, хотя именно такая и дочь. Расчётливая. Алчная. Стерва. Вся в мать.

– Нет. После того, что она сделала с нами. Нет. Она отказалась от нас. Мы её так любили, понимаете, Ден? Мы дали ей всё. Хорошее образование, манеры, имя, но ей больше нравилось проводить время с людьми, которые занимались преступной деятельностью. Она даже экзамены провалила. Мы заперли её дома, и тогда начался ад. Она изводила нас, пыталась убить сестру, была невменяемой. Психиатрическая клиника, где она пробыла три года, не помогла ей. В тот вечер мы её украли, чтобы хоть как-то образумить, – женщина

резко встаёт и отворачивается от меня.

– Это было больно понимать, что теряю дочь. Хотя я старалась уделять ей время, порой доходило до того, что у меня пропадали украшения и деньги, когда мы забирали её к нам. Пришлось снова вернуть в клинику, а потом ей как-то удалось сбежать. Ей помогли её друзья. Мы получали письма с угрозами о том, что она придёт. Однажды неизвестные люди ворвались в наш дом и обокрали нас, угрожали убить всех. И нашу малышку. Скайлер. Держали нож у её горла. Это была она. Сняла маску и улыбалась. Господи, так страшно было, и даже охрана была с ней заодно. Когда всё вынесли, мой муж отдал деньги Шайди, она сказала: «Больше дочери у вас нет. Никогда не смейте вспоминать меня. Я умерла в той клинике и теперь стану вашим кошмаром, если когда-нибудь увижу вас, или вы мне помешаете жить». После этого она пропала. А потом появилась Шайди Лоу. И смотреть на это... на видео с этим стариком, явно годящимся ей в отцы, понимать, что вырастила чудовище, у которого нет ценностей, – больно. До ужаса больно. Это больше не наша дочь, – наблюдаю, как миссис Лоусон-Кей стирает быстро слёзы и поворачивается ко мне.

– Мы готовы заплатить вам, Ден. Сколько угодно. Мы богаты и можем вам помочь. Мы... лишь боимся за нашу младшую дочь. Она одна у нас осталась, и её возраст, он опасен. Если Шайди приблизиться к ней, а она обещала, что отберёт у нас самое ценное, то смысл жизни потеряем. Мы не мешаем ей быть падшей женщиной. Мы согласились на всё, что она требовала, чтобы спасти Скайлер. Поэтому прошу вас, Ден, назовите сумму, за которую вы готовы забыть об этой информации, – она копается в дизайнерской сумочке и достаёт чековую книжку, пока я прихожу в себя от её рассказа.

– Не нужно, – прочищая горло, поднимаюсь с кресла. – Не нужно, правда. Я не из тех, кто продаёт информацию. Тем более, если это повлечёт за собой очередную загубленную жизнь. Нет. Я ничего никому не скажу.

– Всё же... сто тысяч. Двести, я... – её губы дрожат, как и руки. Вздыхаю и качаю головой, осознавая, что эта женщина просто мать, которая хочет уберечь оставшегося ребёнка от ужасной жизни.

– Ни цента. Я обещаю вам, что забуду об этом. Ничего не знаю и даже вас не вспомню, когда вы выйдете за порог. Будьте спокойны, – заверяя её, пытаюсь улыбаться. Но внутри просыпается ярость. Как она могла? Ведь её мать, какими бы недостатками ни обладала, всего лишь мать. И травмировать ребёнка я ей не позволю. Никогда. Наоборот, помогу сделать так, чтобы она никогда не добралась до девочки. Сука. Заручилась поддержкой Роксборро и планирует атаку на эту и так разрушенную семью. Отвратительно.

– Правда? Но если вам будет нужна помощь или деньги, то вот номер моего мужа...

– Нет, – накрываю её руку своей и качаю головой.

– Возвращайтесь домой.

– Хорошо. Спасибо вам, Ден. И прошу, не поддавайтесь Шайди. Она умна, хитра и очень сообразительна. И я до сих пор её люблю, но это бессмысленно. Не погубите себя в этом бизнесе. Сохраните душу.

Она обходит меня, обдавая дорогим парфюмом, и через несколько секунд хлопает дверь.

Я не знаю, что мне делать. Не понимаю, как действовать дальше. Но у меня есть достаточно компромата на Круэллу, и я буду его использовать. Нет, не расскажу кому-то, а лично. Глаза в глаза. Только так смогу чего-то добиться. Надо драться её же оружием, хотя кровь её ледяная, в отличие от моей. И сейчас меня трясёт от гнева, от ярости, от злости, от неприятного послевкусия, оседающего где-то внутри. Хочется отчего-то отмыться, потому

что влез в такое дерьмо, которое даже меня пропитало. Обокрасть родителей. Да я своей матери отдам последнее. Избалованная и наглая, вот что они вырастили. И конечно, здесь есть вина родителей. Они должны следить за детьми, а не потакать им. Но бесчеловечность поступка Круэллы оправдывает, почему так её называют. Давить и топить не щенков, а людей, чтобы сотворить из этого дерьмовые бумажки.

Шайди

– Аарон, серьёзней, – поднимая голову от документации, ловлю весёлый взгляд мужчины.

– Шай, знаю я ответы на все эти вопросы, и как себя вести. Не в первый же раз, – закатывая глаза, отшвыривает от себя листы бумаги и встаёт.

– Я их выучил. Как себя подать тоже знаю, мне вдалбливают это по сей день, и это срослось со мной. У меня съёмки через полчаса, и я бы предпочёл отдохнуть или провести время с Тиной, – подходит к моему столу и упирается на него.

– Отдыхать будешь на том свете. Теперь свернул своё недовольство в трубочку и поместил в анальный проход. Поднял вопросы, и я слушаю тебя, – спокойно произношу, смотря в его прищуренные глаза.

– Чёрт, Шай, брось. Я не подведу, правда, обещаю...

– Живо. За работу, – перебивая его, возвращаю своё внимание к документам.

– Ты грубая, злая и сейчас тебя ненавижу, – бубнит он, но всё же, собирает с пола листы, и плюхается на стул напротив моего стола.

– Ты только со мной как с ребёнком обращаешься. Другие занимаются со своими агентами.

– Если бы не я, то ты бы здесь не сидел. Радуйся, что я злая, грубая и не испытываю к тебе ненависти, Аарон. Работай. Ответишь на все вопросы так, как я этого хочу – будешь свободен, – мельком посылаю ему требовательный взгляд. Вздыхает, и его губы растягиваются в отработанную улыбку.

Качаю головой на его ребячество, хотя именно такую роль ему и написали. Вечно молодой и весёлый. Отзывчивый, мягкий, с шармом «своего парня». Отлично выучил свою новую жизнь, и волноваться не о чем. Но по просьбе подруги, и его жены, Аарон Грир, один из самых востребованных актёров, сидит в моём кабинете и раздражает своим присутствием.

Пока он проговаривает вопросы и ответы, сначала кривляясь, а затем уже серьёзнее, откладываю отчёты и щёлкаю мышкой. Сегодня стартовала запись на первый тур моего проекта. И теперь следует просмотреть тех, кого выбирает народ. К концу рабочего дня.

Конечно, люди предпочитают странный типаж. Слишком неинтересный и первое, на что они смотрят – тело и мускулатура. Не понимаю этой политики выбора, потому что из любого человека можно создать бодибилдера, или подарить анорексию. Девушки меня мало интересуют, а вот мужчины... Именно они должны стать главной изюминкой нашего мира. Они должны подняться быстро и безболезненно для всех, особенно для меня.

Прокручивая страницу, бегло просматриваю имена и количество сердечек под ними. Но никто не знает, что чем больше «лайков», тем вероятность остаться на просмотр второго тура снижается. Хочу самого худшего. Самого невостребованного. Хочу серого «мотылька», из которого вырастит невероятная «бабочка», которая принесёт нам миллиарды.

– Даже не сомневалась, – приподнимаю уголок губ, замечая в конце страницы и всего с двумя сердечками надоедливо, скучного и уже неприятного мне субъекта. Щёлкаю на его профиль. Хочется посмеяться, хотя не умею. Забыла, как это делается. Но всё же, сейчас издаю смешок от приторно глянцевого фотографий.

– Да он жив, как я посмотрю, – за спиной раздаётся голос Аарона. Тут же улыбка

пропадает, и я оборачиваюсь к мужчине, с интересом разглядывающего «мотылька».

– Я не слышала последних вопросов, Грир, – приподнимаю бровь, на что он цокает.

– Отдых. Две минуты. Что здесь интересного? Ты думаешь, он пройдёт? А неплох, – ближе склоняется к столу.

– Вряд ли пройдёт. Хотя уже видно, что второй тур его. Он лезет туда, куда не следует, – отвечая, возвращаюсь к монитору и прокручиваю страницу к описанию.

– Биография у него хреновая, но написано грамотно. Если он тебе не нравится, то удали его или дисквалифицируй. Причины, ты с лёгкостью найдёшь, – хмыкает Аарон.

– Здесь нет «нравится» или «не нравится». Здесь есть «потенциал» или «его отсутствие». И он указывает на свою популярность в «Инстаграм», но это вряд ли ему поможет. Две минуты прошли. Возвращайся к вопросам, а у меня сегодня посещение вечеринки «Коламбии». Поэтому не задерживай меня и себя, – закрываю страницу и поворачиваюсь к мужчине.

Недовольно отходит от меня и продолжает работу. Пока он монотонно бубнит, видимо, желая вывести меня из себя, проверяю остальные файлы, присланные на согласование. Мистер Роксборро готовится к отлёту, поэтому волноваться за его безопасность нет нужды. Наконец-то, Аарон заканчивает терроризировать меня и покидает мой кабинет.

Мне нужна минута, чтобы побыть в тишине с закрытыми глазами. Иногда виски скручивает от боли, но она обманчиво потухает, позволяя мне расслабиться. Хотя это запрещено. Необходимо всегда и за всем следить. Но в этих четырёх стенах я могу вздохнуть и мысленно проверить своё расписание на сегодня. За последнее время предпочитаю игнорировать приглашения, выбирая только необходимые. Каждая вечеринка для меня подобна аду. Не люблю шум, галдёж и требование улыбаться, общаться, когда этого совершенно не хочется. Но я выбрала именно этот путь. Если надо, значит, надо.

Ухожу из офиса, когда уже он опустел. Самая последняя, как обычно. Именно в вечернее время лучше всего работать, когда никто не дёргает. Можно сконцентрироваться на графиках и продумать следующие ходы. И это здание мне нравится больше ночью. Тихо. Никто не норовит дотронуться или же подойти ближе.

Путь домой и всё отработано по схеме. Арендованные украшения, подаренное модным домом платье, дизайнерские туфли и сумочка. Я не вызываю ни визажистов, ни стилистов. Сама. Так должно быть. Никого не впускать к себе, кроме подруги и её мужа, живущих двумя этажами ниже. Никто не имеет права нарушать мой мир в квартире. Кивая Элеонор, выхожу из пентхауса и направляюсь к парковке. Не употребляю алкоголь, поэтому нет причин заказывать шофёра.

Вечеринка компании «Коламбия Пикчерз» закрытая, только для таких как мы и минимального количества «бабочек», которыми хотят похвастаться агенты. Одни и те же лица, приглашающие влиться в разговор, но я прохожу мимо. Меня это не интересует. Я нахожусь здесь для другого. Должна понять, кто из этих людей может нам пригодиться. Но заведомо знаю, что трачу своё время зря. А это запрещено. Бокал с шампанским покоится в руке, когда остаиваюсь в углу огромного зала. Рассматриваю приглашённых, своих подчинённых, которые, замечая меня, нервно улыбаются и бегут. Не вызывает ничего такое отношение. Не волнует. Поэтому продолжая стоять там, где минимум света, ловлю компанию актёров, громко смеющихся недалеко от меня. Узнаю тех, кого мы когда-то обменяли. Усмехаюсь, понимая, что сделала всё верно. «Мотыльки» так и остались «мотыльками», даже миллионные вложения не помогают. Приятно. Авторы бестселлеров,

которых слишком много в наше время, пытаются распиарить свои книги. Скучно. Однообразно. Вечер знакомств.

Оставляю своё укрытие и прохожу к балкону, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Хотя влажность, удушливое газовое облако и высотка, на верхнем этаже которого проходит сей великий праздник, приносят скуку. И это тоже предсказуемо. После статей во всех журналах и газетах, про пятидесятилетие нашей корпорации, другие тоже решили последовать примеру и теперь пытаются перебить нашу популярность. Бессмысленно. Глупо.

– Прекрасный вид, не так ли?

Моргаю, проклиная себя за расслабление. Не заметила, как рядом появился кто-то ещё. Слабый ветерок доносит до меня приторно-сладкий аромат парфюма. Кривлю нос.

– Нет, не так, мотылёк. Шум от дорог. Панорама, которую можно лицезреть в любом мегаполисе, да и не только. Ничего особенного.

Сухо. Чётко. Резко.

Поворачиваюсь к мужчине, стоящему слишком близко ко мне, в арендованном костюме. Это я знаю наверняка. Модная щетина и лихорадочный блеск мутных глаз.

– Хотя, что ты можешь знать о других видах, не так ли? – Ехидно добавляя, решаю уйти, чтобы больше не встречаться с ним. «Мотылёк». Раздражающий. Преследующий меня.

– Это грубо, – прищуривается. Не волнует. Никто не смеет так со мной говорить, потому что именно от меня зависит его карьера. Очень наглый.

– Не испачкай пиджак, мотылёк, расплачиваться тебе нечем, – усмехаясь, оставляю его позади, направляясь к дверям.

– Миранда.

Шёпот. Долетает до меня за мгновение. Но на автомате продолжаю идти, а внутри образовывается яркая искра, обещающая сжечь. Не сейчас. Нет. Чёрт!

– Не надоело ли тебе использовать чужое имя?

Не имею понятия как, не сумела проконтролировать, но он уже перекрывает мне путь. Приходится резко остановиться и посмотреть в его глаза. Ненависть. Превосходство в своих знаниях о той жизни. «Он знает». Это слово проносится в голове, и я пытаюсь продолжать держаться. Не выдать себя. Запрещено.

– Мне жаль тебя, мотылёк, – без эмоций, только бы уйти от него поскорее. Подумать. Просчитать.

– Чтобы запомнить своё имя у тебя ушло двадцать девять лет. Но всё же, ты страдаешь амнезией или же употребляешь запрещённые препараты, которые вызывают иллюзорное восприятие мира. Советую пересмотреть значимость твоей персоны, но лучше обратись к специалистам.

Обороняюсь. Именно так. Выдаю острую речь, равномерно распределяя спокойствие по телу. Две секунды. Много.

– Ядовито, Миранда, но у меня для тебя есть предложение, – в его глазах вспыхивает огонёк азарта, а внутри меня, уже тихо. Привычно.

– Не интересуется, мотылёк. Ты, занимая слишком много моего времени, не приносишь с собой никакого результата. И вновь пугаешь имена. Проверься вместо того, чтобы выставлять свои скучные фотографии, не отличающие тебя от миллионов серой массы. Отойди, – не разрушаю зрительного контакта. Сломаю.

Приподнимает уголки губ, как шут, отскакивая от меня, указывает рукой на раздвижные двери. Приподнимая подбородок, делаю шаг. Накалённые иглы пронзают мой локоть,

не защищённый тканью платья. Пальцы. Его рука крепко удерживает меня. Слышу щелчок, оглушающий меня, вновь поворачивающий невидимый ключ, ведущий в пламя. Нет. Нельзя.

– Круэлла. Это имя тебе подходит больше всего. Мне плевать, что ты хочешь скрыть от своего любовника или же от других придурков. Но я знаю многое о тебе. Сенаторская дочка. И я хочу место. В корпорации. Не стой у меня на пути.

Губы слишком близко к моему уху. Слишком горячее дыхание. Оно растапливает оболочку. Покалывает всё тело. Шипы, которые удерживают сейчас сознание, становятся острее... больнее...

– Отпусти, – едва слышно произношу. Крепче обхватывает мой локоть.

– Я не причиняю тебе физической боли, Круэлла. Я лишь хочу своё место. Дай мне возможность идти. Если не получится, то забудешь обо мне, как и я о корпорации. У меня досье на тебя, и тебя посадят за лжесвидетельство о смерти. Тюремное заключение. И никто не поможет. Ты обманула всех, притворившись мёртвой. Политика нашей страны не одобряет такие шутки, бабочка. Она спалит тебя, если сгорю и я.

Втягиваю в себя с шумом воздух. Запрещено думать в критической ситуации. Потом. Сейчас же обезвредить. Убрать его. Подальше. Запереть дверь. Должна.

– Убери. От меня. Свою руку. Сделаю больно, – предупреждаю, потому что понимаю, насколько сейчас мои силы не равны с его. Но не боюсь. Бояться запрещено. Страшнее того, что находится в той комнате, закрытой моим разумом, ничего нет.

Пальцы разжимаются. А затем полностью освобождают меня из агонии ужасающего плена, едва не заточившего меня в свою дремоту и мрак.

– Шай...

Яркий свет после искусственного освещения на балконе сильно бьёт по глазам. Ослепляет, когда выхожу с террасы и, делая вид, как будто всё в порядке, киваю знакомым и направляюсь к выходу. В голове уже выстаиваются тысячи вопросов, ответы на которые предстоит найти этой ночью. Не оборачиваться. Чувствую, что он где-то рядом. Охотится на меня. Думает, поймал? Нет, «мотыльки» глупы, и не знают, насколько деньги, которые я имею, могут всё. Даже стереть людей с этой планеты и поселить на Венеру. И я сделаю это. Где-то просчиталась. Где-то упустила. Где-то ошиблась. Запрещено. Система даёт сбой. Искрит, пугает мои мысли, приходится крепче схватиться за руль «Ауди» и контролировать.

Как этот «мотылёк» получил доступ к закрытым файлам? Кто ему помог? Никто не в силах был это сотворить. У него нет таких знакомых. Проверить. Всё проверить. Рейден Броуд. Ты ввязался в опасную игру, и в ней нет правил.

– Шайди...

– Не сейчас, Элеонор, – бросаю ей в руки сумочку и, на ходу снимая туфли, оставляю позади себя.

– Милая, что случилось? – Обеспокоенно спрашивая, идёт за мной.

– Один мотылёк создаёт проблемы. Помогите мне снять платье. Быстро, – командуя, прокручивая в голове людей, которые сейчас могут быть полезны.

– Ты меня пугаешь. Такое настроение в последний раз означало довольно сильное падение бывшего помощника мистера Роксборро.

– Просочилась информация, Элеонор. Он знает. Миранду знает, – шепчу и ловлю испуганный взгляд тёмных глаз домработницы.

– Мать Божья, девочка моя...

– Не причитай, – обрывая, переступаю через платье и подхожу к постели, где ожидает

меня белый шёлковый халат.

– Я всё улажу. Сделай мне кофе и оставь, – устраиваюсь за компьютером и ожидаю, когда она ринется выполнять приказ.

Пока просыпается монитор, поднимаюсь и быстро подхожу к картине. Ещё не пришло время, но должна быть уверена – всё спокойно. Достаяю из сейфа мобильный и возвращаюсь к столу.

Открываю файл с паролями для прохождения идентификации и открываю федеральный сайт. Это незаконно. За это можно поплатиться. Не мне. Теперь я действительно заинтересовалась «мотыльком» под именем «Рейден Броуд». Настраиваю поиск по его фотографии, далее по имени и по счетам. Это займёт тридцать две минуты. И у меня есть время, чтобы смыть с себя его прикосновения. Ледяная вода, словно мягкий кокон для меня, она успокаивает, расслабляет и даёт возможность трезво мыслить.

Этот человек решительно настроен испортить столько лет моего труда. Забрать у меня смысл, который даёт дышать и жить. И ради него я готова на всё. Буквально на всё, даже оправдать своё звание. Готова. Меня не волнуют ничьи чувства. Меня волнует только одно – забрать своё.

Возвращаюсь к столу, расположенному рядом с балконной дверью. Душно. Влажно. Снимая полотенце, бросаю его на постель. Достаяю пульт от кондиционера и настраиваю на минимальную температуру. Пять минут и смогу думать.

Данные уже готовы и расположились в «Документах». Следующее, что делаю – вбиваю своё имя и прогоняю себя по базам. Я должна проверить снова.

Сейчас ловлю себя на мысли – слышу буквально всё. Как мягко ступает Элеонор и через девять секунд будет в моей спальне. Как крутятся винты от кондиционера на улице. Даже ощущаю нервозность домработницы, уже входящей в мою комнату. А вот в тот момент ничего. Почему? Где произошёл сбой, и по какой причине?

Элеонор ставит кофе и чашу со льдом рядом с мобильным. Щёлкаю на документы, где содержится информация, не обращаю внимания, как женщина перекачивает между пальцами кубики льда.

Быстро прохожусь взглядом по данным. Ничего особенного. Рос с матерью в Голливуде, начал работать с девятнадцати на агентство, которое я бы назвала «дном» и никогда не слышала о таком, вообще. Ничего не достиг. На счету – ноль. Хотя снимает довольно хорошую квартиру с высокой рентой. Не женат. В отношениях с некой Лорейн Дэйсмал.

Ледяные подушечки пальцев касаются моих кипящих висков и мягко массируют их. Закрываю глаза на секунду от блаженства. Элеонор одна из немногих, к чьим прикосновениям привыкла, и порой они необходимы мне, чтобы восстановить равновесие в теле, подаренное природой. Она со мной, с того момента, когда увидела меня. Благодаря Роксборо, она оставила место в частной клинике и посвятила своё время уходу за мной. И я хорошо оплачиваю её работу, потому что не представляю, как бы справлялась с днями, когда прошлое подавляет меня, когда пытается взять власть в свои ядовитые пальцы. Отравляет. Элеонор не позволяет. Никогда. И сейчас она точно знает, что мне необходимо.

– Что-нибудь интересное есть? – Интересуется она, и я распахиваю глаза.

– Ничего. Сейчас прогоним его подружку, – отзываюсь и отмечаю время. Ещё двенадцать минут и наступят секунды настоящего.

Массаж благоприятно сказывается на мне, пока программа ищет иные сведения. В это время открываю собственное досье.

– Чёрт. Чёрт возьми, – прищуриваюсь, когда взгляд цепляется за место рождения.

Эти данные были изменены мной. А сейчас же вновь стали теми, как и раньше.

Проклятый Вашингтон.

– Я ведь предупреждала их. Спокойно. Мирно. Но не поняли, – открываю почтовый ящик и нахожу человека, который хранит для меня информацию.

– Не переживай, всё будет хорошо, – мягко заверяет Элеонор, продолжая массировать теперь уже голову.

– Будет. Непременно будет. Не у них.

Меняю свой айпи-адрес, открывая почту, создаю новый аккаунт и печатаю всего несколько слов: *«Первое дело. В работе»*. Отправляя письмо, удаляю почтовый ящик.

– Достаточно. Прибери здесь, – дёргаю головой и поднимаюсь с кресла. Подхватываю мобильный и перехожу в другую спальню.

Никто не должен видеть меня в этот момент, даже Элеонор. Никто не должен знать, что умею жить всего пару минут. Никто.

Сообщение приходит ровно без пятнадцати двенадцать.

«Привет, я скучаю. Как прошёл твой день?»

«Привет. Скучный. Однообразный. С тобой всё хорошо?», – отвечаю я.

«Они планируют меня отправить в Европу. Они догадываются о тебе. Они прячут меня. Я не хожу на занятия», – закрываю на секунду глаза, понимая, что этот «мотылёк» создал проблемы не только мне.

«Не волнуйся. Всё хорошо. Я заберу тебя. Найду. Для меня это не составит труда. Потерпи немного»

«Знаю, Шай. Я люблю тебя и очень скучаю. Храню твой поцелуй»

«Молодец. Храни его, чтобы вернуть мне. До завтра»

«До завтра»

Сердце сдавливают. Тиски. Больно. Отвратительно. Горько. Моя бабочка. Мой смысл. Моя жизнь.

Рейден

Знаю, насколько плохо поступаю. Знаю, насколько дерьмовым кажется моё поведение. Но в этом мире это норма, а вот я пытался быть другим. Думал, получится. Ни черта. Ни капли не вышло. Чувствую, насколько происходит отторжение души и сердца от иной сущности, которая проснулась с появлением Круэллы. Это не я. Так бы не поступил Ден, а вот Рейден поступает. Поправляю бабочку, чтобы отправиться на вечеринку в честь Аарона Грира. И там будет она. Снова попытаюсь, ведь мой выпад не произвёл впечатления. Смогу ли предать слово, данное её матери, ради будущего? Не отвечу. Но внутри всё кипит оттого, что пятничный вечер не принёс мне заветное письмо в почтовом ящике. Я подал заявку и, конечно, не прошёл. Она не пустила. Я должен это сделать. Поймаю её, чего бы мне это ни стоило.

Джина обещала ждать меня у входа в закрытый клуб, где будет проходить торжество. Из-за премьеры его нового фильма, который распиарили очень качественно, как и его самого, ожидание превысило все рекорды. И это меня бесит. Да, я завидую. Очень. Я дерьмовый человек, потому что завидую.

Час угробил на то, чтобы доехать до места назначения, и ещё, кажется, столько же, чтобы найти место, где оставить машину. Всё забито. Буквально всё, поэтому приходится идти пешком ко входу, где дежурят папарацци и щёлкают каждого прибывшего. Взглядом нахожу Джину и пробираюсь к ней.

– Привет, отлично выглядишь, – она дотягивается до моей щеки и оставляет липкий поцелуй от помады.

– Привет, – когда отворачивается, быстро стираю рукой след.

Джина показывает приглашения, и нас пропускают. У входа уже встречают официанты с бокалами шампанского, качаю отрицательно головой, передавая спутнице фужер.

– Здесь ты уже без меня. Второй этаж танцы, третий банкет. Она там, скорее всего, как и Грир, – отпивая шипучий напиток, произносит она.

– Спасибо, – обхожу девушку и поднимаюсь по лестнице, отмечая, что сегодня присутствует более молодая популярная публика, чем на пятидесятилетия. Все, кто находился на страницах глянцевого журналов за последний год, ведущие ток-шоу, даже национальных каналов.

Второй этаж гремит от громкой музыки, и вряд ли Круэлла будет там, это точно. Она прячется, насколько я смог заметить, всегда пытается остаться в тени. Наблюдает своим ястребиным взглядом, и всем видом показывает, насколько присутствующие ей неприятны и неинтересны.

Зал, где расставлены высокие столики, и официанты разносят шампанское, вина и закуски, выполнен вновь в том же стиле, что и на прошедшем приёме. Цветы, строгие оттенки и публика более изысканная, нежели внизу. Замечаю самого Грира в классическом тёмно-шоколадном костюме, под цвет окрашенных в золото роз, расставленных на столиках.

Его окружают певцы и актёры, поздравляя с прорывом. Каждую минуту подходит кто-то ещё, а мне приходится отойти в сторону, чтобы наблюдать. Не быть пойманным Круэллой раньше, чем проверну то, за чем пришёл. Мне нужен теперь он. Один.

Довольно долго стою в тени, рассматривая публику и продолжая следить за звездой

вечера. Не нахожу Круэллу. Она должна быть здесь, но её время не пришло. Сначала он. Наконец-то, Гриру надоедает болтать с почитателями, и он отходит к барной стойке. Отталкиваясь от стены, направляюсь в ту же сторону.

– Привет, – дружелюбно произношу, поравнявшись с мужчиной.

– Привет, – натягивает улыбку и кивает.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Могу спросить совета? – Интересуюсь я, и он поворачивает ко мне голову.

– Конечно.

– Как ты с этим справляешься?

– Легко. Сначала популярность туманит разум, но...

– Нет, – издаю смешок, бросая взгляд на зал. – Я имел в виду иное. Как ты справляешься с присутствием на этой вечеринке твоей жены и твоей любовницы? Они, как я знаю, подруги, и это очень умно с твоей стороны обезопасить себя по всем фронтам. Но всё же, как живёшь с этим? Совесть не мучает?

Попадаю в цель. С шумом втягивает в себя воздух.

– Что ты только что сказал? – Шипит, теряя самообладание.

– Я не думал, что настолько популярный актёр, с которым работают именитые тренеры, глуховат. Но повторяю вопрос. Научи, как жить в ладах с совестью, когда ты поднимаешься через постель Круэллы, а затем решаешь жениться на её подруге? Практикуете шведскую семью?

– Ублюдок, – рычит, хватая меня за лацканы пиджака. Улыбаясь, спокойно смотрю на него и даже не делаю попыток освободиться.

– Ещё раз раскроешь рот, я тебя убью, понял.

– Не стоит мне угрожать, парень, тем более об этом все знают. Ты так напряжён, и так ярко пытаешься меня сожрать взглядом, что это смешно и глупо. Только подтверждает мои слова.

– Кто ты такой? Ты ни черта не знаешь. Не раскрывай свой рот на Шай и мою жену, – дёргает меня за пиджак. – Иначе...

– Аарон, – холодный голос появляется рядом. Но я смотрю в его каре-зелёные глаза, наполненные ненавистью.

– Аарон, у тебя речь через три минуты. Подготовься, – рука в чёрной перчатке дотрагивается до его плеча, и он отпускает меня.

– Убери его, иначе убью, – бросая злой приказ, мужчина обходит Круэллу и скрывается в толпе.

Поправляя пиджак, оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с тёмным взглядом. Пустым. Ледяным. Осуждающим.

– Молодец, Круэлла, спасла своего дружка от драки. Это довольно заботливо с твоей стороны, – усмехаясь, едко обращаюсь к ней.

– И что ты хочешь этим добиться, мотылёк?

– Ничего. Развлекаюсь, ведь для этого здесь собраны все, – мой взгляд скользит по обнажённой шее и чёрному платью из атласа, плотно облегающего фигуру и расклешённому книзу.

– Ты считаешь, что, раздражая людей, выберешься из болота и нулевых счетов? Вряд ли. Даже твой покровитель не поможет, как и милая дизайнерская студия его дочери. Очень

слабая и совершенно неинтересная.

Резко поднимаю голову. Она и моё дело подняла, как и Лорейн.

– Не смей...

– Ах, пошли угрозы. Отчего же? Это довольно равнозначно. Ты пытаешься создать проблемы моим подчинённым, и так просто я на это смотреть не собираюсь. Прежде, чем куда-то лезть, мотылёк, сначала вспомни, кем ты себя окружил. Если утонешь, утянешь всех за собой. Что для тебя важнее? Твоё желание быть среди нас или сохранить мирное существование своей подружки? Подумай, хотя вряд ли есть чем, но попытайся. Ничто в этом мире не останется безнаказанным.

– Слушай, не трогай её. Если хочешь, трогай меня, – прищуриваясь, шиплю и подхожу ближе к ней.

– Пачкать о тебя руки нет желания, как и видеть тебя. Ты надоедлив, и прими ещё один совет. Лучше исчезни, ты ведь знаешь обо мне. Так взвесь, что меня остановит не прихлопнуть тебя? Ничто. Ты никто и останешься никем в этом мире. Жаль, что природа одаривает такой большой головой и минимальным содержанием. Исчезни.

Разворачивается так резко, что её распущенные волосы бьют по моему лицу, обдавая тонким ароматом парфюма. Кривлюсь от понимания, насколько сам себя загнал в её лапы. Подставил Лорейн и, возможно, Маршала. Она сделала ход, теперь же должен добить. Окончательно.

Двигаюсь по залу, в поисках Круэллы, пока внутри всё кипит от злости. Женщина. Долбанная женщина вертит всеми, но не мной. Не позволю. Замечаю её, стоящую рядом со сценой, а вблизи неё блондинка, которая что-то ей рассказывает. Вот она. Мартина Грир. Это определённо она. Потому что Круэлла ей улыбается, кивает и отвечает. Последняя из моего списка, к кому должен подобраться. Раздаётся музыка и луч света падает на сцену, а зал погружается в полумрак. Круэлла отходит и поднимается вместе с Аароном. Блондинка проходит дальше и останавливается позади всех. Улыбаюсь и протискиваюсь к ней, пока на сцене произносит представительную речь Круэлла, а затем выходит Грир.

Равняюсь с девушкой и жду, когда свист и аплодисменты утихнут.

– Невероятно, – тихо произношу. Девушка с улыбкой оборачивается и смеётся.

– Да, он невероятен, и речь должна быть не менее яркой, – мягко отвечает она. Чёрт, она мне нравится. Потому что тепло рядом с ней, приятная, миловидная, с блестящими радостью серо-голубыми глазами.

– Я о другом. О Шайди Лоу.

– Да, и она невероятная, – смеётся, а я искренне ей улыбаюсь, не понимая, как эта девушка может иметь что-то общее с Круэллой.

– Рейден Брод. Можно просто Ден, – представляюсь я, протягивая руку.

– Мартина Грир, жена того невероятного, стоящего на сцене. И можно просто Тина, – она вкладывает свою руку в мою, и я, приподнимая её, оставляю поцелуй на коже.

– Это очень мило, – хихикает Мартина. – И ты очень милый. Мотылёк?

– Видимо, да, – отпуская её, киваю.

– Ты подавал заявку?

– Да.

– И как? Пришло сегодня письмо. Должны были всем отправить до начала вечеринки.

Отворачиваясь от сияющего добротой лица, поджимаю губы.

– Нет.

– Ох, мне жаль. Ты очень интересный парень и красивый. Думаю, найдёшь ещё себя, не переживай, – она искренне мне сочувствует, отчего становится паршиво.

– Я и не переживаю. Это, видимо, не моё. Скажи, а Шайди с кем-то встречается? – Натягиваю через силу улыбку и вновь смотрю на неё.

– Хм... у неё есть возлюбленный, – кривится от своих слов.

– Он здесь?

– Да, он всегда с ней. Она влюблена в свою работу. И даже мужчины у неё стоят ниже избранника, – продолжая хихикать, сообщает она.

– А-а-а, даже так. Здесь очень жарко, – кривлюсь, поправляя бабочку.

– Очень, дышать нечем.

– Не хочешь выйти на террасу или на улицу. Хотя бы немного глотнуть свежего воздуха, кажется, людей стало ещё больше, – предлагаю я.

– Очень. Мне в последнее время часто бывает плохо, и даже сейчас подташнивает. Здесь есть летняя веранда, вряд ли там есть кто-то. Все слушают моего мужа, – она потирает лоб, словно действительно чувствует себя плохо.

– Давай, выйдем, ты побледнела, – предлагаю ей руку, и она тут же соглашается. Слишком доверчива, и мне её жаль. Жаль, как человека, которого обманывают за его спиной. Если Аарон поднялся благодаря Круэлле, и сейчас она так за него волнуется, то и связь их, предполагаю, продолжается. Не хотел бы я, быть на её месте, и из-за этих мыслей вся злость испаряется, оставляя после себя отвратительный пепел.

Мы выходим на веранду, где на самом деле никого нет. Помогаю опуститься Тине в кресло и сам присаживаюсь рядом.

– Хорошо и тихо. Приходится ходить на эти мероприятия. Аарон слишком красив, чтобы оставлять его одного. Хотя я доверяю ему, но не доверяю женщинам, – тихо произносит спутница.

– Да, женщины бывают коварны. Но и мужчина, если любит, никогда не позволит себе подобной грязи и унижения, – сочувственно отвечаю.

– Поверь, иногда мужчина ничего не может сделать, если женщина поставила себе цель увести его. Любыми способами, а их множество, – усмехается Тина.

– У меня есть девушка, мы с ней очень долгое время вместе. Со школы и по сей день, и я ни разу не думал о том, чтобы изменить ей.

– Минуту, – она напрягается, а я мысленно хочу врезать себе. – Зачем тебе Шай? Чёрт, да ты хочешь пробиться к нам, поэтому ей интересовался.

– Да, прости. Хотел, но сейчас понял, что не моё это. Я не смогу вот так улыбаться, скрывая отвратительные тайны.

– Каждый что-то скрывает, ты не первый и не последний, преследующий её. Но это гиблое дело, Ден. Забудь. Таким способом не прорваться. Шай предпочитает результат, если увидит его, то можно на что-то рассчитывать, – девушка кладёт руку на моё плечо в знак поддержки.

– И вы дружите? Не понимаю как, если честно. Она такая... не особо приятная, грубая и высокомерная.

– Люди бывают разными. На работе они одни, а дома другие. Да, Шай несколько резковата, но она на работе. Всегда за всем следит и не допускает эксцессов. Никогда. Если берётся за дело, то оно проходит как по маслу. Но лучшей подруги не найти.

– Это вряд ли, – хмыкаю я.

– Тоже её ненавидишь. Не смущайся, это чувство она во многих вызывает и мне весело смотреть, как они горят. Интересно и захватывающе, – смеётся, убирая руку с моего плеча.

– А ты...

– Быстро отойди от моей жены, – рычание раздаётся от входной двери. Тина вздрагивает, а я тяжело вздыхаю.

– Тина, немедленно уйди отсюда. И я запрещаю тебе разговаривать с ним, – Аарон подлетает к нам и, резко хватая девушку за локоть, поднимает.

– Милый...

– Уходи отсюда, – зло шипит он ничего не понимающей супруге.

– Ты слишком близко всё принимаешь к сердцу, парень. Ей стало плохо, и я помог выйти сюда. Оберегал твою избранницу и болтал с ней. Ничего опасного, – поднимаюсь с диванчика.

– Закрой рот и убирайся отсюда. Убирайся с моей вечеринки...

– Аарон, – голос тихий, но настолько твёрдый, что неожиданно мурашки пробегают по спине.

– Хватит, Шай, я терпел это долго, – рычит он, отталкивая свою жену.

– Прекрати так себя вести, Аарон! Это невоспитанно и грубо по отношению к человеку, который помог мне, – вступается за меня Тина.

– Прежде, чем ты что-то ответишь, подумай о последствиях, – Круэлла спокойно подходит к нам, обращаясь к подопечному.

– Уведи отсюда Тину и сам позаботься о ней, а я всё улажу. Охрана вызвана. Уходи, – тоном, не терпящим возражений, произносит Круэлла. А я смотрю на эту троицу и не понимаю, откуда столько власти в ней. Как ей удаётся только одним голосом потушить зарождающуюся бурю.

– Сделай так, чтобы он нигде не нашёл место, – бросая просьбу ей, Аарон обхватывает за талию Тину и буквально тащит с веранды.

– А теперь слушай меня, мотылёк, и запоминай, – обращается ко мне, и я поворачиваю в её сторону голову. – Не подходи к Тине. Никогда. Увижу, прихлопну. Узнаю, тебе будет плохо, как и всем, кто тебя окружает. Я ясно выражаюсь?

– Тебе меня не запугать, Круэлла. И, к твоему сведению, эта девушка добра и отзывчива, чего в тебе не наблюдается, поэтому ей я не причинил бы вреда. Только помог. Потому что в моём мире люди именно так поступают. Помогают.

Сужает глаза, воинственно поднимая подбородок.

– Я тебя предупредила, дальше действую. Не провоцируй меня, действительно, возненавидеть тебя. Спроси у бывшего личного помощника мистера Роксборро, каково это, когда я кого-то ненавижу. Стираю с лица земли. То же будет с тобой, если тронешь Тину.

– Боишься, что она догадается о твоих тайнах? О том, что никакая ты не подруга, только шлюха, продающая места в компании взамен на ночь с тобой. Наверное, ты его тоже отравила. И мне жаль Аарона, ведь спать с такой как ты, отвратительно. И босс твой не лучше. Чем ты их берёшь, Круэлла? Слезливыми историями? Знают ли они о том, что вся твоя жизнь ложь? – Шиплю, придвигаясь к ней ещё ближе.

– В твоём незнании и узком мышлении есть своя прелесть. Ты смешон, мотылёк...

– Рейден. Запомни моё имя. Никакой я не мотылёк. Рейден.

– Мотылёк, всего лишь серый мотылёк, слишком близко подобранный к огню. Горишь ты, ещё немного и упадёшь. Я с удовольствием на это посмотрю, – шёпотом отвечает она.

И он странный, словно затягивает, действительно, в пламя. Голубое. Ледяное. Опасное.

– Ты противна. Настолько, что меня вырвет от аромата твоего парфюма. Смени его, хотя вряд ли тебе что-то поможет быть другой. Ты стерва, не думающая ни о ком, кроме себя. Тебе не жаль даже своих родителей, которые подарили тебе всё. Зачем ты так поступаешь? Почему прогнила? Наркотики до сих пор твоя отдушина? Или же ты психически нездорова?

– Это тебя не касается. Подумай о себе и своей подружке. Ей будет плохо, если маленькая дизайнерская студия прогорит, и даже папочка не поможет. Лети, потому что тебе придётся утешать её.

– Не трогай Лорейн. Не смей, – рычу от злости и страха, хватая её за локти, обтянутые перчатками.

– Ты веселишь меня, мотылёк. Но время ушло.

– Сука, если хоть что-то сделаешь с её бизнесом, я продам всем, кому можно и нельзя твою жизнь, поняла? Я раздавлю тебя и мне плевать на то, что будет потом. Эгоистичная. Самовлюблённая дрянь!

– Ты плюёшься, не оставляй своё ДНК на мне. И ты прикасаешься ко мне. Ещё минута, а затем прощай. Не попадайся на глаза в этом амплуа. Хочешь работать, лети, – вырывает свои руки из моих и отходит на шаг, с отвращением осматривая меня, как и я её.

– У тебя нет души, и мне тебя жаль. Хоть ты и не заслуживаешь жалости, но я испытываю её к тебе. Ты никто. Игрушка, над которой будут смеяться. Ты предала всё, что могло бы помочь тебе стать человеком. А ты лишь насекомое. Бабочка, искусственно выращенная, созданная для отравления людей. И у меня нет желания работать в этой корпорации, потому что ей правит человек, который променял семью на бывшую наркоманку. Ты строга с людьми, унижаешь их, убиваешь веру, потому что в тебе ничего нет. Только пустота. И ты сгниёшь в ней одна. Никто не захочет быть рядом, когда ты будешь падать сама. Все бросят, даже твои любовники. Я желаю тебе именно этого, – с ненавистью произношу.

И должны ведь тронуть её мои слова, в которые вложил всё, что чувствую сейчас. Ничего. Приподнимает уголок губ и поворачивает голову в сторону дверей. Хочется ударить её, чтобы получить хоть какие-то эмоции. Это раздражает, заставляет гнев кипеть внутри сильнее. И я бы, наверное, рискнул, если бы не появившиеся в дверях мужчины из охраны.

– Убрать это, – указывает взглядом на меня.

– Рейден, мать твою! Запомни моё имя, потому что я стану твоим адом. Не трогай меня, сам свалю из этого притона, – отмахиваюсь от мужчин и быстрым шагом вылетаю с террасы.

Меня трясёт внутри, потому что вновь меня унизили. Морально. Неприятно и больно. Не могу контролировать ничего, потому что закончилось терпение. Всё пришло к отметке ноль, и я гоню по улицам, чтобы быстрее добраться до дома. Она ведь и, правда, может навредить Лорейн, хотя последняя меня открыто игнорирует и обижается из-за отказа прилететь, но всё же. Я люблю её и не позволю больше себе такого.

– Не я это! – Вскрикиваю в тихой квартире, сжимая пальцами волосы.

Не понимаю, что со мной творится. Не знаю, как, вообще, додумался тягаться с ней. Проиграл. Всё проиграл и не напугал. А вот мне теперь страшно, потому что подвёл ту, ради которой это всё и затеял. Подвёл многих. Лорейн. Маму. Себя. Гадко. От самого себя гадко и хочется отмыться, словно от этой встречи с ней стал грязным. Надо прекратить это, необходимо удалить всё об этой суке. Забыть о ней и пытаться в другом месте.

Уверенно сев на стул, щёлкаю мышкой и открываю почту. Сердце на мгновение

замирает, когда вижу единственное письмо, не прочитанное и пришедшее в семь часов вечера. Я вышел за пять минут до этого, и оно появилось. Не веря собственным глазам, щёлкаю на него.

«Уважаемый, Рейден Бруд. Мы рады сообщить вам, что вы прошли онлайн-просмотр, и приглашены на пробы первого мая. Они состоятся во втором корпусе главного офиса «Роксборро Интерпрайзис» с 10.00—20.00. Более подробное описание требований, адрес и ваш пропуск содержатся в прикрепленном файле. Поздравляем и желаем удачи.

С наилучшими пожеланиями, Триша Стейн, менеджер по подбору персонала».

Не знаю, сколько требовалось раз перечитать это, кажется, сотни тысяч, чтобы поверить в происходящее. Чувствовать что-то нет возможности, потому что разум словно затуманен и не желает думать рационально. Одно слово: «*прошёл*», — и весь мир переворачивается вокруг меня. Не понимаю... не осознаю пока, что жизнь теперь, возможно, изменится. Шоковое состояние, не поддающееся контролю и заставляющее вспоминать именно те моменты, где участвовала Круэлла.

– Почему? – Шёпот срывается с губ, и я откидываюсь на спинку стула, запуская руку в волосы.

Да, я это требовал. Хотел. Желал. Бился. Но, по идее, она должна была сожрать меня, отстранить, да, возможно, прибить. А я прошёл... чёрт возьми, прошёл первый тур, когда я не набрал даже сотню сердечек. Как? Почему? Для чего?

Кажется, я где-то ошибся.

Рейден

Ладони покрывает липкий пот. Потираю их, пытаюсь сосредоточиться. Ни черта не выходит. Нервничаю. В жизни так не волновался, а сколько предстоит ещё.

Раздаётся шум открываемой двери, и гул в огромном зале, где собрали моделей после третьего просмотра в корпорацию «Роксборро Интерпрайзис», стихает. Четверо судей. Самые именитые. Ведущий дизайнер. Подиумный тренер. Фото постановщик. Менеджер по подбору персонала. Я их видел уже раз, когда неожиданно для себя прошёл отбор по анкете. Ведь после той стычки с Круэллой прошло два дня, и я предполагал, что мне дорога закрыта. Ошибся. Мне удалось пройти второй и сейчас предстояло узнать о результатах третьего.

Неделя нервов, двух споров с Лорейн, просьб матери, каждодневных тренировок, ожидания ответного удара от Круэллы, и я вымотан. Морально выжат, и теперь смотрю на людей, раскладывающих папки в две стопки, безэмоционально. У меня не было времени, чтобы сходить ещё куда-то, где должна появиться она. Но, возможно, это к лучшему, потому что она, ни словом, ни жестами, ни мимикой, ничем не дала мне понять, что я задел её. Напугал. Но я удалил всю информацию на неё, потому что другой. Не умею так жить. Не моё это. Я действительно поступил как подонок и жалею об этом. Сейчас понимаю, насколько глупо выглядел. Не имел права травить Аарона, который всего лишь поднялся так, как сумел. Никто не виноват в моих ошибках и падении. Только я. И странное, совершенно неожиданное разрешение мне идти дальше в корпорации, которой правит она, ставит в тупик. Непонимание для чего это делает. Ведь точно уверен, что она знает – я здесь. Прохожу отбор и рядом с ней. Почему, чёрт возьми?

– Итак, третий этап подошёл к концу, – мои мысли перебивает мужской голос и я, моргая, концентрирую взгляд на говорящем.

– Мы отобрали тридцать человек из ста двадцати присутствующих. В папках для вас лежит пропуск. Он именной. Финальный просмотр состоится пятнадцатого мая. Начнётся в восемь утра. Мы говорим тем, кто прошёл, «до скорого». А тем, у кого не получилось в этот раз, пробуйте ещё. Множество агентств вас с удовольствием примут в свою команду.

Иными словами, он послал всех, кто не получит заветный пропуск, искать другую работу. Совершенно отличную от шоу-бизнеса. Никто не двигается, пока команда не выходит за дверь. В секунду начинается настоящий ад.

Если многие думают, что модели или начинающие актёры, вежливы, то разочарую их. Нет. Они вышвыривают папки, бросая их за свою спину, образуя на полу мусор из порванных кадров. Где-то слышится плач девушек, кто-то свистит, а я стою и наблюдаю за этим. На самом деле крайне отвратительно видеть, насколько люди, разочаровываясь и злясь из-за своего проигрыша, желают нагадить другому, более успешному. Да, раньше я тоже не отличался спокойствием, но с годами и слишком частыми отказами привык ждать, когда волна негодования или счастья утихнет. И только тогда подойти к столу. На нём уже ничего нет, приходится присесть на корточки и искать на полу. Мне неприятно обесценивание работы других людей, когда по кадрам, и довольно хорошим, ходят или же, их рвут. Под завалами мусора первое, что нахожу, пластиковую карточку с моей фотографией. Оказывается, я даже не дышал, пока пытался откопать своё портфолио. Но то, что держу

в руках, означает – прошёл. Чёрт, я прошёл дальше. Ощущение счастья, наполняет до отказа грудь, и хочется прыгать, как мальчику. Наконец-то. Хотя до финального добрался, это очень хорошо. Это прекрасно! Не передать словами насколько это значимо для меня.

Откапываю свои фотографии и папку и складываю всё на место. Отвратительное отношение, но это лишь цветочки. Этот мир изгажен и жесток. Здесь нельзя быть милым или добрым. А меня воспитали иначе. Лучше бы рос на улице, а не в лучших заведениях. Лучше бы учился быть грубым, злым, и наглым мерзавцем, чем с жалостью смотреть на ребят, которые теряют надежду. Я был на их месте и проходил этот момент, когда хочется сгореть от стыда или бежать. Но брал себя в руки и шёл дальше.

И сегодня есть повод выпить баночку пива, валяясь на постели и ничего не делая. Завтра мне необходимо встретить Лорейн, после долгих споров и моих ультиматумов, она согласилась вернуться. На самом деле я не понимаю, когда упустил то время, означающее крах наших отношений. Работал слишком много для её блага, а вышло – не уделяю времени. Но мне остался последний просмотр, я не знаю, сколько они готовы дать мест нам, поэтому волнуясь. Чёрт, да я умираю от страха, что откажут. Возможно, именно так решила Круэлла. Позволить мне дойти до конца и не дать сделать последний шаг. Как обычно. И это угнетает, заставляет жалеть себя и, в то же время работать ещё упорнее.

Засыпать одному непривычно, некого обнять или же с кем-то просто помолчать. Иногда молчать с тем, кто тебе дорог, намного ценнее, чем пустые разговоры. А просыпаться по будильнику и начинать наскоро прибирать квартиру ещё ужаснее. Голова неприятно болит от мыслей, которые крутились всю ночь. Выскочить из здания и нестись к машине, чтобы успеть купить цветы и встретить Лорейн.

Конечно, я полный неудачник. Дороги загружены, и я опаздываю. Дерьмо. Мне предстоит очередная ссора и крики. Придётся придумать правдоподобное объяснение, потому что уборка квартиры не сойдёт. Сослаться на мать или же придумать ещё что-то.

Звонок телефона раздаётся так громко, перекрывая радио, отчего, закрывая глаза, кривлюсь и мечусь между «ответить» или «не ответить». Ведь знаю наверняка, что это Лорейн. А я и так на взводе. Нехотя я достаю мобильный, и удивлённо смотрю на незнакомый номер. Вроде я его уже видел, за последние три дня он был в пропущенных.

– Да, – отвечая, ставлю на громкую связь.

– Наконец-то. Это Рейден Бруд? – Приглушённо звучит девичий голос.

– Да, это я, – медленно произношу и надавливаю на газ, чтобы продвинуться на пару метров вперёд.

– Я звонила... но хоть сегодня. Моё имя Скай. Скайлер. Я...

– Ты сестра Круэллы, – шокировано перебиваю её.

– Кого? Нет, Шай. Я младшая сестра Шайди Лоу, – поправляет меня.

– Хм, так, – совершенно не понимаю, зачем она звонит мне.

– Мама... папа... в общем, мне нужна помощь. Я нашла твой номер и адрес в урне. Собрала разорванные листы, и я отослала на твоё имя пакет для Шай. Передай ей. Меня отправляют в Швейцарию. Прошу тебя, передай ей и скажи, что они забирают меня, – дрожь голоса девушки, а я хмурюсь.

– Прости, Скайлер, но это не моё дело. И тебе лучше быть с родителями.

– Нет! Нет, пожалуйста, передай ей. Я слышала, как мама говорила, что ты знаешь о нас. И о ней... обо всём... и ты... обещал никому не рассказывать, – всхлипы наполняют мой слух. Не люблю, когда женщины плачут, наверное, это моя слабость.

– Скайлер, послушай. Тебе следует...

– Нет! Они её ненавидят! А я люблю! Люблю её и храню поцелуй! – Истерически кричит она.

– Ну после того, что она сделала, я бы тоже ненавидел. Твои родители пытались ей помочь, а она отплатила им воровством ваших вещей. Скайлер, это не моё дело...

– Она ничего не крада! Ничего! Я была маленькая, но всё помню! – Перебивает меня.

– Твоя мама сказала, что Шайди была в психиатрической клинике и затем сбежала, обокрала вас и угрожала убить тебя, – медленно произношу я.

– Не было такого, это всё ложь. Ложь, которой они прикрываются. Я не знаю, не всё помню, но она никогда не желала мне смерти. Ты не друг ей, да?

– Хм... я... просто знакомый. Говорю же, я не тот, кто должен говорить с тобой.

– Просто знакомый, который до сих пор не продал информацию? Значит, ты не просто знакомый. Именно ты мне и нужен. Так вот, я передала пакет на твоё имя, – уверенно произносит девушка, а я ловлю себя на мысли, что наглости ей не занимать, да и сталь в голосе явно напоминает Круэллу.

– Слушай, я не собираюсь помогать человеку, который хотел убить ребёнка, – вздыхая, выглядываю из окна машины, чтобы проверить, как далеко ушла пробка.

– Ложь! Я же сказала, что это ложь! Шай никогда бы мне не причина боли! И эти похороны, так противно... отвратительно. Я помню их. Помню, как они плакали. Всё ложь! Последний раз я видела её, когда она желала мне спокойной ночи и поцеловала ладонь. Она всегда так делала, сколько себя помню. Родителям было плевать на нас, а она растила меня. Заботилась, одевала, учила, и взяла с меня обещание, что я буду хранить поцелуй и верну его ей. Это было нашей связью. И я это делала каждое утро за завтраком. А в тот день она не вернулась. Пропала. Они забрали её... а потом взялись за меня. Они...

– Скайлер, не плачь. Сейчас я ничего не понимаю, – кривясь из-за громких всхлипов в телефонной трубке, стараюсь не отстать, двигаясь по шоссе.

– Это они всё, они что-то сделали с ней. Полтора года назад ей удалось передать мне телефон, и мы общаемся каждый день ровно в одиннадцать сорок пять по вашему времени, ночью. Я не сплю и жду, чтобы отправить сообщение Шай, а она мне. Если пишу, значит, всё со мной хорошо. Но там не будет работать телефон. А я... она не должна волноваться за меня. Не говори родителям об этом, прошу. Ты же хороший, а мама боится, как и папа. Они запрещают мне выходить на улицу, только с охраной. Они говорят про Шай плохие вещи. Но я всё помню. Однажды пришёл какой-то мужчина весь в крови и сказал, что он возвращает её. Разрывает с ними договор, и Шай пропала. Я подслушивала и плакала. А потом... потом... позвонил ты и сказал им, что она жива. Они знают, они хотят ей причинить вред. Защити её, пожалуйста. Она добрая и хорошая, только я её люблю. И передай ей от меня пакет. Пожалуйста. Прошу тебя, – умоляюще скулит девушка.

– Чёрт, ладно. Передам. Но...

– Мне надо идти, иначе они узнают. Будь осторожен, – раздаются гудки, а я сижу с открытым ртом.

– В какое дерьмо я влип? – Шепчу я, бросая мобильный на сиденье.

Если Скайлер не врёт, а у неё нет причины делать это, то мать Шай меня обманула. Для чего? И не верю я в доброту Круэллы. Она другая, злая и грубая, неприятная и не могу поймать ни одной мысли, чтобы составить нормальный анализ разговора. Но у меня есть новый шанс продолжить свой путь к вершине.

Вспоминаю слова девочки и не могу представить, чтобы Шай так заботилась о ком-то, да ещё и поцелуй. Это мило и никак не состыковывается с образом Круэллы. И в противовес разговору с Тиной. А если я был неправ? Если у неё были причины убежать и теперь пытаться забрать Скай? Чёрт, это не моё дело. Я всё удалил и не хочу участвовать в чужой судьбе.

У каждого из нас свои секреты, никто не может жить без них. Даже я. Теперь же моё поведение и слова, сказанные Шай, кажутся мне ещё отвратительнее, чем раньше. И что это за мужчина? Почему в крови?

– Не твоё это дело. Не думай о ней. Не думай. Она твой враг, – наставляю себя. Но никак не избавиться от мыслей. Они всё равно появляются, воспроизводят картинки, прокручивают прошлое и приводят меня в гадкое настроение. Что я, вообще, знаю о ней? Изменила имя, странное прошлое, никаких друзей, кроме, Мартины Грир, холод и отчуждённость, любовная связь с Роксборро, власть и сила. Именно та жизнь её вызывает множество вопросов, на которые, по сути, не имею права. Меня не должно это волновать, я поступил нечестно. И вынудил её защищаться. Зачем ей сестра? Любит ли она её? Или же, только чтобы досадить родителям? И почему они её ненавидят, а если все слова, сказанные миссис Лоусон-Кей, ложь?

В подавленном и тяжёлом настроении паркую машину на автостоянке в аэропорту, подхватываю букет роз и направляюсь в зал ожидания. Уверен, что Лорейн уже там. Её самолёт сел полтора часа назад. Не знаю почему, но сейчас мне бы остаться одному и подумать, как быть дальше. А не нестись сломя голову по залу, расталкивая людей, в поисках своей девушки. Для меня лишние в данную минуту споры и крики, но без них, видимо, не обойтись.

Замечаю Лорейн, сидящую на диване у окна, и медленно подхожу к ней.

– Привет, прости, пробки. Я рад тебя видеть дома, – улыбаясь, присаживаюсь перед ней на корточки и кладу на её колени букет.

Поджимая губы, обиженно смотрит на меня.

– Лорейн, я спешил, как мог. Пойдём, – выпрямляясь, беру в руки её два больших чемодана.

– Я не хочу с тобой говорить, – заявляет она, подскакивая с места, и огибает меня. Цветы остаются на диванчике, а я плетусь за ней. И даже мысли о том, что меня ожидает дома, не перекрывают иных. О Круэлле. О том, как поправить положение, возможно, извиниться, потому что, интуиция подсказывает мне, не может ребёнок меня обманывать. Значит, это я ошибся, посчитав, что имею право судить человека по внешней оболочке и отношению к людям. Но у меня тоже есть оправдание. Никакого...

– Ты можешь быстрее? Я устала. Хочу принять душ. Провоняла всеми этими туристами, – зло шипит Лорейн и забирается в «Тойоту».

– Ден, я так скучала по тебе. Ден, какие красивые цветы, но забыла их из-за эмоций в аэропорту. Ден, я рада видеть тебя, – бубня себе под нос желаемые фразы, укладываю её один чемодан в багажник, а другой на заднее сиденье, очищая его от одежды и каких-то бумаг. Надо будет прибраться в салоне, но времени нет.

– Папа дал мне денег, теперь я от тебя не завишу и буду питаться в ресторанах, – резко произносит девушка, когда забираюсь на своё место.

– Как хочешь. И да, я прошёл три тура у «Рокси», – кривлюсь, передразнивая самого себя.

– Что? – Шепчет Лорейн, а я надавливаю на газ.

– То, что слышала. Могла бы поинтересоваться, как мои дела. Это эгоистично, Лорейн, так себя вести. Ты бросила меня, развлекалась и неизвестно с кем проводила там время, – отчитываю её.

– Ах, ты урод! – Вскрикивает она и ударяет по плечу. – Надо было изменить тебе! Может быть, тогда бы вспомнила, что такое секс! Ты же у меня импотент!

– Я не импотент, – возмущаясь, бросаю на неё злой взгляд.

– А с кем трахаешься? Мама говорит, что мужчина не может без секса! А ты мог целый месяц! Лжец! – Визжит она.

– Господи, – закатываю глаза, понимая, что это очередная атака на меня, излюбленный способ моей девушки. Нужно замолчать и просто не спорить.

– Да? Было? Кто она?

– Правая рука. Сойдёт за ответ? – Ехидно произношу.

– Придурок.

– Истеричка, – фыркая, сильнее надавливаю на педаль газа.

– Я теперь в городе и только попробуй кого-то привести или ещё что-то. Ты обещал мне свадьбу. И ещё...

Хочется отключить сознание, потому что забыл, как устаю, когда она кричит. Скучал по ней, но не по этому. Хочу тишины, нашей тишины, чтобы поболтать, улыбнуться, хоть какой-то прохлады, а не кипящего масла. Она даже не слышит меня, и придётся снова прятаться где-то. Как было полгода назад. Тогда у Лорейн был приступ ревности, и она следила за мной, кричала, проверяла одежду на наличие женских волос, даже нюхала её. Бред. Ненавижу, когда она так делает. Это недоверие ужасно надоедает. Разве половины жизни, проведённой вместе с ней, недостаточно, чтобы доказать – чист я. Не такой я, чтобы изменять. Не моё. Но нет, всю дорогу до дома Лорейн продолжает ставить мне нелепые условия и требовать другой жизни, расписывать наш график и совместного времяпровождения. Она даже не поздравила меня! Это обидно. Чертовски обидно понимать, что ей плевать на то, что я чувствую. Как волнуюсь и переживаю. И так всегда было, а я сносил, потому что любил. Замкнутый круг. И я не выберусь.

Шайди

Глубокий вдох. Необходимо привести мысли в норму. Всё получится. Люди любят деньги больше, чем безопасность своих подчинённых. Несколько купюр и у меня есть свои каналы в Женеве. Дожить до вечера и узнать, получилось ли. Если нет, то они не представляют, что будет, когда разозлюсь или же, меня подставят. Всего тринадцать часов и сорок пять минут до заветного времени. Вытерплю.

Открываю глаза и выхожу из машины. Воскресенье, сегодня работаю. Финальный просмотр, на котором буду присутствовать. Последние дни были выматывающими: разговоры и помощь Роксборро, его отъезд, предоставленный личный самолёт, всего три часа в Европе. Упустила тот момент, когда должна была следить за избранными. Ничего. Сегодня увижу. Сама оценю, и всё закончится.

Прохожу через основное здание во второй корпус, где у нас располагаются залы для тренировок, просмотров, конференций и самых важных фотосъёмок. Десять утра. И я вхожу в большую комнату с подготовленным оборудованием и коллегами.

– Мисс Лоу? – Первой замечает Триша, работающая в отделе набора персонала.

– Доброе утро. Вы опаздываете. Уже начало одиннадцатого, – без предисловий прохожу к длинному столу и опускаюсь на центральный стул.

– Всего на минуту, Шай. Ты сегодня с нами? – Хмыкает Али, один из руководителей отдела тренировочных занятий.

– Где Бейлей? – Протягиваю руку, чтобы в неё вложили список тех, кто прошёл.

– Хм, его нет. Мы только отбирали...

– Вызвать. Нам нужна не только красивая картинка, но и качество. Поэтому вызывай его. Живо. Начинаем, – бросаю взгляд на Старлу, отвечающую за дизайнеров, которые работают с нами и одевают «бабочек». Она чётко умеет оценивать то, на что купится публика. Она выбирает всё самое вкусное, поэтому я назначила её ответственной за выбор.

– Сейчас, напишу ему, – тихо произносит Триша, опускаясь рядом со мной.

– Все по местам, – команду участникам просмотра. А это осветители, помощники фотографа, провожающие и наши аналитики, стоящие по периметру комнаты и наблюдающие сам процесс.

Пробегаюсь глазами по списку, и взгляд задерживается на имени «Рейден Броуд». Прошёл? Надо же. Что ж посмотрим, насколько стальные у него яйца.

Передо мной ставят пустой бокал и бутылку воды, как и перед каждым судьёй.

– Время, – напоминаю, откидываясь на спинку стула и откладывая лист.

– Поехали и выйдем отсюда живыми, – бубнит Али, располагаясь по другую сторону от меня.

Девушки меня мало интересуют, на них смотрю без интереса, а вот женская половина прогоняет их по полной. Конкуренция всегда была и будет. Особенно если женщины чем-то в себе недовольны, а здесь будущая звезда с идеальными параметрами. Представляя каждую новую модель и актёра, передо мной кладут папку с досье и фотографиями, достижениями. Мне хватает только двух кадров, чтобы всё понять.

Когда мы заканчиваем с пятым кандидатом, в зал врывается наш глава отдела кинематографа.

– Шай, я здесь, – запыхавшись, произносит мужчина с растрёпанными тёмными волосами, поправляя сумку с несколькими видами сценариев.

– Продолжаем, тем более ты ничего не упустил, – глазами показываю, чтобы ему поставили стул.

– Все помнят кодовые слова? – Спрашиваю, когда мне передают новую папку.

– Да, конечно. С тобой, вообще, сложно что-то забыть, – смеётся Али. Но как только поворачиваю к нему голову, его улыбка потухает. Они все напряжены, потому что до этого я не присутствовала ни на одном отборе. Никогда. А сейчас кожей чувствую, как они нервничают, наверное, больше чем испытуемые. И это мне нравится. Нравится то, что они боятся оступиться, иного я не желаю. Хочу выжать максимум из самого минимума.

Ещё семеро проходят через нас и объявляют обед. Ничего стоящего. Разочарована и остаюсь одна, когда команда расходится на тридцать минут, чтобы перекусить. А мне бы кофе. Виски неприятно давит, и это плохо. Комната пуста, и я бы не давала им даже поесть, чтобы побыстрее закончить. Только бы занять разум, который думает о другом. Приходится выйти самой в шумный зал, где располагаются конкурсанты. Пока прохожу, они затихают, взглядом быстро и чётко оцениваю каждого. Двое. Из тех, кто меня заинтересовал бы, только двое. Один с тёмно-рыжими волосами и мягкой улыбкой, даже испуганной, но в отличной физической форме и искрой, которая ощущается даже с такого расстояния. Другой же его противоположность. Тёмные волосы и глаза, наглый взгляд, скользкий, обещающий все блага мира. Коммерция. С него можно получить неплохие деньги. И это смешит. Подхожу к автомату с кофе и выбираю обычный. Без добавок. Замираю на секунду, немного поворачивая голову и рассматривая вновь присутствующих. «Мотылька» нет. А уже два часа дня. Струсил? Вряд ли. Он же так рвался сюда, угрожал, дотрагивался до меня. Не пришёл. Но меня это не должно волновать, только кофе, который поможет мне дожить до ночи.

Возвращаюсь в полной тишине обратно, замечая, что кое-кто вернулся. Ставлю кофе на столик и подхожу к мужчинам, отбирающим кадры для финального выбора.

– Открой мне последние просмотры по популярности, – произношу, стоя за их спинами.

– Секунду, мисс Лоу.

Сворачивают рабочий процесс и открывают браузер, позволяя мне сейчас увидеть, кто стал фаворитом нашей онлайн-трансляции.

– Подожди, – склоняюсь ниже, перехватывая у парня мышку, и навожу на видео. Щёлкаю по нему и выпрямляюсь. «Мотылёк». Свободнодвижущийся, спокойный, словно не волнует его итог.

– О, этого парня любят, – сообщают мне.

– За что? Что в нём нашли? – Разворачиваясь, иду к столу.

– Внешность и его улыбка. Много комментариев по поводу того, что он несёт в себе праздник, и с ним бы многие не прочь провести остаток жизни, – летит мне в спину.

– Рейтинг? – Отпиваю кофе.

– Второе место, после «чёрного ворона», такую кличку ему дали. У него комментарии более интимного характера и на одну ночь.

– Работайте. Не ретушировать, – подхожу к окну, для того чтобы побыть одной.

Праздник. Я не заметила в этом «мотыльке» данного свойства. Только проблемы, которые он несёт с собой. Наглый. Но его наглость иная. Скрытая. Он играет по тем правилам, которые интуитивно чувствует в сопернике. А со мной бороться бесполезно. Меня это не волнует. Даже не трогает то, что он знает и может использовать против меня. Бойтсся.

Когда у тебя есть кто-то, ты ощущаешь опасность, и она убивает. Запрещено что-то чувствовать. Лишнее. Утягивающее вниз. Заковывающее в обжигающую сталь и ограничивающее движение. Запрещено. Только две минуты и не больше. Только на это время можно себе позволить, а потом запретить. Закрыть дверь и вернуться.

За спиной раздаются голоса, возвращающихся с обеда людей. Оборачиваюсь и подхожу к столу.

– Готовы? – Спрашивая, сажусь на стул и отставляю так и недопитый стаканчик с кофе.

– Да, давайте уже закончим, – Али устало потягивается и плюхается рядом со мной.

Мой кивок означает, что немедленно следует начать. И снова по старой схеме. Представление, каверзные вопросы на реакцию и самообладание, далее фото и крест. Ещё десять, а мне настолько скучно, что хочется кричать на тех, кто отобрал их. Это катастрофа. Это провал. Мне передают папку двадцать пятого участника, с кличкой «чёрный ворон», и я ожидаю чего-то необычного. Яркого, чтобы задохнуться в этом. Пустота. Смотрю на мужчину, пытающегося покорить весь женский пол, и качаю головой, возвращаясь к изучению следующей анкеты. Меня не интересует явная коммерция, я сама могу её сотворить из пустоты. Мне требуется потенциал, огромный потенциал, который кто-то пропустил.

– Добрый вечер, – после ещё двух произносит мягкий и довольно располагающий мужчина, которого я заметила в комнате ожидания. Поднимаю голову, рассматривая его. Требуется всего пару секунд, чтобы принять решение.

– А как вы...

– Полёт. Хочу увидеть полёт, – перебивая Тришу, чётко произношу я.

– Наконец-то, – смеётся Бейлей и подсакивает со стула. «Мотылёк» явно не понимает, что происходит. Его жёлто-карие глаза бегают по присутствующим.

– Мягкий. Воздушный. Лёгкий, – смотрю на Бейлей, и он кивает, понимая, что ему отведена роль романтика. Именно вот такого, приятного, располагающего к себе, доброго, отзывчивого, любящего животных и помогающего всем нуждающимся. «Мир во всём мире», – его лозунг.

Пока «мотылька» переводят в зону, где дадут сценарий, и объяснят, что необходимо ему показать, мы приступаем к двадцать девятому, и как сообщают, последнему. Не пришёл. Не должна думать о причинах, побудивших этого наглого «мотылька» отступить.

Отказ, это будет отказ, потому что девушка настолько перенервничала, что её вырвало прямо перед нами. Нет стержня. Не вытерпит. Сломается. Остаётся последнее – просмотр роли, которую дали для заинтересовавшего меня «мотылька». Я только слушаю, не смотрю. Тембр многое значит, умение им пользоваться и заставить прочувствовать его эмоции, даже не наблюдая за действием.

– Спасибо, – поднимаю голову, и его уводят.

– Ну что ж, теперь...

Не успевает Али договорить, как дверь с грохотом распаивается и влетает «мотылёк». Медленно поворачиваю голову, встречаясь с приоткрытыми губами, из которых вырывается шумное дыхание.

– Простите... я... не опаздываю. Могу ли... – замирает на секунду, осознавая, что я смотрю на него и присутствую именно сегодня. Сглатывает, а затем натягивает улыбку.

– Просмотр закончился. Сейчас восемь часов и три минуты, – сухо произношу я.

– Да, я знаю, мисс Лоу. Но я бы хотел попробовать, если у вас найдётся время для меня.

Пожалуйста, – довольно громко говорит. Замечаю, как его ладонь крепче сжимает спортивную сумку, а грудь под белой футболкой чаще вздымается.

Все взгляды прикованы ко мне, они ждут моего слова. В моих руках – дать возможность или отнять её навсегда у человека, который принёс мне проблемы, попытался забрать то, к чему я стремилась всё это время. Око за око. Но это бизнес и ничего личного.

– Перейдём во вторую зону, – оповещаю всех, поднимаясь со стула.

Почему пропускаю интервью? Знаю, как он умеет себя держать. Видела. Лишнее. В этом этапе у него будет стоять галочка, потому что подготовлен. Изнутри.

Самой последней направляюсь в помещение, ограждённое стенами. Останавливаюсь позади в темноте, пока «мотылёк» выходит на освещённый лист фона в одних плавках.

– Я ещё тогда говорила, у него невероятное тело, – доносится восхищённый шёпот Триши.

– Сильно накачан, мне бы...

– Жирок.

– Прекратить разговоры, – грубо обрывая женщин, подхожу к мониторам, куда моментально переносятся кадры.

И, казалось бы, ничего не должно меня заинтересовать. Но взгляд цепляется за яркие глаза, отливающие холодным серебром.

– Приблизь, – тихо прошу парня. Он щёлкает на фотографию, и теперь отчётливо вижу, насколько живой и красочный взгляд он имеет. Они улыбаются, его глаза улыбаются, когда лицо серьёзное. И даже яйцевидная голова не меняет этого. Тихо обхожу стол с мониторами и останавливаюсь рядом с Али, пока слышатся щелчки фотокамеры и просьбы принять расписанные позы, которые должен знать каждый из этого мира. Вглядываюсь в манеру выполнять всё чётко, так, как требуется. Это другой «мотылёк», позирующий перед камерой. Его лицо меняется и даже аромат его иной. Он преображается, когда оставляет за пределами свой отвратительный характер.

– Хочу свободный полёт, – мой голос звучит резко в тишине. Фотограф удивлённо поворачивается ко мне, как и все. А я смотрю в распахнутые глаза «мотылька».

– Что? – Переспрашивает он.

– Раздётся, – уточняя, складываю руки на груди. В его взгляде читается злость, нежелание, возмущение и ещё жажда удушить меня. Но ни один мускул не дрогнул на лице.

– Ты уверена? – Шёпотом спрашивает Али.

– Я чётко произнесла свою просьбу, – не разрывая зрительного контакта с «мотыльком», отвечаю. Секунды, доли секунд проносятся между нами. Он смотрит в мои глаза, пытаюсь заставить изменить решение, потребовать чего-то иного, а я же имею иммунитет.

Мгновения, за которые никто не двигается, теряются в воздухе, наполняя разочарованием. Отвожу взгляд, намереваясь покинуть помещение и закончить этот день. Но краем глаза улавливаю движение из освещённого участка комнаты. Али хрюкает от смеха, женщины издают непонятный вздох.

Рука мотылька отбрасывает алые плавки, и он опускает руки, приподнимая воинственно подбородок. Тишина, и только стук моих каблучков раздаётся эхом от стен. Меня не интересуют его гениталии. Требуется иное. Глаза. Останавливаюсь в двадцати сантиметрах от него. Ближе запрещено. Горят. Так горят, что могут сжечь без возможности возрождения. Полыхает адское пламя, а уголок губ приподнимается в усмешке. Горд за себя, пытается показать мне, насколько он болен.

– Бейлей, – не отрываю глаз от «мотылька», и он смотрит прямо в меня. Хочешь драться, так я дам тебе эту возможность.

– Да, Шай, – мужчина появляется рядом с нами.

– Падение. Болезненное. Жёсткое. Острое. Хочу смерть.

– Ты уверена?

Резко поворачиваю голову к Бейлей, бегающему глазами по моему лицу.

– Более чем. Десять минут. Полное падение, – чётко произношу и направляюсь в комнату, где располагается стол и уже остывший кофе.

Допиваю горький напиток залпом и облизываю губы. Невероятно. Такого не должно быть. Но я видела это своими глазами.

– Необходимо сообщить тем, кто пролетел. Остальные пусть ждут, – не поворачиваясь, говорю я.

– Хорошо, Шай, – отзывается Али.

Сажусь за стол, терпеливо ожидая материал. Мне многое не нравится в этом «мотылке». Есть даже то, что не готова принять. Серость. Сырость. Слабость. Три «С», которые порой очень значимы. А также непрофессионализм. Его познания моей жизни. Но данный аспект никак не может отразиться на результате. Его внешность посредственная, без изюминки, когда он летает свободно. А если ему предоставить клетку, то бьётся из последних сил, и это довольно интересно.

– Всё, остались только пятеро, плюс свободный «мотылёк», – сообщая, Али садится рядом.

– Прекрасно.

– Ты же уже знаешь, кто прошёл, – усмехается он.

– Верно.

– И для чего это?

– Для результата, – наливаю себе прохладной воды в бокал и делаю глоток.

– Пойдёшь со мной в пятницу на открытие ресторана? – Спрашивает мужчина.

– Ты же уже знаешь мой ответ, – усмехаюсь.

– Это отказ. Брось, Шай, просто сходим на вечеринку, расслабимся, может быть, выпьем...

– Али, утомил. Позови всех, у меня время ограничено, – перебивая его, наклоняюсь к столу и раскрываю папки.

Этот шум меня раздражает. Обсуждения свободного полёта «мотылька» ...да и, вообще, никакой собранности, непредвзятости. Ничего, только трёп. Пока все располагаются по местам, оборудование для видеосъёмки передвигают к нам, тушат свет и направляют лучи в центр, подготавливают всё для записи, бессмысленно смотрю на фотографии. Время приближается и внутри всё начинает пробуждаться. Запрещено. Рано.

– Мы готовы, – сообщает Бейлей, возвращаясь в зал с уже одетым «мотыльком» и помощницей.

– Начинаем, – киваю, ожидая, пока все рассядутся, и наступит идеальная тишина.

– Сцена первая. Дубль первый, – хлопущка даёт старт.

Продолжаю смотреть на фотографии, пока свои слова произносит девушка.

– Я не могу, понимаешь? Должен это сделать. Не ради тебя. Не ради себя. А ради будущего, – его голос посылает сильную вибрацию к столу и дотрагивается до разума, который складывает картинку.

– Ты думаешь, они будут счастливы узнать, что ты уехал? Скрылся? Нет! Если ты поступаешь именно так, то я прощаюсь с тобой.

– Стой! Подожди!

– Нет... тебе я не нужна, ты лжёшь. Бежишь от настоящего, прячешься, нет...

– Пойми ты, если не сделаю этого, то подвергну тебя опасности. Забудь меня, а я буду помнить. Каждый день. Каждую минуту. Секунду. Вернусь, обещаю, и всё будет хорошо. Вернусь к тебе...

– Нет! Ненавижу тебя! Ненавижу! Ты же желаешь бороться!

Крик девушки стихает, и поднимаю голову, чтобы подняться и быстро подойти к камере. Секунда, кадр приближается.

– Я борюсь за нас, как умею. И отдам всё, чтобы тебя никто не тронул, – мужские губы дрожат, пока он шепчет слова.

Мгновение и я жду... давай... сделай это. Давай же ты. Потемневший взгляд и из уголка правого глаза показывается кристально чистая слеза. Издаю облегчённый вздох, пока капля медленно катится по щеке и теряется между щетиной. Последний взгляд, полный отчаяния и безграничной любви, и щёлкает хлопушка.

Позади меня раздаются аплодисменты от женщин, резко оборачиваюсь, и они тут же прекращаются. Свет включается, Бейлей сообщает «мотыльку» выйти и ждать. Смотрю, как мужчина уходит. Останавливается около двери и, поворачивая голову, точно попадает на мой взгляд. Улыбается. Не победно. Устало и гордо. Отвожу глаза и подхожу к столу, пока дверь закрывается.

– Ура. Мы закончили...

– У вас семь минут для решения. Я поднимусь в офис, и когда вернусь, хочу услышать вердикт, – сухо произношу и подхватываю сумочку.

– А ты не будешь голосовать? – Удивляется Али.

– Нет. Я только наблюдаю, – бросаю, направляясь к выходу, чтобы перейти в другое здание.

Мне не нужно в офис. Мне требуется подумать. Понять, что произошло. И почему я не увидела этого сразу. Ненависть. Она вела им. И он не мог контролировать себя, жажда упустить шанс и знания, они рвали его. На части. В клочья. Не умеет он летать. И теперь же не от меня зависит его судьба. У меня нет таких полномочий. Сама запретила себе. Ограничила. Нельзя.

Всё же, дохожу до офиса и в тишине прохожу по коридору. По привычке проверяю кабинет босса, затем свой. Провожу пальцем, ощущая пыль. Кривлюсь и останавливаюсь. Слеза. Она была. Без дополнительных ухищрений, которые используются в фильмах и сериалах. Но если хочешь получить качество, то «мотылёк» должен прочувствовать до конца роль. А я дала самую тяжёлую, драматичную, смертельную. У нас есть несколько свободных сценариев, используемых при просмотрах. Их тщательно готовят и обычно дают что-то лёгкое. Сейчас же действовала интуитивно. И не должна была.

Кручу шей и выхожу из офиса, пора закончить и домой. Виски уже катастрофично тянет. Должна успеть.

– Какие результаты? – Спрашивая, вхожу в комнату, где происходят дебаты. Никогда не бывает спокойно, они кричат, доказывают что-то, ругаются, даже переходят на личности. Именно от этого ушла, и чтобы дать себе несколько минут тишины.

– Они решить не могут, – усмехаясь, сообщает Бейлей.

– В чём проблема? – Оглядываю каждого.

– Вот эти у нас единоголосно. Но вот эти, нет. Мы готовы отказать им, если не придём к общему мнению, – Али указывает на две папки.

Подхожу к столу и распаиваю их.

– Шай, реши ты. Потому что они не могут, а я голоден и спать хочу, – просит Бейлей. Не могу. Запрещено. Не по правилам. Будет сбой. Очередной. Не должна.

Но рука сама тянется к одной из папок и выдвигает её.

– До завтра, – разворачиваюсь и быстрым шагом выхожу из помещения. Столько раз говорила себе, что не имею на это право. Моя работа иная. Только наблюдать. Не касаться. Близко. Горячо.

– Шай, – до разума доносится приглушённый голос. Не останавливаясь, иду дальше по коридору.

– Шай, всего минута твоего времени, – перекрывает мне путь. Поднимаю голову и стискиваю зубы.

– На тебя и так затрачено слишком много, – резко отвечая, обхожу «мотылька» и открываю дверь, отказываясь на улице.

– Шай! Да минута мне нужна! – Перед моими глазами мужчина перепрыгивает через перила и приземляется прямо передо мной.

– Что ты хочешь? – Сильнее сжимаю ручку сумки.

– Извиниться за своё поведение. За то, что наговорил и, вообще, вёл себя, как последний подонок. Меня не должны волновать причины, почему ты выбрала такую жизнь. Это не моё дело, а я влез. И это я говорю не потому, что сейчас здесь, а потому что это был не я. Мною вела зависть, страх потерять себя и невозможность найти место. Я... дерьмо, у меня всё вылетело из головы, – тяжело вздыхает, запуская руку в волосы.

– Ты потратил пятьдесят три секунды. Лети, мотылёк, – качая головой, обхожу его.

– Рейден, моё имя Рейден. И ты видела меня голым, после такого как минимум должна запомнить, как меня зовут, – летит в спину.

– Меня не интересует твоё тело, мотылёк, или же то, чем не наградила тебя природа. Я оценивала и взвешивала, что ты можешь принести. Меня волнует только прибыль, – говорю, направляясь к машине.

– А я вряд ли её принесу. Знаю, что место не получу, но хотел поблагодарить хотя бы за возможность и за то, что не ненавидишь меня, после всего, – уже громче отвечает он.

Открываю дверцу и кладу сумочку на пассажирское сиденье.

– Запомни, мотылёк, я на работе. И у меня нет здесь личного мнения. Оно никогда не пересекается с профессиональным взглядом и анализом прибыли, оценкой потенциала и свободного кислорода, чтобы взмахнуть крыльями, – сухо произношу, смотря на фигуру, медленно направляющуюся ко мне.

– Рейден, бабочка, запиши уже моё имя, – улыбаясь, он останавливается недалеко от меня.

– Ты очень надоедлив, и утомил меня. Возвращайся и узнай результаты, – советую, опускаясь в водительское кресло.

– Я знаю их. Отказ. Но спасибо, что дала попробовать свои силы. Мне понравилось, и теперь я могу спокойно завершить всё. Это не моё. А я винил тебя в своих промахах, прости за это. Удалил информацию о тебе...

Закатывая глаза, закрываю дверь, чтобы не слышать его. Действительно, его слишком

много. Пристёгиваясь, краем глаза отмечаю, что бредёт к лестнице. Благодарит за то, что не прошёл? Больной.

Надавливаю на педаль газа и резко торможу.

– Мотылёк, – зову его, открывая окно.

Оборачивается, удивлённо приподнимая брови.

– С днём рождения! Поздравляю, к тридцати годам ты, наконец-то, понял, из чего состоит этот мир.

Его лицо вытягивается, а я надавливаю на педаль и с рёвом вылетаю с парковки. Сама от себя не ожидала, что вспомню. Пятнадцатое мая. Тридцать.

Запрещено. Запоминать запрещено. Паника стискивает сознание, пока несусь по дорогам. Запрещено. Не нарушай правил. Не должна. Но уже совершила ошибку, и интуиция подсказывает мне – это только начало.

Рейден

Это действительно было или же я из-за нервов себе придумал?

«Ауди», та злополучная серебристая «Ауди», уже скрывается из виду, пока моргаю и прокручиваю в голове произошедшее.

– Дерьмо! – Вскрикивая, срываюсь на бег. – Шай! Подожди! Чёрт! Я же опоздал... хотел сказать... тебе пакет...

Останавливаюсь, понимая, что придурок. Это планировал ей сообщить и извиниться, задержался именно из-за курьера, который доставил для неё послание от Скай. Ударяю себя по лбу и возвращаюсь обратно, чтобы собрать вещи.

Чертовски устал от этого дня, да ещё и прилюдно разделся. Сначала казалось, что она издевается. А потом Бейлей рассказал, что это стандартная процедура, как и сценарий, который мне выдали. Короткий пересказ о мужчине, намеренно идущего в тюрьму, чтобы защитить ту, кого он любит. Взять на себя ответственность за случайное убийство и не дать возлюбленной совершить глупость. Пожертвовать всем, только бы она жила на свободе. Наверное, настроение, нервозность, волнение, всё это сказалось и мне стало в тот момент так паршиво, обидно, одиноко, что, сам от себя не ожидая, пустил слезу. Я не помню, когда плакал. На похоронах бабушки. А так... нет. Но отчего-то захотелось. Просто как маленькому сказать, что устал я бороться за то, куда меня не пускают. Выложился на все сто процентов, и сделал то, что должен был. Извинился. Отчасти стало легче, но теперь следовало вернуться и забрать портфолио. Признать поражение.

Вхожу в слабоосвещённую комнату, где черноволосый и очень неприятный тип что-то пытается доказать провожающей нас на просмотр девушке.

– Скольких взяли? – Спрашиваю у парня, укладывающего портфолио в рюкзак.

– Двоих. Рыжего и блондинку, – бросает он.

Усмехаюсь и глубоко вздыхаю. Должен улыбнуться, пусть так, но я был здесь. Попытался. Значит, намного хуже, чем тот, кого выбрали. И мест очень мало.

– Простите, я за папкой, – произношу, обращаясь к смуглому мужчине.

– Мы не отдадим её, – за него отвечая, женщина с улыбкой подходит ко мне.

– Почему? – Удивлённо хмурюсь.

– Потому что ты принят на испытательный срок, Рейден Бруд, – к нам подходит Бейлей.

– Что? – Шокировано переспрашиваю их.

– Ты принят, парень, ты прошёл отбор, и мы рады приветствовать тебя в нашей команде. Завтра приедешь в офис к десяти утра. На стойке регистрации назовёшь своё имя, и тебя проведут к агенту, который будет работать с тобой. Не забудь взять документы для оформления пропуска, страховки и контракта. А твоё портфолио мы забираем себе, в будущем у тебя будет новое. Качественное.

Пока мне это сообщают, не могу даже дышать от непонимания, от потрясения. Словно я прыгнул куда-то в пропасть и лечу, реальность или же иллюзия... не ощущаю ничего. Только гул голосов где-то далеко от моего разума.

«...у меня нет здесь личного мнения. Оно никогда не пересекается с профессиональным взглядом и анализом прибыли, оценкой потенциала и свободного кислорода, чтобы

взмахнуть крыльями», – проносится спокойный голос Шай.

– Ты всё понял, Рейден...

– Ден, можно Ден, – на автомате поправляю.

– Ден, ты всё понял? – спрашивает у меня Бейлей. Киваю, потому что больше говорить не могу.

– Тогда по домам. Ну и устроила нам эта девочка скачку, – смех раздаётся уже за спиной. Свет гаснет, а я так и стою.

Даже горло пересыхает. Осознание того, что меня взяли на испытательный срок в «Рокси» приходит не так быстро. Только сейчас. Рот раскрывается на шумном выдохе, и я запускаю пальцы в волосы. Принят. Меня взяли. Чёрт! Меня взяли! Круэлла оказалась не такой, какой её представляют. Бизнес... она говорила о нём. И она увидела во мне потенциал. Не знаю почему, но именно это вызывает радость. Да такую, что подпрыгиваю и вылетаю из комнаты. На ходу подхватываю сумку и бегу к машине.

Кажется, схожу с ума. Смеюсь, закрывая лицо руками. Мне тридцать, и я прошёл финал. Я, наконец-то, перешёл эту грань, которая не позволяла мне ступить дальше. Сломал её, и теперь у меня есть работа. Руки дрожат, пока пытаюсь набрать номер. Удаётся с третьей попытки. Гудки, а я беззвучно продолжаю смеяться.

– Мама!

– Милый мой, что случилось? – удивлённо спрашивает она.

– Я прошёл, мам! Меня взяли в одну из самых известных компаний! Мама, я сделал это! – кричу от переизбытка счастья. Меня разорвёт сейчас.

– Господи, Ден, я так рада... ты такой молодец... мальчик мой, – она всхлипывает, а я смеюсь.

– Мам, только не плачь. Я заеду к тебе на днях, хорошо?

– Да-да, конечно, я буду ждать тебя. И подарок свой заберёшь, а теперь беги к Лорейн, и празднуйте. Какое счастье, сынок, ты заслужил.

– Спасибо, так и сделаю. Люблю тебя.

– И я тебя. До встречи.

Откладываю телефон и поворачиваю ключ. Лорейн будет в шоке, и это поправит наши разногласия. Она будет прыгать и радоваться вместе со мной. И она, наверное, готовит сюрприз, потому что с утра так и не поздравила с днём рождения. Она у меня самая лучшая. Цветы хочется купить или ещё что-то, чтобы светилась. Но после последнего выговора, что букеты она ненавидит и хочет бриллиант на палец, заставляю себя ехать домой без остановок. На кольцо я ещё не заработал.

Всё же, останавливаюсь у кондитерской и покупаю пирожное, которое станет финалом этого вечера. Сегодня я готов покорять любые вершины и, наконец-то, расслабиться, чтобы возбудиться и вспомнить сцены для взрослых.

– Лорейн! – кричу, открывая дверь.

– Детка, я дома! – бросаю сумку на пол, а коробку с десертом ставлю на обеденный столик.

– Лорейн? – Хмурясь, направляюсь в спальню, затем в гостиную и понимаю, что один.

– Меня взяли, детка, я нашёл работу, о которой мечтал, и я так рад, что ты устроила мне грандиозный праздник. Торт? А я дурак купил вшивое пирожное. Боже, романтический ужин? Конечно... конечно, – горько усмехаюсь от своей мечты и стягиваю с себя футболку, затем кеды и джинсы.

Забираюсь под тёплый, даже горячий душ и голова пуста. Даже думать сейчас... разрешать это делать страшно, боюсь натворить что-то и затем раскаиваться. Обматывая полотенце вокруг бёдер, шлёпаю на кухню и ищу в шкафчиках свечи. Они есть, потому что я покупал для Лорейн. Достаю одну и втыкаю в пирожное. Слабый огонёк и хочется скулить от обиды.

– С днём рождения, Ден, – задуваю свечу, и в этот момент в голове появляется серебристая «Ауди» и тёмные глаза, приглушённый голос, поздравляющий меня с тридцатилетием.

Смешно, что та, кого я оскорблял и называл Круэллой, в чью жизнь влез и узнал слишком много, вспомнила. А та, которую на руках ношу, делаю всё, что в моих силах, забыла. Это чертовски обидно. Тёмное пятно растекается внутри, затопляя горечью сердце и разум. Лорейн всегда меня поддерживала, постоянно говорила о моих возможностях и подталкивала. А вот последнее время сводит с ума истериками и ссорами. Да, я понимаю, что она не привыкла так жить, но знала, на что идёт. Я небогат, никогда не видел много денег. Только раз, в двадцать три, у меня был крупный заказ, и я потратил всё на Лорейн, не заботясь о будущем. Потом привык подрабатывать, обманывал её, что на съёмках, а сам был официантом. Но она верила, и это помогло мне карабкаться дальше. Сейчас же я потерял и устал от такой жизни. Завтра начнётся новая, и я должен войти в неё с улыбкой.

Выбрасываю в урну так и не тронутый капкейк, иду в спальню. В темноте что-то отдаёт блеском, лежащее на моём столе. Пакет от Скай. Я убил два часа на то, чтобы дождаться курьера. Не вскрывал, а сейчас беру в руки и кручу. Там что-то вроде книги. Не имею права вскрывать, но разум сам выбирает, о чём думать. И в данный момент ему интересно сопоставить биографию Шай, слова её матери и сестры. Да, я удалил всю информацию, оставив только контактный телефон и адрес. На всякий случай. И обещал себе, что передам ей пакет, но забыл его, потому что спешил.

Очень хочу узнать, что там. И да, это плохо, я ведь обещал... ничего не могу сделать с собой. Подхожу к прикроватной лампе и щёлкаю выключателем. Разрываю почтовый пакет, и на постель летит обычная книжка. Отбрасываю мусор и сажусь на кровать. Переворачивая, читаю «Моей бабочке». Написано от руки. Это фотоальбом. Самодельный, с надписями, какие заполняют при рождении малышей.

Открываю его и вижу новорождённого ребёнка. Это Скайлер. Почерк ещё детский, немного корявый и с ошибками. Это заполняла Шай? Листаю дальше, с улыбкой рассматривая каждое фото, читая первые слова, и так весь альбом.

Человек, который писал здесь такие вещи, не может быть плохим. Но как Шай превратилась в Круэллу? Кто её заставил быть такой? Ведь девочка, создавшая для ребёнка сказку, не могла пропасть. И за что её ненавидеть родителям? Видно, по словам и строчкам, которые записаны здесь, насколько она любила сестру.

Падаю на постель и, выключая свет, подбираю пакет и вместе с альбомом прячу в тумбочку.

За эти дни моё мнение о Шайди Лоу резко изменилось. Она холодная, сухая, резкая, отталкивающая... нет, сегодня в ней не было ничего такого, она поздравила меня. И всё же, модель её поведения не изменилась, как и спокойствие в голосе, власть и наслаждение ею. Но вот теперь вижу её иными глазами. На её месте, я утопил бы ублюдка вроде меня, который угрожает счастьем любимого человека. А она ничего не сделала, только смотрела, как развиваются события. Уверен, если бы она захотела, то меня бы никто и никуда, вообще,

не взял. А она честная. В бизнесе честна, и это, конечно, подкупает. Не знаю, зачем думаю о ней, но так проще заснуть и не ощущать едкую пилюлю обиды. Парадокс. Как и Шайди Лоу. Но сейчас мне хочется о ней подумать и найти способ передать альбом. Думаю, он много значит для неё, а я хотя бы что-то сделаю правильно. И я докажу ей, что другой. Не тот урод, преследующий её и угрожающий разоблачением. Докажу. Чего бы мне это ни стоило.

– Боже, как у меня болит голова, – раздаётся стон от двери спальни.

Потягивая белковый коктейль, листаю спортивный журнал.

– Я не помню, во сколько вчера вернулась. Мы так много выпили, – продолжая сипло рассказывать, Лорейн подходит к шкафчику и открывает дверцу.

– Ты работал? – спрашивает она, включая воду.

Не желаю ей отвечать, потому что помню, в каком виде она пришла ночью, как её тошнило, а мне необходимо было выспаться. Нет, я не помог ей. Зол. Слишком сильно обида дала о себе знать и не отпускает до сих пор.

– Ден, ты надулся, потому что я не взяла тебя или, вообще, пришла домой? – Повышает голос. Допиваю напиток и закрываю журнал.

– Спасибо, что поздравила меня с днём рождения, Лорейн. Спасибо, что преподнесла подарок в виде своей пьяной туши в пять утра. Спасибо, что тебе плевать на меня и мою жизнь. Спасибо, но сейчас закрой свой рот и даже не смей мне что-то выговаривать. Можешь лететь обратно к родителям, потому что после Нью-Йорка ты ведёшь себя безобразно. А я не твой папочка, чтобы потакать тебе. Я задолбался тебя слушать, как и твоё нытье. Ты обидела меня, бросив одного в мой день рождения. А сейчас я уйду, когда вернусь – не знаю.

С шумом ставлю чистый бокал на металлическую подставку, который тёр во время своей яростной речи, и прохожу к двери, где уже готова сумка.

Лорейн молчит, видимо, в шоке. Не помню, чтобы я говорил с ней так. Всегда старался быть мягким, понимающим и любящим. Но не сегодня. Сегодня мой день.

– И да, если тебе интересно, меня взяли в «Рокси». Я еду оформлять документы, – язвительно бросая недвигающейся девушке, с покрасневшими от слёз глазами, вылетаю за дверь и в придачу красноречиво хлопаю.

Выпустил пар. Легче стало, словно сбежал. Свобода и никакого перегара.

Должен сосредоточиться на том, что сегодня будет. Честно, не представляю. Друзей у меня нет, некому рассказать, как обстоят дела в «Рокси» и какое там отношение к таким как я. Новичкам. Ни черта не назову себя «мотыльком». Откуда это у неё? Неужели, с детства? На альбоме ведь написано «бабочка», значит, любовь к этим насекомым тянется слишком давно. И взял с собой пакет для Шай. Мы будем в одном здании и где-нибудь обязательно пересечёмся. Надеюсь.

Сколько раз проезжал мимо высокого красивого здания с эмблемой «Роксборро Интерпрайзис» и мечтал, что буду там. И сейчас именно это происходит. Я стал частью целой корпорации. С улыбкой направляюсь к главному входу, сверкающему зеркальным отражением. Подхожу к стойке и называю своё имя, просят подождать пять минут. Киваю, рассматривая выходящих и входящих людей. А здесь их достаточно. Ко мне спускается

девушка и с улыбкой провожает меня на пятый этаж, указывая на дверь одного из конференц-залов.

Нервничаю, потому что от агента зависит будущее. Уже обжёгся и не хочу ещё раз. Агент – это всё для таких как я. Мы зависим полностью от них, дарующих нам или пропуск в верхние слои, или жалкое существование.

Вхожу в помещение, закрывая за собой матовую стеклянную дверь. При виде меня мужчина, которому, на вид, не больше сорока, поднимается и улыбается, заинтересованно оглядывая меня.

– Рейден Броуд, добро пожаловать! – Протягивает мне руку, и я пожимаю её. Он приятный, подтянутый и располагающий к себе. С зелёно-серыми глазами и коротко подстриженными русыми волосами, в элегантном и дорогом костюме.

– Даррен Джонсон, твой агент, – представляется он.

– Очень приятно, можно просто Ден, – натянуто улыбаясь, ставлю сумку на стул в светлой комнате.

– Я первый агент Аарона Грира, беру только интересные случаи, и ты попал под один из них. Обычно распределяю подчинённых, но в этот раз не смог пройти мимо и не взглянуть на того, кого выбрала наша Шай, – он указывает рукой на стул.

– Шай? Шайди Лоу? – Медленно переспрашиваю я.

– Да, именно она. Вчера голоса разделились между тобой и любимчиком публики, особенно женщин. И она сделала решающий шаг. А у неё глаз намётан, – опускаясь рядом, смеётся, раскладывая тёмные папки перед собой.

– Почему? – Шокировано произношу. Это в голове не укладывается. Она должна меня ненавидеть, но выбрала. Именно она. Дерьмо! Вот это я попал. И теперь ещё больше стыдно за своё поведение.

– Потому что ты сбросил крылья, и я видел твоё демо, сделанное вчера. Неплохо, но ещё очень сыро. Будем работать. Для начала расскажу тебе, что нам предстоит.

Киваю ему, но мысль о том, что именно Круэлла помогла мне войти в топ-лидеров, до сих пор не отпускает. Да кто же она такая, эта Шайди Лоу?

– Итак, каждый день с восьми утра до полудня у тебя обучение. С тобой буду заниматься я, также ты будешь проходить курсы актёрского мастерства. И вечером у тебя будут съёмки. Для начала задний план, затем, если отличишься, то выйдешь в первые ряды. А мои ребята никогда не остаются позади. Грир вылетел и оказался «бабочкой». А из тебя мы слепим ещё более красивую. Для тебя уже написан сценарий твоей жизни. Он в папке, которую дам тебе на дом. Выучишь и будешь теперь жить так, как написано. Прошлой жизни не существует, Ден. А новая зависит от тебя и от моего мастерства. Тебе придётся забыть о привычках и следовать всем указаниям. Иначе выкинут. Всё ясно?

– То есть сценарий? – Недоумённо приподнимаю брови.

– А ты считаешь, все популярные модели и актёры, певцы и ведущие живут так, как хотят? Нет, – смеётся, пододвигая мне папку. – Нет, Ден, для них создана новая жизнь. Расправляем крылья и полетели. Начнём с контракта, который ты сейчас изучишь, и мы обсудим его. Советую хорошо прочесть пункты, из-за которых многие исчезли из нашей корпорации. Развлекайся, а я принесу для тебя образы, которые подготовили наши костюмеры, – с этими словами Даррен встаёт и хлопает меня по плечу.

– Я взялся за тебя, и теперь я твой друг, твой напарник и тот, кому ты можешь доверять. Всё или ничего, Ден. Другого Шай не потерпит. Докажи, что она не ошиблась, – шепчет мне

на ухо и убирает руки.

Оставляет одного, а я смотрю на папку, прокручивая в голове его слова. Чёрт возьми, она должна простить меня. Потому что иначе не смогу жить, зная теперь насколько Круэлла иллюзионна. Она тоже образ, скорее всего, написанный именно Шай. А какова настоящая Шайди Лоу? И я ближе к ней, чтобы попытаться доказать, что – не дерьмо. Работа. Она подарила мне её, и я не подведу. Именно её и себя.

Улыбаюсь и открываю папку с контрактом. Знаю, что подпишу, но прочесть стоит. Тоже попался на этом. Но в этом месте всё настолько светлое и притягательное, что доверяю им свою жизнь. Хочу изменить всё. И буду бороться за постоянное место. Моё время пришло.

Шайди

- Шай, ты не слушаешь меня, – возмущается Тина. Поднимаю голову на подругу, но взгляд мутен, а виски сдавливают сильнее, чем прежде.
- Ты рассказывала про планы на отпуск после премьеры киноленты с Аароном, – подхватываю бокал с водой и делаю глоток, отчего лёд бьётся о стекло и отдаётся в затылке.
- Ладно, ты слушала меня, но всё же, о чём думаешь? – Улыбаясь, прищуривается она.
- О Женеве.
- Там что-то произошло снова?
- Нет. Всё тихо, по плану и телефон у неё. Всё так, как я и хотела, – отставляю бокал и отодвигаю тарелку.
- Ты не поела. Значит, не можешь, потому что твои мысли заняты и не только твоей любимой бабочкой, – замечает она.
- Да. Я совершила кое-что и не понимаю зачем, – признаюсь и кривлюсь от своих слов.
- Неужели, провела с кем-то ночь? – Глаза подруги загораются, а я цокаю.
- Прекрати. Нет. Думаю о «мотыльке» и всю неделю слежу за его работой. Даррен каждый день присылает отчёты, и они полны энтузиазма.
- Подожди. Ты думаешь о «мотыльке»? – Недоверчиво переспрашивает она.
- Да, самой противно.
- Какой уровень?
- Нулевой.
- Кто-то из новеньких? Я так и не посмотрела, кого же выбрали вы.
- Да, он один из них. И он «сбросил крылья». Всего сорок три секунды.
- Ничего себе. У Аарона ушла минута и пять секунд, а этот побил его рекорд. Наверное, он очень интересен, раз ты до сих пор о нём думаешь. А прошло уже пять дней, – хихикает Тина.
- Также он знает о том, кто такая Миранда.
- Что? Он шантажировал? Чёрт, надо срочно что-то делать. Зачем ты разрешила ему приблизиться? Откуда достал информацию? – Испуганно шепчет подруга.
- Да, пытался угрожать, но меня этим не напугать. Не по этой причине я выбрала его...
- Что? – Вскрикивает Тина.
- Тише, голова болит. Да, я выбрала его, – потираю висок, наблюдая, как девушка от шока отклоняется на спинку стула.
- Он наглый. Очень наглый. И в нём ничего нет. Но, понимаешь, когда включается камера, его словно меняют. Он работает, его взгляд становится именно таким, который я хочу видеть в кадрах. Парадокс. Мне он неприятен, и я выбрала его. И думаю: не совершила ли я ошибку?
- Ты увидела в нём потенциал и это хорошо для компании, но меня напрягает, что он знает о тебе слишком много. Откуда?
- Ему помогли. Меня это не волнует, да и его заверения о том, что удалил всё. Мне плевать. Я хочу видеть результат, и если его не будет, то улетит.
- Ладно, но почему так заострила на нём внимание? Он хорошенький?
- Закатываю глаза от фразы подруги.

– Меня не волнует его внешность. И ты его знаешь.

– Да?

– Рейден Броуд.

– О. О-о-о, тот самый придурок, который обозвал тебя и ещё достал Аарона. Который считает, что мой муж с тобой спал. Как ты допустила это? – Недовольно спрашивает она.

– Бизнес, Тина. Ничего личного. Только прибыль, – вздыхая, потираю переносицу, чтобы хоть немного унять давление в глазах.

– Аарон будет вне себя...

– И что дальше? Твой муж такой же работник, как и остальные. Не ему решать, кто будет в компании, а кто пролетит. Тем более я не переношу дружеские отношения на работу. И больше не собираюсь по твоей просьбе натаскивать его, – довольно грубо отвечаю ей.

– Чего ты злишься? – Недоумевает Тина.

– Голова болит, надо дотерпеть до вечера. Боюсь, что снова начинается, – сглатываю неприятный кислый привкус во рту.

– Вот чёрт, Шай. Лучше сейчас поезжай домой. Вдруг будет поздно? Нельзя так, – обеспокоенно пододвигается ко мне, пытаюсь поймать мою руку через столик.

– Вытерплю. Ничего страшного. Я должна идти, скоро конец месяца и необходимо понять, с кем мы прощаемся из старого состава, – поднимаюсь с места, оставляя на столике купюру.

– Шай...

– Тина, не дави. И так смерть кажется сказкой, – направляюсь к выходу. Тошнота подкатывает к горлу, но борюсь.

Почему сейчас? Так давно не чувствовала этого. Уже даже забыла, насколько бывает боль отвратительна. Забираюсь в машину и открываю бардачок, копаюсь в нём, перебирая таблетки. Две спасительные пилюли, которые должны помочь вынести этот день. Завтра выходной и смогу себе позволить остаться дома. Но не сегодня. Слишком много работы. Из-за того, что Роксборро отсутствует, все дела решаю я, все проблемы, и даю согласие на тот или иной пиар. Отслеживаю ход съёмки и отчёты по реакции людей. Хотя этим занималась всегда.

Возвращаюсь в офис, на ходу требуя принести мне кружку кофе. Не могу сконцентрироваться на бумагах, давит кислород изнутри. Пытаюсь дышать. Медленно, как учили. Немного помогает. Не отпускает. Не сейчас. Не надо снова заставлять меня возвращаться туда. Нет. Это ужасно, когда ты не можешь контролировать своё тело. Это для меня запрещено. Но никто не спросил меня об этом. Терпи. Пик пройдёт, и всё будет как раньше.

Громкие голоса привлекают внимание, допиваю кофе и поднимаюсь, оправляя чёрную юбку. Открываю дверь и выхожу в коридор.

– Ещё раз вам повторяю, мисс Лоу никого не принимает, и вас нет в расписании, – угадываю голос моей помощницы, пока направляюсь к стойке.

– А я вам повторяю тоже ещё раз – это срочно.

Останавливаюсь, желая вернуться в офис и спрятаться. Сейчас не готова к новой атаке. Чёртов день. Чёртов «мотылёк».

– Мне придётся вызвать охрану, – угрожает Мавис.

– Что здесь происходит? – Устало спрашиваю, складывая руки на груди.

– Мисс Лоу, этот человек говорит...

– Я сам могу, спасибо. Мисс Лоу, – «мотылёк» разворачивается и медленно подходит ко мне. Ему что, не рассказали, как он должен одеваться? Меня раздражает один его вид в разодранных джинсах, серой футболке и кедах. Чёртовы кеды. У него другой обуви нет?

– Дело в том, что у меня вопросы по поводу соглашения на съёмки. Даррен сказал, что я могу обратиться к вам лично. И это срочно, потому что съёмки через полтора часа, – продолжает «мотылёк», поднимая руку с бумагами выше.

– Мисс Лоу, мне вызвать охрану? – спрашивает Мавис.

Перевожу на неё взгляд, затем на «мотылька» и тяжело вздыхаю.

– Нет. За мной, – командуя, разворачиваюсь и направляюсь в свой кабинет.

Знаю, что с бумагами всё хорошо. Он хочет что-то от меня, но сейчас я слаба, чтобы противостоять или ругаться. Поэтому проще для меня решить сейчас и послать его куда-нибудь на Аляску.

– У тебя две минуты. Что ты хочешь? – Поворачиваюсь и облакачиваюсь ягодицами о стол.

Закрывает дверь и подходит ко мне.

– Я хочу извиниться...

– Так, мама не учила, что врать нехорошо? Ты здесь по работе, так я слушаю. Другое меня не интересует, – сухо перебиваю его.

– Мама учила меня многому, но это ни черта не помогло. Поэтому я хочу с тобой встретиться, – требовательно произносит он. Приподнимаю брови и отталкиваюсь от стола.

– Откуда столько наглости, мотылёк? – Усмехаясь, обхожу стол.

– Завтра в два часа дня в «Тасо». Я буду ждать тебя, потому что мне необходимо с тобой поговорить, – упирается ладонями о стол, пока я сажусь в кресло.

– Свободен, мотылёк, – перевожу взгляд на тёмный монитор.

– Моё имя Рейден. И у меня есть кое-что твоё, я обменяю это на одну встречу, – продолжает он.

– Ещё что придумашь? Ты отнимаешь моё время на бесполезный трёп, поэтому покинь мой кабинет и вернись к работе, – устало перевожу на него взгляд.

– Твоя сестра. Скай, – делает паузу, ожидая от меня испуга или же какой-то реакции. Внутри всё сжимается, но продолжаю спокойно смотреть на него. Нельзя показывать противникам, что тебя может кто-то волновать. Запрещено.

– Я сирота, мотылёк, поэтому твои слова – пыль. Пошёл вон, – прищуриваюсь, и он делает то же самое.

– Шай, удивлю, но я знаком не только с твоим досье. Также с твоей матерью, которая прилетела ко мне, уверить меня в том, насколько ты прогнившая душа. Далее, мне звонила твоя сестра и кое-что прислала для тебя. Если ты хочешь это получить, то встретишься со мной завтра, – наклоняется ближе.

– Меня это не волнует. Работать, – отвожу взгляд, щёлкая мышкой.

Ожидаю, что ему надоест стоять здесь, и он уйдёт, даст мне обдумать, что этой суке понадобилось от него. И зачем Скай так поступила? Откуда они узнали о нём? И что этот «мотылёк» знает ещё?

– Ты придёшь, бабочка, – неожиданно горячий шёпот раздаётся рядом с ухом. Сглатываю от полыхающей кожи на шее и на скуле.

– То, что передала Скай, для тебя очень дорого. И я не враг тебе, хочу, наоборот, загладить своё отвратительное поведение. Ты придёшь. Завтра. В два часа дня. И потом

оставлю тебя в покое. Не подойду и даже не заговорю с тобой. Но ты придёшь, Шай, ты встретишься со мной. Выслушаешь меня и получишь подарок. Иначе я его оставлю себе. Не заставляй меня нарушать обещание, данное ребёнку.

– Убирайся отсюда, – сквозь зубы произношу.

– Уберусь, но ты должна понимать, что я хочу закончить всё это. Меня не волнует твоё прошлое и будущее. Я выполню просьбу, но перед этим ты поговоришь со мной. До завтра.

Выпрямляясь, направляется к двери.

– Я могу тебя уволить, – зло шиплю я.

– Можешь, но ты сама говорила – личное отношение никогда не перекликается с профессиональным. А я буду из кожи вон лезть, чтобы остаться здесь. И ты мне помогла. Ты выбрала меня. Значит, возлагаешь надежды. Это мой мир, и я создан для него. И ты увидишь это, – не поворачиваясь, отвечает и выходит из моего кабинета.

Сжимаю пальцами виски, ярко отражающиеся в сознании. Откуда? Чёрт бы его подрал! Скай слишком доверчива, и создала своим решением лишнюю проблему. Я же обещала, что найду её. А теперь предстоит узнать, насколько это мне действительно необходимо. Встреча с этим наглым, серым, скользким, противным, неприятным «мотыльком». Пока он не появился в моей жизни, всё шло по плану. А он разрушил всё. И эта стерва прилетала к нему. Что она ему рассказала? Но ничего, папочка уже начал понимать – злить меня не стоило. Я добавлю и ей проблем, раз они не хотят существовать по-хорошему. И этому тоже найду огонь. Сожгу к чертям.

Боже, как давит. Губы пересыхают, и я смачиваю их кончиком языка. Невозможно терпеть, но должна бороться. Работать не могу, держусь из последних сил, стараясь не показать подчинённым, что происходит в моей голове. Насколько сильны тиски, утягивающие сознание в преисподнюю. А там будет темно, горячо и адски больно. Пять месяцев и никаких признаков. Он виноват. «Мотылёк». Он разодрал собой эту рану, только было затянувшуюся.

– Элеонор, – хрипло зову домработницу и сбрасываю на ходу туфли.

– Шайди, добрый вечер. Ужин... – замолкает, замечая мой вид.

– Ох, девочка, пошли. Давай, сделаю укол? – Она, подхватывая меня за талию, провожает до спальни.

– Нет. Таблетки. Я выпила две, и должна быть завтра на встрече в два часа, – мотая головой, опускаюсь на постель.

– Но, дорогая моя, это бы сразу сняло боль, – мягко произносит она, помогая мне расстегнуть блузку и снять её.

– Только холодный душ и таблетки. Я должна бороться против уколов, они только делают меня слабее. Это не поможет противостоять, – поднимаюсь с её помощью. Лобную часть разрывает от удушливых толчков. Даже ощущаю, как вены на висках вздуваются.

Доводит меня до ванной комнаты и оставляет одну. Сбрасываю бельё и вхожу в душевую кабину. Включаю ледяные потоки на полную мощь, подставляя лицо под них. Охлаждает, немного помогает. Закрывая глаза, прислоняюсь полыхающим лбом к стеклу и пытаюсь дышать медленнее. Глубже.

Что она делала у него? Что они хотят от меня? И что этот «мотылёк» ещё рассказал им, а какую информацию получил? Сколько они заплатили ему? Что я натворила?

Сама же вытащила его на свет. Сама же и буду расплачиваться. Никому нельзя помогать. Запрещено. Они считают, что я всегда их буду толкать, помогать лететь и находиться рядом.

Нет. Никогда. Нельзя. Зачем же надо было поддаваться своим мыслям и выдвинуть его папку? Профессиональный взгляд. К чёрту его! Надо было забыть об этом. Надо было... но тогда бы было хуже. Намного хуже. Он – прибыль, которую мы получим. Он принесёт нам хороший доход. Холодный разум и никаких чувств ни к кому. Никаких связей или же чего-то порочащего. И я работаю в корпорации именно по этой причине. Умею не подпускать их ближе... умела до того момента, пока «мотылёк» не расправил крылья.

– Шайди, ты как?

Открываю глаза и выключаю воду.

– Лучше, – сухо отвечаю Элеонор, уже держащей наготове полотенце. Обматывает меня им, и выхожу из ванной в холодную спальню. Кондиционер работает на максимальном минимуме, и это приятно.

– Таблетки, – протягивает мне их, и я бросаю в рот. Запиваю водой и закрываю глаза.

– Оставь меня.

– Если что...

– Элеонор, оставь меня, – повторяю жёстче, распахивая глаза.

Женщина недовольно поджимает губы, но не смеет возразить, только забирает бокал и выходит из комнаты.

Опускаюсь на постель и растираю виски. Заставляю себя забыть о том, что боль повелевает мной. Тренинг, который пришлось пройти, чтобы жить. Но когда голову словно окруживает металлическими шипованными тисками, никакие слова не помогают. Только терпеть. Ждать и терпеть. Переодеться и сесть за стол. Просматривать снова и снова своё досье, чтобы понять, с чем предстоит встретиться завтра.

Телефон, лежащий рядом с мышкой, вибрирует и оповещает о сообщении.

«Шай, привет. У меня всё хорошо. Как твои дела?»

«Привет, красавица моя. Всё как обычно»

«Мама сегодня звонила и говорила с директором. Они приставили ко мне охрану. Запретили выезжать в город или на какие-то мероприятия с группой»

«Потерпи. Скай, ты знаешь человека по имени Рейден Броуд?»

«Да, я с ним болтала. Он же твой друг, да? Потому что мама кричала, что он знает тебя и встречается с тобой. Он твой парень? Он показался мне довольно милым, хотя они пытались его настроить против тебя»

– Чёрт, – закрываю глаза и потираю переносицу.

«Нет, он не мой парень. Просто знакомый. Ты ему что-то прислала?»

«А он ещё не отдал? Да, это альбом. Твой. Помнишь его? Я хранила его и прятала, а мама начала рыться в моей спальне, и я боялась, что она его выбросит или уничтожит»

– Что же ты наделала, – шепчу, качая головой.

«Ты молодец. Мне нужно идти, до завтра»

«Люблю тебя и жду то время, когда верну поцелуй»

Поднимаюсь с кресла и направляюсь к сейфу. Прошлое никогда не оставит, потому что в нём есть человек, ради которого живу. Я не знаю, сейчас не могу предугадать последствия наивности Скай, поэтому мне гадко внутри. Если всё пойдёт не так, как мне хочется, то придётся поставить на первый план свои чувства и желания. Истребить «мотылька». Сломать крылья и не дать больше возможности летать. Не моя вина, что он выбрал этот путь.

Рейден

Постукиваю пальцами по столу. Ресторан практически пуст, поэтому меня легко найти здесь. Она должна прийти. Должна, ведь в моём рюкзаке то, что ей необходимо. Как и мне – необходимо сказать всё и попроситься.

Сложно жить, понимая, что ты был неправ, влез в чужую жизнь только из-за своих личных мыслей, и был ведом ими. Но разве виноват? Нет, так поступает каждый человек. Мы не можем контролировать это, оно заставляет нас быть отвратительными и противными самим себе. Кто-то забывает об этом и живёт дальше, а кто-то вроде меня, не может.

Заказываю воду со льдом и стягиваю куртку. Душно. Бросаю взгляд на часы, показывающие, что у неё ещё есть пять минут, чтобы приехать. А если ей действительно всё равно? Что я, вообще, знаю о Шайди Лоу? Ничего, кроме того, что она помогла мне, выбрала меня, и теперь я зарабатываю каждый день, учусь бесплатно и имею лучших тренеров. Моя жизнь стала такой, к которой я стремился. И даже Лорейн изменилась. Наши отношения наладились, и теперь всё хорошо. Должно быть хорошо, но это не так.

Поднимаю голову, когда меня привлёк звук шин, остановившихся за зелёным ограждением. Серебристая «Ауди» издаёт последнее рычание и затихает. Наблюдаю, как девушка выходит из машины в белой блузке и тёмно-синих брюках. Её глаза скрыты тёмными очками, а волосы, как обычно, заколоты в тугую причёску. Она идеальна для бизнеса. Собрана, чётко знает, что хочет и как это получить. Её шаги всегда размеренные, она никуда не спешит и несёт себя, заставляя головы, всех присутствующих повернуться к ней, когда входит в кафе. Удивительно, как она умеет держать себя в руках. И одним взглядом приказывает исполнять все её требования. Отмечаю, когда проходит мимо меня, обдавая тонким ароматом парфюма, как тесно облегают брюки бёдра и подкаченные ягодицы.

– Привет, – улыбаясь, откидываюсь на спинку стула.

Шай снимает очки и откладывает на столик. Поднимает взгляд тёмных глаз, в которых играют солнечные лучи. Интересно, что когда я увидел её впервые, то не заметил красоты правильных черт лица.

– У тебя пять минут, – сухо произносит, прикладывая руку к голове, словно массирует левый висок.

– Закажешь что-нибудь? Сегодня очень жарко, – предлагаю я, указывая головой на меню.

– Мотылёк, не трати время. Говори, что хотел и верни мне вещь, не принадлежащую тебе, – закрывает на секунду глаза и отнимает руку от головы.

– Моё имя Рейден. В общем, я хотел извиниться, – вздыхая, поддвигаюсь ближе к столику.

– Мне это неинтересно. Есть что-то важное? – Слышу усталость, но упрямо буду продолжать.

– Ты приехала, чтобы выслушать меня, – напоминаю ей. – Так вот.

Издаёт шумный вдох и сглатывает, жмурясь, но явно не от солнца, потому что мы под зонтиком.

– Я не могу так, понимаешь? Я другой человек, не лезущий в чужие судьбы, а тем более не собирающий на них информацию. Признаю, что это не красит меня. Знаю, первого впечатления не изменить, но объяснить всё я должен. В тот момент был на грани

сумасшествия и паники. Думал, передам карточку Роксборро, и всё будет хорошо. На том приёме я встретил своего агента, бывшего уже агента, который привёл другого парня, хотя он был близок мне. Десять лет потратил на него, и ты, скорее всего, попалась мне под руку. Это... – замолкаю, когда девушка поднимает голову к небу и крутит шейю.

– Это всё очень интересно. Для тебя. Но пять минут прошли, – прочищает горло и втягивает с шумом в себя воздух.

– Шай, – хмурясь, присматриваюсь к ней. Что-то не так, явно с ней что-то происходит. Губы белеют на глазах, и она их смачивает кончиком языка, постоянно моргая. Дышит слишком быстро, словно кислорода не хватает.

– Шай, с тобой всё в порядке? – Спрашиваю её.

– Это вода? – Надрывисто произносит она, указывая на бокал, стоящий рядом со мной.

– Да, – медленно и удивлённо киваю.

– Я приехала, – ещё один шумный вздох, пока копается в сумочке «Шанель», – приехала, чтобы ты отдал мне альбом. Выслушала, а теперь заканчивай.

Замечаю блистер с таблетками, которые она выдавливает на руку и кладёт на язык. Шокировано наблюдаю, как Шай тянется к бокалу, отмечая, насколько сильно дрожит её рука. Хватает его и делает два больших глотка.

– Ну же, Рейден, отдай мне альбом, – шёпотом говорит, отставляя стакан.

– Шай, ты заболела? Отдам, не волнуйся, но сначала скажи, что происходит? – Приподнимаюсь со стула, но девушка выставляет руку с указательным пальцем.

– Отдай мне... – замолкая, вздрагивает и закрывает ладонью рот.

Смотрю в её широко распахнутые глаза, наполненные страхом и чем-то ещё.

– Шай...

– Альбом, – подскакивает с места, издавая какие-то бурлящие звуки.

– Шай...

Выпрямляюсь в полный рост, а она размахивает рукой перед моим лицом, пытаюсь что-то сказать. Но не успеваю даже вымолвить и слова, как Шайди пролетает мимо меня, достигая бара, а затем скрывается в основном зале.

Поднимая руку, подзываю официанта.

– Счёт, – прошу его и он, кивая, уходит к кассе

Что это было? Что происходит, чёрт возьми?

Могу ли я оставить это так, сесть и ждать? Нет. Подхватывая рюкзак, направляюсь туда, где скрылась Шай. Уборная.

– Шай, – стучусь, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

– Я вхожу, – предупреждая, отрываю дверь.

До слуха доносится тихий стон. Быстрым шагом нахожу последнюю кабинку и резко распахиваю незапертую дверь. Наверное, солнце сильно ударило по голове, потому что вряд ли Круэлла может обнимать унитаза руками. Её сильно тошнит, она вздрагивает всем телом и хнычет, словно маленькая.

– Шай, чёрт! Шай! – Отмирая от увиденного, падаю на колени и убираю с покрытого испариной лица мокрые пряди шоколадных волос.

– Альбом... – хрипит, и её снова рвёт.

Мои руки трясутся, а сердце буквально с ума сходит. Не понимаю, что происходит сейчас, как помочь и, вообще, что мне делать. Подскакивая на ноги, вылетаю из уборной и выбегаю на улицу.

– Воды, – прошу, часто дыша, подбегая к барной стойке.

– Ваш счёт, – напоминают мне.

– Чёрт, вот. Воды, это срочно, – зло шиплю, доставая бумажник и вытягивая купюру в двадцать баксов. Бросаю на стойку, ожидая, когда мне в руку вложат прохладную бутылку.

Всё настолько быстро для меня, я не осознаю, что делаю. На автомате добегаю до уборной и запираю её на ключ. Зачем? Не имею понятия. Добираюсь до Шай, прислонившейся к стенке кабинки и дышащей через рот.

– Давай, выпей. Ты что, беременна? – Судорожно выдавливаю из себя. Открываю крышку и подношу горлышко бутылки к её губам.

– Шай, пей, пожалуйста. Это поможет, – обещаю, когда она распахивает покрасневшие глаза и слабо кивает. Делает глоток, затем ещё один.

– Вот так, молодец. Что с тобой? Чем мне помочь? – На одном дыхании спрашиваю, отставляя бутылку.

– Альбом... отдай... боже, – стискивает зубы и сжимается вся, словно больно.

– Шай, отдам, конечно, отдам. Он твой, слышишь? Что... дерьмо... наклонись, – подхватываю её и помогаю приблизиться к унитазу.

Её рвёт, да так нещадно, что кривлюсь. И даже не трогает вонь, нет мыслей, только страх, потому что она является человеком, у которого не может что-то болеть. Она робот. А сейчас поддерживаю её голову, чтобы не рухнула прямо туда, и хочу помочь. По-человечески помочь, как друг.

– Не трогай... жарко... от тебя очень жарко, – сипло подаёт голос, пытаюсь оттолкнуть.

– Если я не буду тебя держать, ты упадёшь, Шай, – возмущаясь, ещё крепче обхватываю её талию и переползаю за спину.

– Не трогай... не надо... боже, как больно. Домой... домой... альбом... – шепчет, отклоняя голову назад. Кажется, что даже плачет. Сухо. Без слёз. Рваное дыхание, а я в шоке. Чёрт возьми, меня самого трясёт.

– Тише. Сейчас я отвезу тебя, хорошо? Немного лучше? – Дотягиваюсь до туалетной бумаги и бутылки, укладывая её спиной на свою грудь.

– Не трогай... не прикасайся ко мне... сожжёшь, – шепчет, а мне плевать, потому что это ненормально.

– Ты беременна, Шай? От Роксборро? – спрашиваю, пока выливаю немного воды на бумагу.

– Нет... больно... чёрт... больно... домой... Элеонор... Скай... альбом... – хнычет и издаёт протяжный стон, как раненый зверь. И это страшно. Действительно, ещё более пугающе, чем раньше.

– Хорошо. Всё хорошо, – приговаривая, протираю её лицо. Мотает головой, не позволяя мне это делать, пытается отпихнуть меня, даже драться, думаю, она бы могла, если бы с ней что-то не происходило сейчас.

– Шай! Прекрати! – Повышая голос, ловлю её запястья и прижимаю к влажной тонкой материи блузки.

– Дай помочь, чёрт! Слышишь? – Рычу, бросая в унитаз разорванную бумагу.

– Не трогай... не смей... не трогай... – одними губами. На выдохе. Сглатываю от этих слов, но это невыполнимо.

– Ты идти можешь? – Немного приподнимаясь, обхватываю её за талию.

– Что я спрашиваю? Нет, не можешь. Хорошо. Донесу тебя. Шай, посмотри на меня, –

одним рывком поворачиваю её к себе и прижимаю к стенке кабинки.

А взгляд мутен, алые нити изрезают белок, а тёмные глаза усталые и потухшие.

– Шай, я довезу тебя. Помогу и оставлю альбом у тебя. Только не дерись со мной, ты не можешь идти, не понимаю, как ты, вообще, доехала сюда. Да и я в шоке, если честно. Я... – слабый удар по паху и кривлюсь, фиксируя её тело своим.

– Ты близко... очень... не трогай... не трогай меня... не надо... – сквозь зубы шипит и меня злит это.

– Закрой рот, Шай. Закрой свой рот и слушай. С тобой явно что-то не так, тебя рвёт, да и вид у тебя не ахти какой. Поэтому закрой свой рот, потому что я пытаюсь помочь тебе, хотя не хочу. Я должен был попрощаться с тобой, извиниться и больше не видеть тебя. Отпустить эти мысли, которые не дают работать. Закрой рот, иначе я не могу сконцентрироваться на том, что мне делать, – рычу в её бледное лицо. Мне повезло, что сейчас она не может мне ответить или же применить какой-нибудь из своих приёмчиков. Иначе я бы валялся на полу в уборной.

– Ухватись за мою шею, – забрасываю её руки себе на плечи и, наклоняясь, хватаю её под колени.

Она даже не двигается, словно заснула. Только чувствую её быстрое и сухое дыхание рядом с шеей, которое даже сейчас отдаёт прохладой. Сложно открыть дверь, когда ты несёшь человека, но сейчас удаётся всё, потому что раздражён, зол и напуган. Последнее не хочется признавать.

Бросаю взгляд, на затихшую в моих руках Шай, пока направляюсь к парковке, мимо удивлённого и перешёптывающегося персонала. Плевать. Больше сюда не придём. То есть я не приду. А она... не знаю. Почему ей плохо? Может, всё же, беременна?

– Шай, поедem на твоей. Моя... на твоей и точка, – более уверенно заканчиваю и, опуская девушку, прислоняю к автомобилю.

– Стой, я поддерживаю тебя. Держись за меня, если нужно, – прижимаю её тело своим к автомобилю. Шипит, а затем выдыхает. Слабо. Надрывисто.

Ищу ключи в её сумочке, висящей через плечо.

– Она уже открыта... мотылёк... ключ... близко... она открыта, – шепчет, обдавая своим дыханием мою шею.

– Ну да, как же у тебя может быть иначе, – бурча, обнимаю девушку за уже влажную от пота блузку и отодвигаю немного.

Да я сам весь мокрый. А в салоне «Ауди» приятно пахнет кожей и лёгким послевкусием привычного парфюма владелицы. Опускаю её в пассажирское кресло и привожу его в лежачее положение. Пристёгиваю и закрываю дверцы. Перебегаю на водительское, бросаю рюкзак назад.

Если честно, никогда не водил такие навороченные машины. Всегда хотел, но денег не было. А сейчас чувствую себя кем-то иным, пока ищу, где вставлять ключ или как она заводится.

– Тормоз до упора и кнопка справа от руля, – хрипло подсказывает Шай.

– Спасибо. Я... у меня всё иначе. Спасибо. Ты как? – Улыбаясь, быстро выполняю указания.

– Альбом...

– Чёрт, да он со мной! Лучше лежи и не выводи из себя. Я не понимаю, что происходит. Ты... вся такая идеальная, сильная, стальная даже и сейчас тебе плохо. Тебя даже трясёт и,

может быть, мне экзорциста¹ позвать, потому что не могу придумать сейчас ни одного объяснения, что случилось с тобой. Ты отравилась? – Чувствую себя полным идиотом, когда поворачиваю голову к Шай.

Мне больно смотреть, как она стискивает зубы, кусает губы. Ей хочется кричать, но она держится. Настолько глупо её поведение в данной ситуации, что появляется желание наорать на неё. Возможно, потому что паникую, ведь эта встреча подразумевала лишь обычный обед. Без последствий. А вышло всё иначе. Гоню по дорогам на чужой машине, а рядом из девушки пытается вырваться дьявол. Кручу кондиционер и ставлю на самый минимум. Мне очень жарко. Я весь мокрый, как и Шай.

Красный свет, и я слышу её стон.

– Тебе плохо? Может быть... не знаю... дерьмо, у тебя так чисто здесь. Жалко будет, если тебя стошнит... – тянусь рукой к её лбу, потому что кажется, что она горит.

Отбивает руку и распахивает глаза, испепеляющие меня яростью.

– Не прикасайся. Выметайся из моей машины, – наверное, она хочет сказать что-то ещё, но жмурится, вновь начинает быстро дышать и выгибается.

– Интересная просьба, Круэлла. Ещё немного и тебя снова начнёт тошнить, моя машина осталась на парковке в ресторане, да и помощь тебе явно нужна. Чёрт, Шай, даже не думай. Терпи, слышишь? Чем ты так отравилась? – Её лицо с каждой секундой зеленеет, и также наблюдаю, сколько силы у неё внутри. Она именно борется с собой, старается контролировать себя и не позволяет мне узнать что-то большее.

Нажимая на газ, достаю телефон из джинсов и одной рукой ищу сохранённую записку с адресом Шай. Конечно, она живёт в одном из самых новых районов, где цена на квартиры заоблачные. Хмыкаю на это и прячу мобильный обратно.

Сворачиваю к её улице и передо мной высокие массивные ворота, через которые предполагаю можно войти только по приглашению. Подъезжаю к ним, когда девушка издаёт стон и сжимает руками голову.

– Дерьмо. Шай, мне не открывают, – сквозь зубы произношу и жму на гудок.

Замечаю другие ворота подземного паркинга, потому что никто не реагирует. Останавливаюсь возле них. Красный огонёк сменяется на зелёный, и они открываются.

– Какой у тебя этаж? Шай, какой этаж? – Громко спрашиваю, спускаясь по винтовой дороге.

– Первый.

– Чёрт! – Переключаю передачу и сдаю назад. Мне бы не разбить ничего, иначе не расплачусь.

Заезжаю задним ходом на нужный этаж и ищу свободное место. Плевать, если не там. Потом переставит.

– Как её выключить? – Шиплю, пока мотор работает.

– Мотылёк... глупый... так же... кнопка... педаль, – Шайди издаёт хриплый смех, а затем такой же стон.

– Сейчас доулыбаешься. Скажи спасибо, что, вообще, доехал, – бурчу себе под нос, наконец-то, заглушая мотор.

Выскакивая из машины, подхватываю рюкзак. Распахиваю дверцу с её стороны. А её буквально трясёт. Да так сильно, что теряюсь, не зная, что делать дальше. Отстёгиваю ремень и вытаскиваю девушку из машины. Клацает зубами.

Несу её к лифту. Она не такая тяжёлая и горит. Кажется, у неё температура. Может быть,

простуда?

– Какой этаж? – Спрашивая, вхожу в лифт.

– Двадцать четвёртый... чёрт, – шипит, впиваясь в мою шею ногтями.

– Дерьмо, Шай, больно! – Кричу, кривясь на разодранную кожу, и нажимаю на нужную кнопку.

Отчего становится жалко её. Она как будто становится маленькой в моих руках, сжимается вся и дрожит.

– Тише, сейчас... ещё немного... потерпи, – шепчу, прижимая её ближе. Боюсь уронить.

Шипит. Стонет, и конвульсия проходит по её телу. Сжимает ещё сильнее мою шею.

– Ты раздерёшь меня, бабочка, – жмурюсь от боли.

Наконец-то, лифт останавливается, и я быстрым шагом иду по коридору к нужной квартире. Ударяю ногой, затем ещё раз, удобнее удерживая Шай на руках.

– Что... – дверь распахивается, и передо мной стоит женщина примерно сорока лет и удивлённо смотрит то на меня, то на девушку в моих руках.

– Я не знаю, что с ней! – Кажется, нервы сдают, и кричу.

– Мать Божья! Девочка моя, скорее сюда, – отходит от двери, пропуская меня в светлое пространство.

– Элеонор... пик... – жалостливо хрипит Шай.

– Быстрее. За мной, – командует женщина и ведёт меня на второй этаж.

Открывает самую дальнюю комнату, и я оказываюсь в белоснежной спальне, где всё сверкает от чистоты.

– Кладите сюда. Будьте здесь, – бросает мне и выбегает из комнаты.

Опускаю девушку на кровать и, выпрямляясь, разминаю шею и руки. Шай извивается на постели, словно действительно из неё сейчас что-то выпрыгнет. И это ужасно. Страшно. Потому что не знаешь причин, ничего не знаешь, и это вводит в ступор.

– Отойдите, – меня отпихивают от кровати.

Женщина набирает что-то в шприц и одним движением переворачивает девушку лицом вниз. Буквально срывает с неё брюки, и не должен смотреть на оголённые ягодицы в тонких трусиках-стрингах, но не могу отвести взгляда. Она делает ей укол и зажимает ватой.

– Всё хорошо, милая. Сейчас будет легче, ещё немного потерпи, – откладывая шприц, приговаривает.

И всё так чётко, словно не первый раз. Стягивает с неё брюки, и понимаю, что не должен наблюдать. Не должен, и всё. Отворачиваюсь и выхожу из спальни.

Прислоняюсь к стене и, закрывая лицо руками, потираю кожу. Только сейчас улавливаю быстрый стук сердца и то, как сам дрожу. Весь мокрый от нервов, паники и наваливается усталость.

– Кто вы такой? – Раздаётся голос сбоку. Открываю лицо и поворачиваюсь к женщине, ниже меня на две головы, но настолько воинственно настроенной, что вызывает улыбку.

– Рейден Броуд, можно просто Ден. У нас с Шай была встреча, – отвечаю.

Прищуривает голубые глаза, досконально изучая меня с ног до головы.

– Вы можете быть свободны, мистер Броуд, – бросает мне и идёт по коридору.

– Быть свободен? Что с ней? – Быстрым шагом догоняю её и спускаюсь за ней по лестнице.

– Вы свободны, мистер Броуд, – повторяя, сворачивает за лестницу, а я за ней.

– Ну нет, так не пойдёт. Её рвало, потом я оказался в самом страшном фильме в своей

жизни, и теперь свободен?! – Рычу, останавливаясь в просторной столовой, совмещённой с кухней.

– Кто вы такой? – Открывает дверцу под раковиной и бросает туда вату и использованный шприц.

– Ден, я же сказал, – опираюсь ладонями о стул.

– Нет, кто вы такой, мистер Броуд? Для Шайди? – Поворачивается и складывает руки на груди.

– Кто такой? Дайте вспомнить, – язвительно произношу. – «Мотылёк». Человек, который влез не туда. Придурок, который оскорблял её и говорил неприятные вещи, который копался в её личном деле и узнал много скрытого. Урод, который угрожал.

Замолкаю, пытаюсь отдышаться. И всё, все силы утекают. Глубоко вздыхаю и понимаю, что не могу больше стоять. Опускаюсь на стул и сбрасываю на пол рюкзак.

– Но я хотел бы быть другом. И снова воспользовался шантажом, чтобы встретиться с ней. Вот, – копясь в рюкзаке, достаю альбом и кладу на стол.

– Моё имя Элеонор, – представляется, как уже понял, домработница. Слабо улыбаясь, киваю.

– Хотите что-то? – Интересуется она.

– Воды, если можно.

Замолкаю, пока она достаёт из верхнего шкафчика бокал и наливает туда воду из холодильника, сделанного под белоснежный тон глянцевого кухонного оборудования. Ставит передо мной, и я выпиваю залпом.

– Я не должен был так поступать, – тихо подаю голос, крутя в руках стакан. – Не должен был манипулировать знакомством со Скай, чтобы извиниться. А я хотел этого, понимаете? Я не плохой человек, но поступил гадко. Пытался как-то поправить положение после того, как узнал, что Шай помогла мне с работой. Она выбрала меня, хотя я бы себя не выбрал. И на встрече хотел сказать именно это, но ей резко стало плохо. Что происходит? Что вы ей вкололи?

Светловолосая женщина в домашнем спортивном костюме продолжает смотреть на меня, словно обдумывая поверить или нет.

– Наркотик? Это, было похоже на ломку, – предполагаю.

– Вы можете идти, мистер Броуд, – сухо отвечая, подходит ко мне и забирает из рук бокал.

Кривлюсь от неприятного ощущения. Подскакиваю со стула и хватаю зло рюкзак. Обида неожиданно появляется в груди, и я поднимаю голову.

– Ни черта я не уйду, пока не узнаю, что с Шай, – уверенно произношу.

– Я вызову охрану, – спокойно отзывается Элеонор, включая посудомоечную машину.

– Вызывайте. Но я пойду к ней и потребую ответов. Чёрт, да я терпеть не могу, когда людей тошнит! Я даже своей девушке не помогал, когда ей было плохо, потому что и мне становится так же. А Шай... она... дерьмо, что с ней? Я не должен, но меня самого трясёт до сих пор, потому что ничего не понимаю, и меня волнует её состояние. Она же... да вы знаете её, она сильная и видеть слабость Круэллы для меня буквально невероятно. И всё же, меня это волнует. Сильно. Хочу быть ей хотя бы знакомым, на которого она не держит зла. Наркотики?

Не отвечает, делая вид, что прибирается на и без того чистой кухне.

– Почему она хочет быть сиротой, когда есть родители? Почему так волнуется за сестру?

Почему такая? Запрещает прикасаться к ней, даже если это поможет? Не понимаю, почему стою здесь до сих пор, но двинуться не могу, – уже тише произношу.

– Мигрень, – Элеонор поворачивается и подходит к столу.

– Мигрень? Но это...

– Приступ. Мигрень проявляется у всех по-разному. Её вылечить невозможно. Ещё вчера Шайди было плохо, она только приняла таблетки. Утром тоже. Сказала, что должна быть на встрече. Очень важной встрече. В таком состоянии обычно она остаётся дома.

Открываю рот и тут же закрываю. Опускаюсь на стул и сжимаю голову руками.

– Она больна? – Шёпотом спрашиваю.

– Не больна, но бывают приступы.

– И часто так?

– Последний был месяцев пять-шесть назад. Обычно таблетки снимают боль, но если она не отпускает, то лучше сделать укол. Именно в мышцу, потому что так действие лекарства начнётся быстрее. Это сосудорасширяющий препарат с обезболивающим. Мигрень вызвана резким скачком давления. Оно повышается, и тогда человека тошнит, голову разрывает от безумной боли. В такие моменты хочется биться ей об стену, чтобы снять давление. А на пике Шайди не было дома.

Поднимаю голову и закрываю глаза, понимая, что и в этом я виноват. Ни черта, не знаю о ней, а всё оказалось ещё хуже. Эта молодая женщина, которую зовут Круэллой, имеет не только тайны, но и последствия их. И мне гадко от себя, что заставил её терпеть всё это, ради каких-то слов.

– Дерьмо. Это из-за меня всё случилось. Но я не предполагал. Почему? Разве нельзя это контролировать или же как-то вылечить... помочь ей? Я видел, как ей больно. И уверен, что Шайди было намного тяжелее терпеть. Чёрт, я в шоке, простите. Не ожидал. Не хотел. Правда. Простите, – сжимаю глаза пальцами, чтобы пережить и эту ночь, которая ещё тяжелее придавливает к земле.

– Она будет спать. До завтра точно, поэтому вы ни в чём не виноваты, мистер Бруд. Шайди для вас незнакомый человек, которого вы ненавидите, предполагаю...

– Нет, – перебивая, убираю руку с лица. – Нет, ненавижу, признаю. Но из-за себя же, потому что ничего не получалось, а она лишь выполняла свою работу. Мне нет оправданий и я, надеюсь, что она всё же, простит меня. Я не умею жить, забыв о проблемах, которые принёс другому человеку. Не такой, понимаете? Другой я. Меня учили, что всегда нужно извиняться, если ты неправ. Ты должен доказать тому, кого обидел, насколько раскаиваешься. Тогда душа очистится, и станет легче. Но сейчас так странно и неприятно внутри.

– Вы неплохой человек, мистер Бруд. И, поверьте, Шайди не запоминает то, что ей говорят люди. Плохое. Оскорбительное. Ей до этого нет дела, поэтому можете успокоиться. Она завтра проснётся, и будет продолжать работать, как обычно, словно ничего не произошло. Такой она человек. Отправляйтесь домой.

– Вы передадите ей это? И мои извинения. Пожалуйста, – прошу, вставая со стула.

– Конечно. Идите.

Подхватываю рюкзак и только хочу уйти, как поворачиваюсь.

– Почему у неё этот диагноз? Он же не с рождения.

– Я не отвечаю на ваш вопрос. Не имею права. Забудьте о Шайди. Вам необходимо забыть обо всём, что вы знаете. Это и покажет, насколько вы хороший человек.

Киваю и направляюсь к лестнице. Только сейчас могу разглядеть панорамные окна, где виднеется холм с надписью: «Голливуд». Большая гостиная, словно с обложки журнала. Белая с серыми оттенками в обивке дивана.

– Мистер Броуд.

– Ухожу, – отворачиваюсь и иду к двери, отмечая, что многие перегородки выполнены из стекла.

Открываю её и не могу сделать шаг. Не понимаю, по какой причине. Не могу. Буквально противится внутри что-то, не позволяя покинуть это место. Мне хочется быть уверенным, что с Шай всё хорошо. Снова за секунду переживаю весь день, проведённый с ней, и это вызывает трепетание в области груди. Сердце сбивает свой ритм, а сам я чувствую себя потерянным.

Заставляю себя сделать шаг, чтобы за мной закрыли дверь.

Я не смогу ничего забыть. И у Шайди Лоу слишком много тайн, которые жажду узнать. Нельзя, понимаю. Это лишнее, оно только запутает меня, не даст работать и забьёт голову. Не поделаться ничем с собой. И это не интерес. Что-то иное. Хочется разобраться, почему она такая. Почему эта девушка, страдающая от мигрени, бросила всё и закрыла глаза на своё состояние, подвергла себя опасности, приехала на встречу ради какого-то альбома? Да, Скай для неё очень важна, но это необдуманно и не свойственно поведению Круэллы. Её сестра – слабость, которая есть у каждого человека. Но если человек поступает так, как Шай, то это показывает, насколько он любит.

Тогда остаётся другой вопрос: зачем её мать прилетела ко мне и выдала ложную информацию, пытаюсь убедить меня, что Шай – ужасный человек? Да, я тоже так думал. Но не сегодня. Сегодня всё изменилось ещё больше. И, кажется, действительно волнуюсь. Очень. До сухости во рту. Переживаю за ту, кого ещё недавно хотел уничтожить. Так кто из нас Круэлла? Она или я?

Рейден

– Ден, я уже готова, – раздаётся стук в дверь, и я моргаю.

– Да. Иду, – отзываюсь и выключаю воду. Не помню, зачем её включил.

Смотрю на своё отражение и поправляю чёрную бабочку. Разворачиваюсь и выхожу из ванной комнаты. Укладываю в карман брюк телефон и наличные. Лорейн ожидает меня у выхода в тёмно-синем сверкающем платье до колен, которое мы выбрали сегодня в перерыве между занятиями и съёмками. Затем она ушла в салон, и благодаря этому у неё замысловатая причёска и слишком яркий макияж. Он мне не нравится, но, улыбаясь, подхожу к ней и предлагаю руку.

– Я так рада, что у нас, наконец-то, всё получается. И мы идём на наш первый приём. Настоящий и благодаря тебе. Их же теперь будет много? – Спрашивает Лорейн, пока мы спускаемся в лифте к ожидающему нас такси.

– Наверное. Мне сказали быть сегодня, но я очень устал после вечерней тренировки, – вздыхаю и разминаю плечи.

– Лучше уставай, чем без дела сидеть, – смеётся она.

– Я не сидел без дела...

– Ох, там будут знаменитости? Я бы хотела встретиться с президентом или кем-то вроде него, – перебивает меня, а я закатываю глаза.

– Нет, президента там не будет. Это вечер, на котором соберутся только актёры, режиссёры и люди, крутящиеся в мире кинематографа и модельного бизнеса.

– Ладно, а Аарон Грир тоже там будет? Какой мужчина просто невероятный. И я так жду его новый фильм. Мы же пойдём? Тебе дадут приглашения? Мы пройдемся по ковровой дорожке? Никогда не ходила по красной ковровой дорожке. И нас будут фотографировать, о нас будут писать...

– Лорейн, не забегай вперёд. И нет, Грира там не будет, он на съёмках в Шанхае. Садись, – открываю дверь машины и буквально заталкиваю девушку в салон.

Обхожу такси и сам забираюсь рядом, называя адрес.

– Боже, я так волнуюсь. Места себе не нахожу. Может быть, надо было купить другое платье? Это дешёво смотрится, да?

– Лорейн, всё хорошо у тебя. Успокойся, – качаю головой и отворачиваюсь к окну.

– Ты даже комплимент мне не сделал. Всё быстро-быстро, как будто мы куда-то спешили. Если бы не ты...

Закрываю глаза, вновь слушая упрёки. А я так устал, мне очень хочется спать.

Будет ли Шай там? Не должна. Как она себя чувствует? Стало ли ей лучше? Почему такие сильные приступы? Она же богата, могла бы уже давно поправить здоровье. Подобные мысли крутятся постоянно в голове с того момента, как покинул квартиру Шайди Лоу. Со вчерашнего дня не могу думать ни о чём другом. Только работа, занятия с Дарреном помогают немного отодвинуть раздумья. А потом снова накатывает. Не понимаю, отчего так происходит. Должен свободное время уделять Лорейн, а я думаю о человеке, который наполнен тайнами, вызывает внутри крайне странные чувства и волнение. Не должен. Но разве кто-то спросил? Нет. И я думаю о ней. Хочется взять телефон и написать сообщение. Спросить, как она сейчас. Чёрт, поговорить. Просто как обычные люди. Да

не могу я забыть о том, что произошло. Это невозможно. Мучает меня, и никак не оборвать.

Такси останавливается недалеко от ресторана, в котором сегодня проходит приём. Помогаю Лорейн выйти из такси и расплачиваюсь. Да, для меня пока нет корпоративных автомобилей и всех благ, которые может подарить корпорация. Но даже сейчас я счастлив. Мы проходим по дорожке, ведущей к входу. Нас фотографируют, специальные люди называют моё имя и сообщают, что я именно тот, кто выиграл бешеную гонку в новом отборе. Весь план прохода мне рассказал мой агент, отрепетировав со мной образ и позы, запретив общаться с папарацци, и сохранять спокойствие. А меня внутри трясёт от адреналина и вспышек вокруг нас. Буквально от радости взрываются маленькие фейерверки в голове и по всему телу.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Особая должность в составе клира в древней христианской церкви. Обязанность заклинателей состояла в чтении особых молитв над бесноватыми, эпилептиками и подобными больными.